

Изданіе Н. Ю. Жуковскаго.

Матеріалы для Исторіи Нравственной и Экономической Культуры XIX вѣка.

НАСЕЛЕНІЕ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ю. Г. Жуковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

Изданіе Н. Ю. Жуковскаго.

Матеріалы для Исторіи Нравственной и Экономической Культуры XIX вѣка.

НАСЕЛЕНІЕ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ю. Г. Жуковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907.

Пров 45

1497
28

Типографія В. Ѳ. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Населеніе I—VI главы 1

Земледѣліе I—V главы 63

НАСЕЛЕНІЕ.

I.

Исторія человѣческой культуры дала намъ нѣсколько весьма общихъ положеній. которыми опредѣляется порядокъ ея роста: 1) культура развивается параллельно съ ростомъ населенія, или его густотой, или количествомъ труда, которымъ располагаетъ общество; 2) культура растетъ одновременно въ двухъ направленіяхъ: интенсивно, въ предѣлахъ той же территоріи, и экстенсивно, распространяясь на все большую часть земной территоріи; 3) интенсивный ростъ культуры, въ свою очередь, въ силу двойственной природы человѣка, происходитъ одновременно въ двухъ направленіяхъ: культура растетъ матеріально и въ то же время нравственно. отвѣчая, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ потребностямъ человѣческой природы; 4) экстенсивный ростъ культуры выражается постояннымъ сложеніемъ болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ въ болѣе крупныя, вслѣдствіе чего отдѣльныя государства представляютъ не простой аггрегатъ, а извѣстную систему.

Первое изъ этихъ положеній едва ли требуетъ какихъ-либо доказательствъ. Его подтверждаетъ исторія всякаго народа, достигшаго когда либо замѣтной степени культурнаго развитія.

Наконецъ, достаточно обратиться къ европейскимъ государствамъ въ ихъ настоящемъ положеніи, чтобы убѣдиться въ несомнѣнной связи между ихъ населенностью и степенью культуры или увидѣть, что государства, наиболѣе населенныя, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе развитыя

въ культурномъ отношеніи. Оно и представляется весьма естественнымъ, если примемъ въ соображеніе, что населенность порождаетъ нужду; а нужда понуждаетъ къ изобрѣтательности, которая и есть мать всякой культуры.

Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы населенность всегда и неминуемо вела къ непремѣнному росту культуры.

Если послѣдняя развивалась подъ вліяніемъ нужды, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы такое развитіе непремѣнно происходило на самомъ дѣлѣ во всякихъ случаяхъ. Если общество находитъ въ себѣ достаточный запасъ энергіи для того, чтобы выходить побѣдителемъ изъ усложняющихся съ развитіемъ населенія условій, то одновременно ростетъ и населеніе, и культура. Но, если способы производства останавливаются на одномъ уровнѣ, то производительность труда падаетъ съ ростомъ населенія, который, продолжаясь нѣкоторое время, достигаетъ предѣла, за которымъ населеніе не можетъ болѣе увеличиваться. Тогда обществу остается одно изъ двухъ: или найти въ изобрѣтательности выходъ изъ затруднительнаго положенія, или сбывать избытокъ населенія на сторону. Послѣднее, конечно, проще. Но эмиграція не лишена своихъ затрудненій и неудобствъ. Во-первыхъ она ведетъ къ столкновенію съ другими народностями, весьма часто враждебными. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, въ концѣ концовъ, побѣда остается за болѣе культурною народностью и, такимъ образомъ, путемъ колонизаціи, высшая культура распространяется на увеличивающуюся округу. Во вторыхъ, эмиграція требуетъ ряда другихъ жертвъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, которыя приносятся не легко. Человѣкъ, привыкшій на родинѣ къ извѣстной обстановкѣ, обычаямъ и личнымъ связямъ, жертвуетъ ими неохотно. Самый его организмъ примѣнился къ извѣстнымъ климатическимъ и другимъ условіямъ своей мѣстности. Колонизаторы должны вступить въ новую обстановку, которая можетъ имѣть свои преимущества; но имѣетъ всегда и свои недостатки. Ранѣе, чѣмъ ихъ организмъ успѣетъ примѣниться къ новымъ условіямъ, значительная доля эмигрантовъ становится ея жер-

твой. Мы можемъ видѣть это на судьбахъ европейскихъ населеній вообще въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Вслѣдствіе такихъ причинъ, не смотря на сгущенное мѣстами населеніе, значительныя пространства, во всѣхъ частяхъ свѣта, заняты до сихъ поръ дикарями или обществами отсталой культуры. Европейское населеніе въ Индіи, Австраліи и Африкѣ ростетъ вовсе не такъ уже поразительно быстро; и такія государства, какъ Китай, Афганистанъ, Турція и Тибетъ и пр. могутъ благополучно продолжать благоденствовать и даже закрывать въ большинствѣ случаевъ свои двери европейцамъ.

Конечно, въ концѣ концовъ, низшія культуры всетаки отступаютъ передъ высшими, такъ сказать, истребляются или вытравляются ими. Они исчезаютъ, какъ исчезли наши хазары; какъ исчезаютъ американскіе индѣйцы. Но эта побѣда совершается вовсе не такъ быстро.

Другое средство самозащиты культура находитъ въ развитіи или ростѣ интенсивномъ. Но исторія указываетъ, что на этомъ пути встрѣчаются едва ли не еще большія затрудненія. Извѣстная народность опережаетъ въ своемъ развитіи другія: ея культура ростетъ, на глазахъ у всѣхъ, явнымъ образомъ, но достигнувъ извѣстнаго предѣла, останавливается; общество, какъ бы лишается силъ идти далѣе. Оно какъ будто истощило всѣ свои запасы изобрѣтательности; выдохлось; сказало все, что могло и ничего не можетъ сказать болѣе. Оно вязнетъ въ принятыхъ обычаяхъ, понятіяхъ и привычкахъ, которыя являются подобно колодкамъ на его членахъ, и можетъ только медленно сгнивать и разлагаться, удобряя и уснащая почву для новыхъ цивилизацій.

До сихъ поръ, на нашей памяти, совершилъ свой циклъ рядъ такихъ цивилизацій. Мы имѣли культуру Сирохалдейскую, Египетскую, Индусскую, Китайскую, Греческую, Римскую и т. д. Не одна изъ нихъ не развилась изъ другой непосредственно. А каждая развивалась какъ новое цѣлое, вытѣсняя или смѣняя другія. Одновременно

съ развитіемъ даннаго общества, растетъ какъ будто и его инерція и останавливаетъ ростъ его культуры.

Но такъ какъ чувство самосохраненія заставляетъ наростающее населеніе искать выхода изъ нужды, то естественно, что оно его обыкновенно ищетъ на самомъ дѣлѣ и зачастую находитъ: т. е. съ одной стороны работаетъ надъ обогощеніемъ своей культуры новыми пріобрѣтеніями, путемъ изобрѣтательности: съ другой—надъ распространеніемъ той же культуры черезъ колонизацію.

Интенсивный ростъ культуры наглядным образомъ выражается въ усовершенствованіи матерьяльныхъ условій нашей обстановки, въ повышеніи произвольности труда. Общество лучше питается, одѣвается, освѣщается и пр.: пользуется лучшими жилищами, средствами сообщенія и пр.: Далѣе оно пользуется лучшимъ благоустройствомъ, большей безопастью, лучшими судами, большей равноправностью и болѣе гуманными нравами и обычаями. Наконецъ его умственное развитіе, его научныя свѣдѣнія, техническія познанія и міровоззрѣніе вообще усовершенствуются; его предразсудьи уменьшаются и оно вѣрнѣе начинаетъ понимать, и окружающую природу, и себя самаго.

Но такое интенсивное развитіе культуры сопровождается постоянно ростомъ внѣшнихъ размѣровъ общества. Самымъ первобытнымъ способомъ такого роста была война и насиліе; но она была не исключительнымъ способомъ такого роста. Малыя общества сливались обыкновенно въ болѣе крупныя единицы, подъ вліяніемъ взаимной выгоды или подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя вынуждали тѣ или другія общества отказываться отъ самостоятельности и искать улучшенія своего положенія подъ охраной другого, болѣе сильнаго. Наконецъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, болѣе культурнымъ средствомъ объединенія служила торговля. Древнія крупныя государства образовывались, безъ исключенія, путемъ завоеваній и насилій, которыя должны были особенно распространиться съ изобрѣтеніемъ ковки металловъ и холоднаго оружія.

Война создала древнеазіатскія государства и древнеевропейскія; она же привела къ сліянію въ одно цѣлое частей, составляющихъ въ настоящее время Франпію, Великобританію, Германію, Италію и Австрію. Нѣкоторыя изъ этихъ единицъ пропзошли на нашихъ глазахъ, еще недавно. Она же создала самый культъ отечества, который Европа унаслѣдовала отъ древнихъ, вмѣстѣ съ Римскимъ правомъ. Но не она одна. Первыя государства были все-таки не военными, а теократическими и тамъ, гдѣ они имѣли позже военный характеръ, они все-таки образовались при пособіи или въ союзѣ съ властью духовной.

Нигдѣ военное начало не оказывалось достаточно сильнымъ, чтобы полагаться на одного себя. Зачатки духовной власти коренятся въ первыхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ дикаго племени и потому нужно признать, что политическая власть и само государство выросли на почвѣ психической. Оно и осталось такимъ до сихъ поръ; ибо, если что поддерживало цѣлость и единство политическихъ единицъ, даже въ наше время, то, конечно, не одна военная сила, а своего рода нравственное единеніе, которое основывается на единствѣ религіи языка, нравовъ и культа отечества, ради котораго населеніе готово терпѣть всякія матеріальныя лишенія и нести всякія матеріальныя жертвы. Въ древнемъ мірѣ это единеніе между духовной властью и свѣтской было полное до того, что обѣ власти соединились въ томъ же лицѣ. Римскій Императоръ требовалъ себѣ божественныхъ почестей. Евреи управлялись пророками, которые помазывали царей.

Такой взглядъ, конечно, не вполнѣ согласовался съ Христіанствомъ, которое вошло въ міръ съ проповѣдью общаго братства и отрицанія всякаго различія между людьми передъ Богомъ. Въ переводѣ на свѣтское и политическое отношеніе, средневѣковое общество поняло эту проповѣдь опять не въ смыслѣ отрицанія политической розни, а въ смыслѣ сліянія всѣхъ политическихъ единицъ въ одно цѣлое, подъ властью Папы. Что изъ этого вышло и выходитъ до сихъ поръ—извѣстно. Вышелъ расколъ церквей,

основанный не столько на различіи догмы, сколько на отложеніи отъ подчиненности римской куріи. Тамъ же, гдѣ этого отложенія не произошло, какъ то въ государствахъ Романскихъ и нашей Польшѣ, происходила постоянная эксплуатація религіозныхъ чувствъ народа патерами и іезуитами, представлявшими римское государство въ чужихъ государствахъ.

Болѣе поздняго происхожденія система союзовъ, основанныхъ на взаимныхъ матеріальныхъ выгодахъ, не посягающая на политическую цѣлость отдѣльныхъ государствъ; но требующая свободнаго обмѣна между ними всякаго рода цѣнностей, какъ матерьяльныхъ, такъ и умственныхъ, уничтоженія таможенъ и свободы торговли. Несмотря на всѣ старанія, однако, нигдѣ идеи фритредерства не успѣли побѣдить до сихъ поръ порядокъ, основанный на политической розни. Еще менѣе успѣли осуществиться болѣе и болѣе проникавшія за прошлое столѣтіе въ общество идеи космополитизма. Осуществленіе ихъ было бы политическимъ торжествомъ Христіанской идеи, о чемъ современныя общества едва ли могутъ мечтать. Однако космополитическія воззрѣнія имѣютъ уже достаточное число сторонниковъ и, если объединеніе не могло уничтожить вовсе политической розни между государствами, то, съ другой стороны, внутри отдѣльныхъ государственныхъ единицъ, объединеніе сдѣлало, въ теченіе прошлаго столѣтія, опредѣленные успѣхи. Таможни между мелкими областями уничтожены; уничтожены различія между отдѣльными частями населенія или сословіями, изъ которыхъ не могла выйти побѣдительницей древняя культура. Равноправность всѣхъ передъ закономъ получила все большее и большее признаніе на практикѣ, черезъ отмѣну различныхъ сословныхъ привилегій и стѣсненій однихъ положеній и лицъ въ пользу другихъ.

Наконецъ голосъ защиты обездоленныхъ сословій сталъ раздаваться среди самихъ привилегированныхъ классовъ и сливаться въ общій аккордъ со стороны аристократіи, духовенства и служителей науки. Подъ вліяніемъ послѣдней, зародилось сознаніе выгодности улучшенія рабочей массы

для самой господствующей части общества; а успѣхи техники и знанія вызвали промышленное развитіе, перестроивъ совершенно, еще недавно, господствующую форму; дали всему производству новый видъ: 1) Прежнія самодовлѣющія хозяйственныя единицы должны были отказаться отъ многихъ производствъ, и хозяйство изъ домашняго обратилось въ денежное. Внутренняя торговля связала такимъ образомъ—чего не было ранѣе—всѣхъ болѣе тѣсными узами. Сельчанинъ не можетъ болѣе существовать безъ фабричнаго рабочаго. 2) Торговля пошла далѣе: она старалась уничтожить границы между государствами. Война между ними стала уже не столь легкой. Но кромѣ матеріальнаго общенія, важно появленіе въ небывалой степени общенія духовнаго, обмѣна научныхъ и техническихъ свѣдѣній и мыслей вообще, такъ; что интенсивное развитіе отдѣльныхъ культуръ привело къ экстенсивному распространенію той же культуры на всю систему существующихъ государствъ, связывая ихъ все болѣе и болѣе въ одно цѣлое.

Впрочемъ, несправедливо было бы думать, что государства, составлявшія въ какую либо эпоху серію политическихъ единицъ, лишены были, когда либо, какой либо между собою связи и представляли простое собирательное. Если мы и встрѣчаемъ нѣчто подобное на первыхъ ступеняхъ общежитія; если одичавшія племена и представляютъ собой подобныя отдѣльныя общественныя группы, несвязанныя ни въ какую систему, то между ними уже завязываются извѣстныя сношенія и связи, хотя бы временно и случайно. Но съ увеличеніемъ такихъ связей происходитъ дальнѣйшее сліяніе мелкихъ въ болѣе крупныя общественныя единицы и государства. Эти связи обращаютъ отдѣльныя мелкія единицы и племена въ опредѣленную систему, въ которой каждой принадлежитъ свое опредѣленное мѣсто и значеніе, благодаря чему только и достигается то единство и цѣлость, которую представляетъ для насъ общество, развившееся до степени государства.

Начальныя поселенія или общины составляютъ самодовлѣющія политическія и хозяйственныя или производи-

тельныя единицы. Зарождающіяся между ними связи уничтожаютъ исключительность такой обособленности и въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Раздѣленіе труда отводитъ различнымъ изъ нихъ различныя функціи. Съ тѣхъ поръ они уже не могутъ существовать другъ безъ друга, безъ взаимнаго обмѣна и торговли продуктами своего національнаго производства. Слѣдствіемъ этого является измѣненіе всего существующаго общественнаго строя. Въ политическомъ отношеніи, первоначальная равноправность и свобода смѣняется извѣстной іерархіей; въ хозяйственномъ отношеніи, первоначальное однообразіе занятій замѣняется раздѣленіемъ профессій на отдѣльныя спеціальности, а населенія — на общественныя группы. Населеніе начинаетъ сгущаться около извѣстнаго центра или нѣсколькихъ центровъ, изъ которыхъ выдѣляется обыкновенно премирующій. Это — будущій политическій, зачастую торговый центръ или главный рынокъ. Отдѣльныя производства начинаютъ затѣмъ размѣщаться по округамъ, довлѣющимъ не только къ своимъ мѣстнымъ, но и этому, главному центру.

Тотъ же процессъ, который совершается внутри отдѣльныхъ государствъ, повторяется и среди системы государствъ. Надъ этой системой господствуетъ тотъ же законъ объединенія, какой Тюненъ доказалъ въ своемъ Уединенномъ государствѣ, въ отношеніи хозяйственнаго строя отдѣльныхъ государствъ.

Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на серію европейскихъ государствъ, то мы здѣсь встрѣтимъ точно также сосредоточеніе населенности и культуры у извѣстнаго центра, именно: У западнаго прибрежья Атлантическаго океана, занятаго Англіею, Франціею и Голландіею. Отсюда населенность и степень развитія культуры все болѣе понижаются, если переходить къ югу и востоку, кончая на востокѣ и югѣ степями Россіи и Азіи. Точно также и на западъ отъ вышепоименованныхъ, наиболѣе культурныхъ странъ, мы встрѣчаемся съ малонаселенными странами сѣверной и южной Америки. Топографическія неправильности, вліяніе

морей и прѣсныхъ водъ и теченій вносятъ извѣстныя возмущенія въ этотъ порядокъ и измѣняютъ, конечно, тотъ видъ, какой имѣла бы картина при однообразіи территоріи, которую описывалъ Тюненъ; но, въ общемъ, его законъ даетъ себя чувствовать очень явно. Здѣсь происходитъ на площади, въ предѣлахъ двухъ измѣреній, подобное тому, что въ иной сферѣ совершается въ пространствѣ трехъ измѣреній. То же образованіе сложныхъ системъ, начинающееся съ группировки міровой матеріи около извѣстнаго центра. Дикія населенія первобытныхъ культуръ — это туманныя пятна небесныхъ пространствъ.

Такихъ центровъ или системъ можетъ образоваться на земной поверхности, подобно туманностямъ на небесномъ сводѣ, не одна, а нѣсколько. Мы и видимъ, даже въ настоящее время, одинъ такой центръ, отживающій въ Китайской культурѣ. Когда-то такой центръ составляли другія государства Азіи, Африки, Америки и Европы. Но эти звѣзды погасли и матерія ихъ пошла на возрожденіе новыхъ свѣтилъ въ Новой Европѣ. Такъ, на развалинѣ отживающей старой китайской культуры развивается въ настоящее время Японскій центръ.

Какъ городскіе центры имѣютъ свойство сосредоточивать около себя всякаго рода ремесла и обрабатывающія производства; какъ первые городскіе обыватели были вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльцами, обрабатывая участки земли, лежавшіе за предѣлами города, но затѣмъ окончательно устранялись отъ земледѣлія,—точно также и государства, сперва земледѣльческія, съ увеличеніемъ населенія и дорожанія стоимости производства хлѣба, должны естественно предпочесть полученіе его изъ такихъ мѣстъ, болѣе удаленныхъ и менѣе населенныхъ, гдѣ производство хлѣба обходится дешевле. Но такъ какъ послѣднее возможно только при условіи уплатъ за хлѣбъ равноцѣнной валюты, то такой контрвалюты эти государства должны естественно искать въ продуктахъ, которые не могутъ производиться вообще или достаточно дешево въ странѣ, добывающей дешевый хлѣбъ.

Такими продуктами и представляются продукты обрабатывающей промышленности и все фабричнозаводское производство. Эти продукты не могутъ обыкновенно производиться столь же успѣшно первобытнымъ способомъ, какъ земледѣльческое сырье. Они требуютъ слишкомъ сложныхъ приспособленій и техническихъ знаній и подготовки, которыя обыкновенно отсутствуютъ въ менѣе развитыхъ государствахъ. Поэтому естественно: 1) что менѣе населенныя государства становятся житницами болѣе населенныхъ, 2) что съ увеличеніемъ населенія и съ дорожаніемъ производства хлѣба на мѣстѣ, для каждаго государства наступаетъ своя очередь, когда оно изъ земледѣльческаго должно обращаться въ промышленное. Такая эпоха, въ концѣ XVIII вѣка, наступила для Англіи и возможность получить болѣе дешевый хлѣбъ сперва изъ Россіи и Америки, а затѣмъ изъ Индіи и Австраліи, объясняетъ весь тотъ переворотъ, который совершился въ ея хозяйственномъ строѣ для того, чтобы позже повториться на континентѣ.

Вотъ та почва, на которой выросло современное промышленное развитіе, мало-по-малу измѣнившее весь прежній хозяйственный строй Европы въ теченіе XIX столѣтія.

Это измѣненіе, однако, нисколько не нарушило общаго порядка, въ какомъ совершилось развитіе культуръ отдѣльныхъ государствъ и тѣмъ менѣе относительнаго положенія, которое они занимали въ общей системѣ. Промышленное развитіе естественно появилось ранѣе тамъ, гдѣ техника, знаніе и умственная культура были развиты болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и отсюда промышленное развитіе медленно распространилось на государства, болѣе удаленныя отъ центра культуры.

Профессоръ Юрашекъ издастъ краткія статистическія таблицы, касающіяся всего человѣческаго муравейника; изъ нихъ вы можете узнать, до какой населенности достигла каждая часть свѣта, а то и часть части. Въ общей сложности, населеніе всего земного шара составляетъ полтора милліарда душъ.—Теперь не угодно ли вамъ спросить, съ какого времени существуетъ человѣкъ на земномъ шарѣ?

По послѣднимъ соображеніямъ англійскихъ ученыхъ, земной шаръ долженъ существовать около 20 милліоновъ лѣтъ. Правда, человѣчество появилось здѣсь только сравнительно поздно. Подозрѣваютъ, что человѣкъ могъ существовать уже въ третичномъ періодѣ. Но такъ далеко заходить не нужно. Достаточно принять его появленіе только въ послѣдній геологическій періодъ, чтобы понять, что ростъ человѣчества совершался крайне медленно. Но вѣдь мы знаемъ приблизительно физіологическую плодовитость людской расы. Что же дѣлалось съ массой рождавшихся? Они, очевидно, погибали. Я не буду спрашивать, для чего они тогда нарождались, ни для чего нарождались всѣ тѣ животныя, которыя уничтожены до появленія человѣка, ибо этотъ вопросъ насъ не касается. Но все это только показываетъ, какъ трудно дается самой природѣ борьба за существованіе органическихъ формъ и какъ трудно далось человѣчеству разрѣшеніе первой элементарной общественной задачи — задачи своего бытія. Человѣчество для того, чтобы жить — должно питаться; а для того, чтобы питаться—должно производить пищу, и производить болѣе, чѣмъ потребляетъ, если оно хочетъ плодиться.

Спрашивается, что же, недостатокъ-ли пищи не давалъ человѣчеству увеличиваться быстрѣе? Дурно-ли, хорошо-ли онъ питался, это другой вопросъ, и въ значительной степени вопросъ вкуса. Эскимосъ находитъ обѣдъ изъ мяса моржей, запиваемаго рыбьимъ жиромъ, очень вкуснымъ,— питаться онъ могъ. Рыбы еще достаточно въ рѣкахъ и моряхъ; дичи и рогатаго скота въ лѣсахъ и степяхъ—тоже. Мало того, опытъ показалъ, что человѣкъ обладалъ по своей природѣ важнымъ преимуществомъ передъ другими животными,— способностью питаться всякаго рода пищей, т. е. какъ животной, такъ и растительной, хотя родъ пищи, къ которой онъ привыкалъ въ различные періоды своего существованія и въ различныхъ мѣстахъ, долженъ былъ сообразоваться съ тѣмъ, чѣмъ изобиловала мѣстность заселенія. Очень вѣроятно, что въ первобытное время онъ жилъ на деревьяхъ и питался подобно четверорукимъ го-

товой растительной пищею. Позже, сойдя на землю, сталъ питаться молюсками, рыбами и сухопутными животными; первыми въ прибрежныхъ мѣстахъ, вторыми — въ лѣсахъ.

Въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтія много интересовались вопросомъ о вліяніи на возникновеніе культуръ климатическихъ условій. По этому предмету было издано, между прочимъ, интересное изслѣдованіе Шарлемъ Контомъ, подъ заглавіемъ Traité de Législation. Авторъ доказывалъ рядомъ примѣровъ, что первыя цивилизаціи должны были появиться въ приморскихъ мѣстахъ умѣреннаго пояса. Береговыя мѣста давали однако количество пищи ограниченное; поэтому увеличеніе населенія должно было заставлять береговыхъ жителей разселяться внутрь материковъ и искать пищи въ лѣсахъ и степяхъ и слѣдовательно раздѣлять охоту здѣсь съ тѣми ранними обитателями лѣсовъ, которые, спустившись на землю, не ушли къ берегамъ, а остались въ лѣсахъ, ища здѣсь сухопутныхъ животныхъ, годныхъ для пропитанія. Но разселеніе, само по себѣ, уже не представляло такой легко исполнимой вещи. Условія самозащиты и выгоды охоты заставляли людей жить обществами или группами; тому же способствовали плотскія отношенія и все это создавало, путемъ привычки, извѣстную, уже нравственную, связь между членами группы и чувство стадной привязанности къ своему обществу. Селящіеся на окраинахъ или выселяющіеся подвергались легче нападенію, такъ какъ отсюда было дальше до мѣстъ общихъ сборищъ, для игръ, совѣщаній и пр. Первобытный же способъ добыванія пищи, т. е. отыскиваніе готовой, требовалъ большихъ пространствъ и допускалъ ничтожную густоту населенія, что также было неудобно. Поэтому человѣку естественно было искать способа увеличить производительность своего труда на той же почвѣ. Онъ и изобрѣталъ различныя орудія для большей успѣшности охоты. Позже, въ силу тѣхъ же условій, онъ пришелъ къ открытію, что производительнѣе воспитывать животныхъ для молока и убоя, чѣмъ истреблять ихъ и обратился изъ рыболова и охотника въ скотовода. Но и скотоводство, требовавшее

много земли, вызывало бродячій, кочевой образъ жизни и потому человѣку естественно было искать еще болѣе производительнаго способа пищепроизводства; было изобрѣтено земледѣліе.

Слѣдовательно въ способахъ добыванія пищи не было недостатка, и человѣкъ долженъ былъ уже давно разселиться настолько, чтобы занять большую часть возможной для сего территоріи. Если же онъ этого не сдѣлалъ, то не по причинѣ недостатка пищи, а по другимъ причинамъ, которыхъ могло быть только три: 1) Безусловная неспособность мѣстности къ высшей обработкѣ; такова климатическая полоса, на которой невозможна культура хлѣба, почему ни эскимосы, ни обитатели сѣверныхъ странъ не въ состояніи вести земледѣліе. Эту причину можно оставить въ сторонѣ. 2) Лѣнь и инерція, мѣшавшія переходу къ высшимъ видамъ обработки. Это такая причина, съ которой, рано или поздно, всегда справляется нужда, и болѣе инертное общество смѣняется менѣе инертнымъ. Остаются только двѣ слѣдующія. 3) Усиленная смертность вслѣдствіе болѣзней и 4) Усиленная смертность вслѣдствіе войнъ. Какъ бы бѣдны и безсильны ни были наши средства для сокращенія смертности, мы можемъ, однако, съ полной увѣренностью утверждать, что въ благоустроенныхъ и болѣе заселенныхъ государствахъ смертность отъ болѣзней и случайныхъ причинъ ниже, чѣмъ въ менѣе благоустроенныхъ. Въ настоящее время мы уже забыли о тѣхъ повальныхъ болѣзняхъ, которыя свирѣпствовали въ средніе вѣка и еще ранѣе въ древности. Центральныя гнѣзда нынѣ извѣстныхъ повальныхъ болѣзней до сихъ поръ локализируются въ малокультурныхъ мѣстахъ жаркаго климата. Поэтому выходитъ, что густота населенія должна расти съ культурой, которая, съ одной стороны, приводитъ къ новымъ способамъ пищепроизводства, съ другой, понижаетъ смертность отъ болѣзней улучшеніемъ гигіеническихъ условій.

Другой и едва ли не главной причиной усиленной смертности является *война*. Война началась съ первыхъ проявленій культуры и не кончалось до сихъ поръ. Она вела къ уни-

чтоженію цѣлыхъ государствъ такими же государствами; была причиной опустошеній цѣлыхъ частей свѣта и смѣны однихъ населеній той же мѣстности другими.

А разъ мы допустимъ такое хроническое уничтоженіе однѣхъ народностей другими, уже поймемъ, почему общее земное населеніе могло, въ концѣ концевъ, оказаться крайне ограниченнымъ. Обыкновеннымъ источникомъ войны считаютъ матеріальныя потери. Это однако справедливо на половину. Несомнѣнно, что война сопровождается грабежемъ; несомнѣнно даже, что первоначальной ея формой была тоже охота, какъ болѣе легкій способъ добыванія пищи; что привычка охотиться на звѣрей явилась только въ другой, такъ сказать, формѣ, въ видѣ охоты на людей и ихъ имущество. Но, если война сохранилась въ той степени, въ какой мы ее видимъ, то причиной ея были всетаки не одни грабежи, а, можетъ быть, въ такой же степени, стремленіе къ власти и удовлетворенію грубаго тщеславія; стремленіе къ славѣ и вообще такихъ страстей чисто психическаго порядка, при которыхъ матеріальные интересы являлись только сопутствующими.

Вспомнимъ только, какую роль игралъ въ исторіи Магометъ, крестовые походы, вообще религіозныя войны и сколько народу уничтожила католическая инквизиція. Такимъ образомъ усиленная смертность является результатомъ двухъ различныхъ и притомъ измѣняющихся причинъ: эпидемій и войнъ.

Смертность отъ болѣзней, говорили мы, сокращается съ ростомъ культуры; но тоже должны сказать и относительно войнъ. Послѣднія также должны становиться не столь часты и губительны съ ростомъ культуры. Поэтому успѣхи культуры прежде всего должны были выразиться сокращеніемъ смертности и усиленіемъ, вслѣдствіе этого, роста населенія.

II.

Мы должны разсмотрѣть теперь, насколько такія соображенія оправдались положеніемъ смертности и ростомъ

населенія въ XIX вѣкѣ. Ближайшаго отвѣта на этотъ вопросъ, повидимому, слѣдовало бы искать, въ такъ называемыхъ таблицахъ смертности. Къ сожалѣнію, однако, послѣднія не даютъ никакихъ къ тому основаній. Таблицы смертности представляютъ только грубую запись фактовъ, указывающихъ намъ общіе итоги смертности, не обращая вниманія на разнообразныя причины на нее вліяющія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣютъ настоящее значеніе лишь для того времени и мѣста, къ которому относятся. Распространяя ихъ на другое время, мы всегда рискуемъ сдѣлать ошибку и тѣмъ большую, чѣмъ менѣе условія даннаго времени и мѣста согласуются съ тѣмъ, при которыхъ составлены таблицы. Если же, несмотря на то, опытъ оправдываетъ возможность примѣненія подобныхъ таблицъ къ разсчетамъ на будущее безъ особеннаго неудобства, то это только потому, что условія, вліяющія на смертность, измѣняются мало и крайне медленно. Дать нормальную таблицу естественной смертности, то есть, смертности, обусловливаемой исключительно возрастомъ, конечно, невозможно; ибо, кромѣ возраста въ тѣсномъ смыслѣ, дряхлость или истощеніе организма наступаетъ для различныхъ лицъ различно рано, въ зависимости отъ физическихъ недостатковъ, передающихся наслѣдственно и потому, если бы мы даже учли всѣ случаи смерти преждевременной, отъ случайныхъ болѣзней или смерти насильственной, то и тогда мы имѣли бы только порядокъ естественной смертности для организма, какимъ его сдѣлали всѣ тѣ условія, среди которыхъ онъ жилъ и умиралъ до сихъ поръ. Но вѣдь абсолютно нормальный человѣкъ есть несуществующій миѳъ; есть только человѣкъ измѣняющійся; поэтому то, что сдѣлало съ его организмомъ прошлое, нужно принять такимъ, какъ оно есть; ибо оно уже вошло въ его природу. Мы были бы благодарны уже и за то, если бы имѣли возможность отдѣлить, изъ общаго итога смертей, смерти насильственныя и смерти отъ болѣзней случайныхъ. Сдѣлать это однако невозможно, по несовершенству статистическихъ данныхъ. Поэтому всѣ таблицы смертности представляютъ только

смѣшанные результаты дѣйствія на смертность весьма разнородныхъ причинъ.

Наконецъ таблицы смертности имѣютъ еще другой важный недостатокъ. Всѣ таблицы смертности составляются въ томъ предположеніи, что населеніе остается неподвижно въ теченіе цѣлаго столѣтія, то есть, продолжительности человѣческой жизни. Поэтому, если бы мы могли справиться со всѣми вышеуказанными затрудненіями, то осталось бы еще одно. Мы не могли бы учесть измѣнчивости населенія или его роста. Дѣйствительно, для составленія таблицъ смертности есть два способа (methode des listes mortuaires). Онъ состоитъ въ извлеченіи изъ метрическихъ книгъ показаній объ умершихъ по возрасту. Затѣмъ изъ общаго итога умершихъ вычитаютъ число младенцевъ до 1 года; изъ остатка вычитаютъ число умершихъ изъ 2-го года и т. д.

Но вѣдь въ результатѣ такого пріема оказывается, что всѣ, къ извѣстному сроку долголѣтія, умерли. Оно иначе и не могло быть, разъ мы съ самаго начала приняли общее число умершихъ къ послѣднему году за общее число родившихся 100 лѣтъ назадъ. Мы только переписали нѣсколько иначе данныя смертныхъ списковъ послѣдняго года, то есть, занимались тавтологіей.

Другой способъ (methode directe) не лучше: онъ беретъ цифры живаго поколѣнія по возрастамъ и числа умершихъ, также по возрастамъ. Послѣднія дѣлятъ на первыя; получаютъ отношенія умершихъ къ живымъ въ каждомъ возрастѣ, и потомъ принимаютъ ихъ за вѣроятности умереть въ данномъ возрастѣ. Пропорціонально такимъ то вѣроятностямъ и выводятъ число умершихъ въ 1-мъ году жизни; вычитаютъ его изъ общаго итога населенія; получаютъ число дожившихъ до конца 1-го года. Далѣе поступаютъ, какъ и при первомъ способѣ. Очевидно этотъ способъ ничѣмъ не отличается отъ перваго, кромѣ того, что здѣсь распредѣляется не общій итогъ умершихъ, а живущихъ. Но въ концѣ распредѣленія отъ нихъ также ничего не должно остаться, что въ дѣйствительности и случается позже. Этотъ способъ поэтому страдаетъ тѣми же

недостатками, какъ и первый. Оба выходятъ изъ того невозможнаго положенія, что число смертей равняется ежегодно числу рожденій, или, что населеніе остается неподвижнымъ въ теченіе 100 лѣтъ, или немного менѣе.

Самыя обстоятельныя изслѣдованія по статистикѣ смертности, въ русской литературѣ, принадлежатъ покойному академику Буняковскому, и онъ не скрывалъ отъ себя означеннаго недостатка. Въ какой же мѣрѣ населеніе остается неподвижнымъ въ теченіе столѣтняго срока, объ этомъ можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя приводитъ самъ академикъ для роста населенія Россіи.

Населеніе Россіи (безъ присоединенныхъ провинцій).

1722 г.	13 милл.	1796 г.	22,2 милл.
1742 »	14,6 »	1806 »	27,7 »
1762 »	17,3 »	1862 »	68,0 »
1782 »	19,3 »		

Въ настоящее же время оно приближается къ 140 милл.

Самъ Буняковскій старался избѣжать означеннаго серьезнаго недостатка слѣдующимъ образомъ: Составляя таблицу смертности для 1862 года, онъ бралъ въ разсчетъ не только число умершихъ въ этомъ году по возрастамъ, но также число ежегодныхъ рожденій, начиная съ 1762 г. по 1862 годъ. Тогда, допуская, что въ теченіе этого срока не произошло никакихъ особыхъ обстоятельствъ, — губительныхъ эпидемій или войнъ, — онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ:

Разсуждая, что умершіе въ 1862 году младенцы ниже 5-лѣтняго возраста должны были родиться въ промежуткѣ 1857—1862 гг., онъ бралъ среднее изъ рожденій за этотъ періодъ и, раздѣляя число умершихъ младенцевъ на среднее число рожденій по пятилѣтіямъ, выводилъ коэффиціентъ смертности для этого года.

То же онъ повторилъ для всѣхъ пятилѣтій, включая 1797—1802 гг. Остальной порядокъ вывода понятенъ самъ

собою. Нельзя не признать, что его пріемъ наиболѣе совершенный въ томъ предположеніи, что данныя о числѣ родившихся заслуживаютъ довѣрія. Но въ этомъ конечно вопросъ. Для 1796—1835 гг. онѣ заимствованы изъ частныхъ сочиненій Карла Герленна и С. Корсакова и только съ 1835 г. изъ вѣдомостей, обнародованныхъ Св. Синодомъ. Кромѣ того Буняковскій ввелъ поправку, касающуюся вліянія на число рожденій въ 1812 и 1813 гг. отечественной войны. Онъ измѣнилъ дѣйствительное число рожденій, показанное для этихъ годовъ примѣнительно къ числу смежныхъ годовъ, что въ подобныхъ исключительныхъ случаяхъ вполнѣ законно. Такой способъ привелъ г. Буняковскаго къ составленію для Россіи таблицы смертности, мало отличающейся отъ составленныхъ статистиками для другихъ государствъ. Въ заключеніе Буняковскій и указываетъ, что такое согласіе его таблицы съ таблицей Зюсмильха для Германіи, Дювильяра для Франціи и Варминга для Швеціи доказываетъ, что смертность въ Россіи нисколько не выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, это согласіе и подрываетъ для насъ вѣру въ достоинство означенной таблицы, такъ какъ отсюда бы слѣдовало, что ни благоустройство ни вообще культура, ни упорядоченіе санитарной части, ни гигіеническихъ условій — не имѣютъ никакого ровно значенія для сокращенія смертности. Мало того, слѣдовало бы, что смертность во всѣхъ мѣстностяхъ должна быть одинакова, не смотря на естественныя особенности отдѣльныхъ территорій.

Это, однако, противорѣчитъ изслѣдованіямъ болѣе позднихъ европейскихъ статистиковъ.

Въ этомъ же отношеніи, достаточно будетъ обратить вниманіе читателя на слѣдующій небольшой рядъ указаній, данныхъ Маиромъ.

Маиръ приводитъ слѣдующія данныя, изъ коихъ видно, что число рожденій превышало число смертныхъ случаевъ за 1894 годъ въ различныхъ государствахъ:

Германской Имперіи	на	61%
Франціи	»	5%

Великобританіи	на	78%
Ирландіи	»	26%
Италіи	»	42%
Нидерландахъ	»	76%
Швейцаріи	»	35%

О какомъ же однообразномъ законѣ смертности можно послѣ этого говорить, не только для различныхъ временъ, но и для того же времени для различныхъ мѣстностей. Очевидно, что кромѣ названныхъ нами выше причинъ, тутъ имѣютъ вліяніе еще причины чисто мѣстныя. Швейцарія и Нидерландцы одинаково пользовались продолжительнымъ миромъ; а, между тѣмъ, здѣсь число рожденій превышаетъ число смертей: въ Нидерландахъ на 76%, а въ Швейцаріи всего на 35%. Во Франціи всего на 5%. Рядомъ же, въ Великобританіи, на 78.

Академикъ Буняковскій сравнивалъ свою таблицу съ таблицами стараго типа. Съ тѣхъ поръ болѣе обширный статистическій матеріалъ далъ возможность воспользоваться способами болѣе точными, чѣмъ употреблялъ Буняковскій. Новѣйшія таблицы составляются для всѣхъ возрастовъ умирающихъ, способомъ прямого опредѣленія числа доживающихъ изъ числа рожденныхъ въ соотвѣтствующіе годы, съ показаніемъ умершихъ того года, на который составляется таблица. Для родившихся въ болѣе ранніе годы, опредѣленія выводятся косвенными способами: изъ сравненія показаній смертныхъ списковъ, съ показаніями переписи живущихъ по возрастамъ; при чемъ, конечно, смертные списки берутся за тотъ же годъ.

Поэтому, если уже сравнивать, то сравнивать числа, полученныя Буняковскимъ, по болѣе совершенному методу не съ старыми таблицами Зюсмильха, какъ это дѣлаетъ Буняковскій, а съ новѣйшими. Тогда получаются результаты нѣсколько иные. Привожу для сравненія только выдержки изъ таблицъ для мужского пола:

Лѣтъ.	Россія (Буняковскій) 1862	Германія 1871—81.	Англія и 1880—90.	Нидерландія 1880—89.	Среднія выведенныя на основаніи 9 послѣднихъ 5-лѣтнихъ переписей Bureau de la statist. generalet de la France.
0	1.000	1.000	1.000	1.000	1.000
5	593	648	751	803	716
10	556	620	733	717	694
15	538	608	726	695	—
20	519	593	712	684	660
25	497	569	693	667	—
30	472	544	669	643	602
35	446	518	639	621	—
40	414	488	604	598	544
45	377	453	564	572	—
50	355	412	517	507	476
55	295	365	463	465	—
60	249	311	398	412	382
65	197	248	322	347	—
70	142	177	238	269	246
75	87	107	154	181	—
80	45	50	80	99	86
85	16	16	30	59,6	—
90	5	3	6,9	10,4	10
95	0	0,4	0,7	0,69	—
100	0	0,02	0,07	0	—

По этимъ даннымъ, гораздо болѣе вѣроятнымъ, смертность Росеіи выходитъ уже больше, чѣмъ гдѣ либо. Затѣмъ слѣдуетъ Германія, Франція, Нидерланды и наконецъ Англія, гдѣ она меньше всего. Нельзя не замѣтить, что, согласно такимъ даннымъ, смертность отдѣльныхъ государствъ оказывается тѣмъ меньше, чѣмъ выше степень ихъ культуры и населенность.

Не безъ интереса для провѣрки этихъ отношеній, сравнимъ между собой таблицы, выведенныя въ различ-

ныхъ государствахъ обществами страхованія жизни на основаніи ихъ собственныхъ опытовъ.

Я приведу имѣющіяся въ этомъ отношеніи данныя въ сокращенномъ видѣ, заимствуя ихъ изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ Anuaire du bureau des longitudes за 1902 годъ. Для наглядности параллельно приведены, рядомъ съ данными страховыхъ компаній, данныя общихъ таблицъ смертности изъ предшествующей таблицы.

Лѣта	Стр Ком.	Германія. Общ. Таб см	Разн.	Стр. Ком.	Франція. Общ. Таб см.	Разн.
0	100	100	0	100	100	0
10	—	—	—	86,7	69,4	17,3
20	82,5	59,3	23,2	82,4	68,0	14,4
30	75,3	54,4	20,9	77,1	60,2	16,9
40	68,4	48,8	19,6	71,1	54,4	16,7
50	59,2	41,2	18,0	62,9	47,6	15,3
60	46	31,1	14,9	50,1	38,2	11,8
70	27,7	17,7	10,0	31,2	24,6	6,6
80	9,2	5,0	4,2	10,4	8,6	2,1
90	0	0,3	0,7	0,8	1,0	0,7
100	0	0	0	0	0	0

Лѣта.	Стр. Ком	Англія и Валисъ Общ. Табл см.	Разн	Стр. Ком	Америка. Общ. Табл см	Разн.
0	100	100	0	100	—	—
10	86,7	73,3	13,4	86,7	—	—
20	83,4	77,2	6,2	80,3	—	—
30	77,8	66,9	10,9	73,4	—	—
40	71,3	60,4	10,9	67,7	—	—
50	61,0	51,7	10,3	60,5	—	—
60	51,1	39,8	11,3	50,4	—	—
70	32,0	23,8	8,7	33,4	—	—
80	11,0	8,0	2,0	12,6	—	—
90	1,3	0,7	0,6	0,7	—	—
100	0	0	0	0	—	—

Здѣсь слѣдовательно повторяется тотъ же порядокъ смертности между кліентами страховыхъ обществъ: наи-

большая смертность въ Германіи, меньше во Франціи и еще меньше въ Англіи. Кромѣ того, она для всѣхъ государствъ меньше между страхующимися, которые принадлежатъ къ среднему или болѣе обезпеченному классу, чѣмъ для населенія вообще. Въ этомъ отношеніи разности оказываются всегда въ пользу классовъ страхующихся и ихъ величина доходитъ иногда до 30%.

Эти данныя показываютъ наглядно, насколько можетъ уменьшиться смертность отъ повышенія культуры вообще, а также улучшеній матеріальнаго положенія. Такіе выводы подтверждаютъ съ различныхъ сторонъ и другими данными, не исключая даже нѣкоторыхъ приводимыхъ и самимъ Буняковскимъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ то время, когда академикъ Буняковскій писалъ свою теорію вѣроятности, — а она вышла въ 1842 году, — средняя продолжительность жизни, на основаніи страховыхъ таблицъ смертности и по изслѣдованію Кетле, составляла для Франціи 32,2 для Англіи 32 (для мужчинъ) въ Бельгіи 32, въ Швейцаріи 37 лѣтъ. Для Россіи же она, по мнѣнію академика Буняковскаго, была около 22 лѣтъ и 2 недѣль.

По его позднѣйшей таблицѣ 1862 года и новѣйшимъ таблицамъ западныхъ государствъ, она выходитъ для родившагося младенца:

въ Россіи	31 л.	(для муж. пола)
» Германіи	39,4	(для муж. пола)
» Франціи	49 л.	(» обоихъ п.)
» Англіи и Валиса	44,4	(для муж. пола).

Высшая цифра для Франціи понятна, такъ какъ она выведена для обоихъ половъ, слѣдовательно сюда вошли женщины, смертность которыхъ всегда относительно меньше; тогда какъ другія данныя разсчитаны только для мужскаго пола. Кромѣ того, разсчетъ для Франціи менѣе точенъ; такъ какъ сдѣланъ по показаніямъ только за десятилѣтніе промежутки.

Вѣроятность новорожденному мужского пола дожить до 30 лѣтъ равняется:

Въ Россіи (по таблицамъ Буняковскаго)	0,47	то-есть — чѣмъ умереть.
Германіи	0,54	
Франція (об. пола)	0,60	
Нидерланды	0,64	
Англія и Валисъ.	0,67	

Народонаселеніе можетъ рости только въ двухъ случаяхъ: если увеличивается изъ года въ годъ число рожденій или сокращается смертность. На самомъ дѣлѣ, какъ мы должны были убѣдиться, дѣйствуютъ одновременно обѣ причины; было бы совершенно безрасудно думать, что это такъ происходитъ всегда. Число рожденій можетъ увеличиваться и въ то же время смертность можетъ оставаться та же или также увеличиваться. Вслѣдствіе этого народонаселеніе будетъ, или рости, или оставаться неподвижнымъ, или уменьшаться, смотря по тому, какое отношеніе будетъ между числомъ рожденій и смертей. Если смертность останется та же, то число смертей увеличивается пропорціонально числу рожденій и населеніе ростетъ; но медленнѣе, чѣмъ, если бы въ то же время уменьшалась смертность. Если смертность увеличивается, то она можетъ, несмотря на увеличеніе рожденій, уничтожить всякій приростъ населенія и наконецъ, заставить его сокращаться. Наконецъ, самое число рожденій можетъ оставаться то же или даже понижаться; а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться и населеніе, несмотря даже на уменьшеніе смертности.

Послѣдній случай однако исключительный; обыкновенно же населеніе ростетъ главнымъ образомъ на счетъ увеличенія числа рожденій. Если оно росло въ Европѣ со времени великаго переселенія народовъ, то только на счетъ послѣднихъ или плодовитости; смертность же вслѣдствіе насильственныхъ смертей и болѣзней, войны, гражданскаго неустройства и дурныхъ гигіеническихъ условій, была настолько велика, что населеніе, если и двигалось, то крайне медленно.

Самый древнѣйшій демографическій документъ, какой мы имѣемъ, это извѣстный Domesday Book Вильгельма

завоевателя (1086 г.). По ней населеніе Англіи должно было составлять въ то время около 2 милл. душъ или 21 душу на квадратный километръ. Это по истеченіи почти 8 вѣковъ, послѣ паденія Римской имперіи, во время которой здѣсь, въ Великобританіи, уже существовали города. Съ тѣхъ поръ, до половины II вѣка населеніе Англіи, по Роджерсу, увеличилось всего до 2,5 милл. Къ началу XVIII столѣтія его считаютъ уже въ 5,5 милл.; а къ 1801 году—въ 9,9 милл. Населеніе Франціи и Галіи, во времена Цезаря, составляло 6,7 милл. или 12 душъ на квадратный километръ. Позже оно увеличилось даже до 8,5. Но затѣмъ, въ IV-мъ вѣкѣ, оно понижается; такъ что, при Карлѣ Великомъ, достигаетъ только тѣхъ же 8—9 милл. и опять понижается отъ набѣговъ Норманновъ, Венгровъ, Сарациновъ. Но съ концомъ XI вѣка населеніе возрастаетъ и въ XIV вѣкѣ достигаетъ 20—22 милл. душъ или по 40 душъ на квадратный километръ. Съ половины XIV вѣка оно снова понижается вслѣдствіе чумы и постоянныхъ войнъ. Въ концѣ XVI вѣка оно равняется всего 14 милл. Послѣ смерти Людовика XIV всего 18 милл. и только къ срединѣ XVIII вѣка достигаетъ того уровня, какой оно имѣло въ XIV вѣкѣ.

Продолжать иллюстрированіе подобными историческими выдержками слабое развитіе народонаселенія въ средніе вѣка было бы излишнее; тѣмъ болѣе, что самыя статистическія данныя еще бѣднѣе для другихъ крупныхъ государствъ, чѣмъ для приведенныхъ. Достаточно того, что за цѣлое тысячелѣтіе населеніе почти не увеличивалось по тому, что увеличившись разъ, оно уничтожалось послѣдующими невзгодами. Къ началу XIX вѣка населеніе Европы, если увеличилось, то незначительно противъ того уровня, на которомъ оно находилось 20 вѣковъ тому назадъ.

Совершенно иную картину встрѣтимъ, обратившись къ XIX вѣку. Здѣсь найдемъ: (Австрія безъ Галиціи и Буковины; Россія безъ Кавказа).

Года.	Россія.	Франція	Германія.	Италія.	Англія и Валисъ	Шотландія.
1800	38	26,9	24,5	18	9,25	1,7
1810	41,5	28,2	25,5	18,5	10,5	1,9
1830	51,6	31,9	29,5	20,8	14,1	2,4
1850	61	34,9	35,4	23,9	18	2,9
1870	75,2	36,7	40,8	26,6	22,8	3,4
1890	98,5	38,3	49,5	30	29,1	4
1895	101,2	38,5	52,3	31,1	30,7	4,2
Среднее приращеніе за все время на 1.000 д.. . .	10,4	3,8	8	5,7	13,6	9,7

Года.	Ирландія	Австрія.	Швеція	Норвегія.	Белргія.	Нидерландія.
1800	5,5	9,6	2,3	0,88	3	2,1
1810	6,2	10	2,4	0,9	3,2	2,2
1830	7,7	11,5	2,9	1,1	3,7	2,6
1850	6,7	12,8	3,5	1,4	4,4	3
1870	5,4	14,5	4,2	1,7	5	3,6
1890	4,7	16,6	4,8	2	6	4,6
1895	4,6	17,4	4,9	2,04	6,4	4,9
Среднее приращеніе за все время на 1.000 д.. . .	1,96	6,3	7,8	8,9	8	8,6

Года.	Испанія.	Швейцарія.	Данія	Венгрія.	Турція.	Общее населеніе Европ. государства.
1800	11,5	1,7	0,9	10	7,3	122,5
1810	12	1,8	1	10,5	7,6	128,7
1830	13,3	2,1	1,2	12,2	8,1	150
1850	14,5	2,4	1,4	13,3	8,5	171
1870	16,3	2,7	1,8	15,6	8,8	142
1890	17,9	2,9	2,2	17,5	9,2	221
1895	18,2	3	2,3	18,3	9,3	229
Среднее приращ. за все время на 1.000 д.	4,9	5,7	9,6	6,4	2,6	122,5

По быстротѣ роста, названныя государства расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Средній ростъ насел за 1880 г на 1000 д	Наст густота населенія на 1 кв кмтом	
Англія . . .	13,6	192 (91)	
Ев. Россія. .	10,4	16,1 (91)	(безъ губерній Царства Польскаго
Шотландія. .	9,7	52,2 (91)	
Данія	9,6	55,1 (90)	
Норвегія. . .	8,9	6,2 (91)	
Нидерланды .	8,6	138,7 (89)	
Германія.	8	96,5 (95)	
Бельгія . .		206 (90)	
Швеція . . .	7,8	10,8 (90)	
Венгрія . . .	6,4	54,2 (90)	
Австрія . . .	6,3	79,6 (90)	
Швейцарія. .	5,7	73 (88)	
Италія .		96 (81)	
Испанія . . .	4,9		
Франція. . .	3,8	71,8 (96)	
Ирландія . .	1,96	57,6 (91)	

Въ частности населеніе возростало по годамъ въ %:

Годы	Германія	Франція.	Года	Англія	Соединенные Штаты
1820—21	1,43	0,87			
1825—26	1,34	0,81	1880	—	3,5
1830—31	0,98	0,41	1810	1,43	3,64
1835—36	0,94	0,59	1820	1,81	3,31
1840—41	1,16	0,39	1830	1,58	3,31
1845—46	0,96	0,66	1840	1,45	3,26
1850—51	0,57	0,20	1850	1,26	3,58
1855—56	0,4	0,15	1860	1,19	3,55
1860—61	0,88	0,37	1870	1,32	2,37
1865—66	0,99	0,36	1880	1,43	2,96
1870—71	0,58	0,18	1890	1,10	2,21
1875—76	0,92	0,54			
1880—81	1,14	0,41			
1885—86	0,70	0,29			
1890—91	1,07	0,07			
1895—96	1,12	0,09			

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть прежде всего, какая разительная перемѣна въ ростѣ населенія Европы произошла съ начала XIX-го столѣтія. Населеніе, съ начала среднихъ вѣковъ почти не увеличивавшееся и даже временами уменьшавшееся и только съ XV вѣка нѣсколько подвинувшееся, къ XIX вдругъ стало возрастать небывалымъ образомъ. Почему населеніе не двигалось ранѣе, мы знаемъ и указали причины—это болѣзни, грабежи и войны. Почему же оно стало возрастать теперь такъ сильно? — Конечно, внутреннее устройство улучшилось; эпидемій, столь губительныхъ какъ чума, не было; но войны всетаки продолжались, хотя и съ перерывами; а изъ эпидемій, Европу посѣтила не разъ холера и постоянно другія, болѣе обыкновенныя. Гигіеническія условія стали лучше; но не настолько уже лучше, особенно въ восточной половинѣ. Можно ли однимъ успѣхомъ культуры въ названныхъ отношеніяхъ объяснить совершившуюся перемѣну?—Этого нельзя, и вотъ почему:

III

Какую бы вы ни взяли страну,—разъ она ограничена—уничтожьте въ ней всѣ болѣзни и войны, водворите безусловную тишину и безопасность и всетаки ея населеніе не можетъ превзойти извѣстные предѣлы густоты.

Представьте себѣ, что вся страна обработана по интенсивнѣйшей изъ системъ; что подъ пищевые хлѣба занято все, что можно занять, т. е. половина удобной земли; что десятина даетъ въ среднемъ 15 четвертей чистаго сбора. Считая по 2,3 четверти на человѣка, она прокормитъ 6,5 человѣкъ или 1 десятина удобной земли прокормитъ, въ крайнемъ случаѣ 3,25 человѣкъ; а, если исключить 25% территоріи, какъ неудобной, то всего 2,4 души; 1 квадр. килом. составляетъ 91,5 десятинъ; слѣдовательно, онъ можетъ вынести maximum населенія 219 душъ. Но для этого вся возможная территорія должна быть обработана, по интенсивнѣйшимъ изъ системъ подъ хлѣба. Это первое условіе нигдѣ не выполнено. Сплошной обработки,

по высшей системѣ, не найдешь нигдѣ; системы вездѣ смѣшанныя, дающія уже менѣе хлѣба. Точно также не найти средняго урожая въ 15 четвертей. Наконецъ, въ Германской Имперіи, изъ 42,4 милл. гектаровъ, подъ земледѣльемъ только 32,5. Изъ нихъ однако было въ 1896 году:

Подъ пшеницей .	5,93	милл.	гект.
» рожью. . .	1,93	»	»
» житомъ . .	1,67	»	»
	9,53	милл.	гект.

то-есть, менѣе 1/4 общей территоріи въ 41 милл. гект., а такъ какъ 1 гектаръ равенъ 0,91, десятины, то будемъ имѣть 9 милл. десятинъ. Послѣднія составляютъ 540,657 кв. килом.; а 1/4—135,164 кв. килом., которые могутъ, при урожаѣ, въ 15 четв. прокормить 29,6 милл. душъ. Какъ-же послѣ этого Германская Имперія можетъ содержать населеніе въ 52 милл.

Тотъ же результатъ получимъ, если сдѣлаемъ подобный разсчетъ и для Англіи и другихъ наиболѣе населенныхъ частей Европы.

Мы, слѣдовательно, имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ однимъ повышеніемъ благоустройства; а съ особыми факторами, измѣнившими прежнее положеніе вещей, въ совокупности съ успѣхами благоустройства. Факторомъ этимъ явилось небывалое торговое и промышленное развитіе. Оно явилось результатомъ крупныхъ механическихъ изобрѣтеній, улучшившихъ способы передвиженія и производства и опрокинувшихъ сразу всѣ ранѣе господствовавшія экономическія теоріи. Переломъ былъ такъ силенъ, что начало XIX столѣтія стали считать за новую эру, за начало нового хозяйственнаго строя общества. Періодъ, пережитой человѣческимъ обществомъ до конца XVIII вѣка, стали называть періодомъ хозяйства натуральнаго; а періодъ, наступившій теперь,—періодомъ хозяйства денежнаго или капиталистическаго.

Эти модныя дѣленія и возгласы надоѣли и въ корнѣ не вѣрны. Человѣчество продолжаетъ жить въ томъ періодѣ

хозяйства, въ которомъ вступило съ осѣдлостью, то-есть, періодѣ земледѣльческомъ. Къ несчастью, оно не можетъ изъ него выбраться до сихъ поръ. XIX вѣкъ былъ не только періодомъ развитія торговли, паровой силы и промышленности; но съ нимъ только началось въ Европѣ, — если не считать Англіи, — развитіе раціональнаго земледѣлія. Деньги, конечно, получили большее значеніе; но въ той же мѣрѣ получило большее значеніе и земледѣліе, что всего лучше доказывается возростаніемъ цѣнности земли. Значительная часть территоріи занята подъ хлѣбами, которыя и потребляются самими производителями. Новый факторъ, о которомъ мы только что упомянули, собственно былъ факторъ очень старый. Онъ участвовалъ въ ростѣ человѣческой культуры всегда.

Благодаря ему человѣчество узнало ранѣе, и огонь и земледѣліе. Этимъ факторомъ былъ человѣческій умъ, его изобрѣтательность.

Работа его была подавлена въ средніе вѣка тяжестью мистическаго формализма и миллитаризмомъ; а эпоха возрожденія надолго и въ значительной степени парализовала всякую вѣру въ самобытныя силы, вѣрой въ непогрѣшимость и совершенство классической мудрости. Мы еще и до сихъ поръ не вышли изъ этихъ ферулъ. На дѣлѣ самостоятельная работа ума подвигалась медленно и послѣ наступившаго уваженія къ знанію, власть Аристотеля много и долго мѣшала европейскому знанію. Но, мало-по-малу, на его небосклонѣ загорались крупныя звѣзды—Галилей, Коперникъ, Бэконъ, Ньютонъ, Лейбницъ, передъ которыми все болѣе блекли старые авторитеты. Къ концу XVIII вѣка европейская наука стояла уже на своихъ ногахъ и порѣшила въ лицѣ энциклопедистовъ со старыми преданіями.

Но энциклопедисты были только выразителями или популяризаторами того направленія и строя идей, которыя накопились и жили ранѣе. Старый философскій формализмъ и туманъ уступили мѣсто точному знанію; а затѣмъ и само знаніе пріобрѣло практическій характеръ. На этой почвѣ, почвѣ подготовляемой трудами великихъ математи-

ковъ, астрономовъ и физиковъ, должны были неизбѣжно вырости изобрѣтенія, чреватыя практическими послѣдствіями и онѣ явились.

Независимо отъ этого и еще ранѣе развитія знанія стала развиваться торговля и сношеніе съ другими странами и, въ этомъ направленіи, оказало рѣшительное вліяніе открытіе Америки. Мы увидимъ, что новому промышленному движенію предшествовало развитіе крупныхъ торговыхъ международныхъ компаній, умножившихся къ концу XVIII вѣка. Впереди такого развитія, какъ въ умственномъ, такъ и практическомъ отношеніи шла, конечно Англія за ней Франція. Остальныя государства тѣмъ менѣе въ немъ участвовали, чѣмъ они лежали восточнѣе.

Въ это время земледѣліе также уже было доведено практическимъ умомъ англичанъ до извѣстнаго совершенства. Но на континентѣ его положеніе было крайне безотрадное. Вообще первенство, какъ въ научномъ, такъ и практическомъ развитіи принадлежало Англіи; и то, что происходило здѣсь, только отражалось въ извѣстной степени на ближайшихъ ея сосѣдяхъ.

Въ Англіи, а затѣмъ и Франціи, въ числѣ прочихъ положительныхъ наукъ, разрабатывалась съ вящимъ успѣхомъ вновь возникшая наука народнаго хозяйства, выдержавшая двѣ школы — меркантилистовъ и физіократовъ. Наканунѣ великаго переворота въ системѣ народнаго производства здѣсь писалъ, между прочимъ, свою теорію народонаселенія Мальтусъ. Эта теорія, безспорно не опровержимая въ извѣстныхъ границахъ, интересна тѣмъ, что служила доказательствомъ назрѣвавшаго тогда вопроса для Англіи. Какъ ни было слабо ея населеніе въ XVIII вѣкѣ, но, должно быть, уже тогда выдвигался вопросъ о томъ, что ожидаетъ ея населеніе въ будущемъ, когда оно станетъ больше. Мальтусъ, несмотря на всю кажущуюся безспорность своихъ разсужденій, такъ и не понялъ того, что ожидало это населеніе на самомъ дѣлѣ и той картины, которая готовилась предстать и была на чеку. Онъ сказалъ вѣрно, что при устраненіи крупныхъ препятствій, населеніе имѣетъ

наклонность развиваться въ геометрической прогрессіи, тогда какъ территорія, которую оно занимаетъ, можетъ давать пропитаніе, увеличивающееся только въ прогрессіи ариѳметической. Но онъ не досмотрѣлъ одного, что слова его справедливы только для территоріи замкнутой; а въ его время все уже готовилось къ тому, чтобы показать, что эта территорія можетъ быть вещью эластической. Немного дальше его пошелъ позже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка Тюненъ. Онъ обратилъ вниманіе на, можетъ быть, не особенно поражающій, но тѣмъ не менѣе первой важности фактъ въ дѣлѣ народнаго развитія и хозяйства—естественную неравномѣрность распредѣленія населенія въ предѣлахъ даннаго государства, если только допустить въ немъ наличность центральнаго пункта, служащаго рынкомъ. Онъ доказалъ ариѳметическимъ разсчетомъ, что въ такомъ случаѣ населеніе будетъ селиться, при равенствѣ прочихъ условій, концентрическими раіонами, населенность которыхъ будетъ убывать по мѣрѣ ихъ удаленія отъ центра. Но онъ не указалъ, что то, что онъ вывелъ для своего идеальнаго уединеннаго государства, составляло уже тогда общій законъ распредѣленія населенія въ системѣ государствъ, какую представляла Европа.

Отправляясь отъ того, что онъ сказалъ, нужно было прибавить не очень много, чтобы объяснить порядокъ разселенія, какой представляла и представляетъ данная Европа и опредѣлить дальнѣйшую его судьбу, то-есть, установить законъ этого разселенія въ статическомъ и динамическомъ отношеніи.

Въ дѣлѣ міросданія или вселенной достаточно возможности образованія малѣйшей туманности среди окружающаго однообразія для того, чтобы создать новую систему міровъ. Нѣчто подобное образованію такихъ центровъ сгущенія или туманностей полагаетъ начало государственной культуры, и въ человѣческомъ обществѣ; только здѣсь вопросъ разрѣшается проще. Эти центры сгущенія являются вмѣстѣ съ началомъ земледѣлія или съ переходомъ отъ кочеваго пастушескаго быта къ земледѣльческому.

У Пржевальскаго можно найти описаніе быта кочевниковъ у верховья Желтой рѣки. Здѣсь среди кочевой округи появляется постоянная, огороженная постройка, въ которой живетъ, такъ называемый, князь и также знахарь,— два представителя власти: одинъ свѣтской, другой духовной и тутъ же, кругомъ такой усадьбы, лѣпятся первые зачатки земледѣлія — посѣвы пшена кочевниками. Такая усадьба уже составляетъ своего рода центръ: сюда будутъ пріѣзжать судиться, исполнять религіозные обряды, лечиться, запасаться пшеномъ и покупать другія нужныя вещи. Это огороженное или осѣдлое мѣсто, которое со временемъ превратится въ городъ или центръ сгущенія населенія.

Поставимъ же такой городъ, служащій центромъ сгущенія населенія, среди обширной территоріи; допустимъ, что онъ просуществовалъ извѣстное время и кругомъ его успѣло утвердиться, на достаточномъ пространствѣ, осѣдлое земледѣліе. Мы увидимъ, что Тюненъ правъ; что населеніе расположилось на территоріи, окружающей городъ въ порядкѣ имъ указанномъ; что оно будетъ рѣдѣть съ удаленіемъ отъ города. Это будетъ тѣмъ естественнѣе, чѣмъ ограниченнѣе будетъ вся территорія, для которой городъ служитъ центромъ, ибо въ такомъ случаѣ вѣроятнѣе всего здѣсь встрѣтить однообразіе естественныхъ условій климатическихъ, почвенныхъ и т. д. Но опытъ показываетъ, что трудъ человѣка много смягчаетъ климатъ и, еще болѣе, исправляетъ почву. Поэтому законъ Тюнена выдерживается въ общемъ, не смотря на тѣ естественныя варіаціи, которыя можетъ представить почвенная и топографическая природа мѣстности.

Такой городъ служитъ административнымъ и торговымъ центромъ для остальной территоріи; онъ ей доставляетъ свои удобства; она зато его кормитъ, снабжаетъ хлѣбомъ, мясомъ, дровами и т. д. Мало по малу однако населеніе округи наростаетъ настолько, что приходится одно изъ двухъ: или прибѣгать къ болѣе дорогимъ и тщательнымъ способамъ обработки, или разселяться на новыя мѣста, то-есть увеличивать округу заселенія. Дѣлается то,

что выгоднѣе и легче. Если кругомъ земля свободна и не представляетъ сплошныя болота, пески и тому подобное, то округа увеличивается. Но, если обработка сталкивается при этомъ съ чуждымъ населеніемъ, если окружающія земли уже заняты другими поселеніями, то приходится, или ихъ вытѣснять, или оставаться въ своихъ границахъ и увеличивать свое населеніе на счетъ болѣе совершенныхъ способовъ обработки. Можетъ случиться то и другое. Такъ несомнѣнно, что славянскія поселенія занимали ранѣе восточную половину Германіи и были изъ нея вытѣснены, сравнительно не такъ давно. Славяне же, въ свою очередь, отодвинули къ востоку финовъ и татаръ. Но такое массовое передвиженіе не такъ легко и просто, оно становится тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ больше населеніе утверждается на своей территоріи; и потому, вокругъ начальнаго центра сгущенія, волей неволей, развивается болѣе интенсивная культура. Мальтусъ оказывается правымъ конечно въ томъ смыслѣ, что населеніе начинаетъ чувствовать недостаточность своей территоріи для своего прокормленія.

Но всякая послѣдующая округа больше своей предшествующей; площади ростутъ, какъ квадраты радіусовъ; притомъ ея заселеніе начинается иногда уже тогда, когда заселены ближайшія. Поэтому густота заселенія рѣдѣетъ съ удаленіемъ отъ центра. Отсюда слѣдуетъ, что заселеніе распространяется естественно на все пространство, способное питать человѣка, что густота его и степень культуры будетъ послѣдовательно убывать и понижаться отъ центра къ окраинамъ. Но чѣмъ дальше округа, тѣмъ дальше ей до центра, съ которымъ она все-таки связана извѣстными положительными интересами. Въ виду такого неудобства, отдѣльныя округи создаютъ свои мѣстные центры и даже не одинъ, а нѣсколько. Въ то же время политическая борьба, стремящаяся объединить наибольшія пространства и населенія, раздѣлитъ такую сѣть городовъ съ тяготѣющими къ нимъ округами на рядъ государствъ, которыя выдвинутъ на первый планъ, въ видѣ столицы, одинъ или нѣсколько центровъ заселенія передъ другими, къ

которымъ и будутъ тяготѣть всѣ остальные съ ихъ территоріей.

Вслѣдствіе этого въ отдѣльныхъ государствахъ точно также могутъ образоваться послѣдовательныя сгущенія населенія около такихъ центровъ; и здѣсь повторится та же картина пониженія культуры отъ столицъ или первенствующихъ городовъ къ окраинамъ.

Политическія границы могутъ мѣняться; центры сгущенія перемѣщаться; одни города возвышаются, другіе приходятъ въ упадокъ; но никакая политическая власть не въ силахъ замкнуть своего населенія въ предѣлахъ своей территоріи и устранить его отъ всякаго сношенія съ другими.

Если населеніе, въ какомъ либо изъ государствъ, достигнетъ предѣловъ, при которыхъ оно не можетъ себя питать и не въ силахъ увеличить предѣлы своей территоріи войной или питать себя грабежомъ и данью, то оно или будетъ колонизировать отдѣльныя части свѣта, или будетъ покупать хлѣбъ у сосѣдей, которыхъ не можетъ грабить. Это можетъ оказаться выгодно тѣмъ и другимъ. А потому покупающее хлѣбъ государство можетъ продолжать увеличивать свое населеніе, несмотря на его крайнюю густоту; такъ какъ это добавочное населеніе будетъ содержаться теперь насчетъ болѣе отдаленныхъ округъ или государствъ, которые могутъ производить избытокъ хлѣба.

Политическая власть конечно можетъ затруднить до извѣстной степени такой обмѣнъ; но она этого обыкновенно не дѣлаетъ; потомучто это выгодно ей и подчиненному ей населенію. Взамѣнъ хлѣба, страна, пріобрѣтающая его, снабжаетъ страну, продающую хлѣбъ, удобствами высшей культуры и такими произведеніями, которыхъ не умѣютъ или не находятъ выгоднымъ дѣлать дома.

Впрочемъ, оставляя вопросъ объ относительной выгодѣ или невыгодѣ пока въ сторонѣ, согласимся только, что государство, покупающее хлѣбъ, начинаетъ играть роль города по отношенію къ тѣмъ, у кого онъ его покупаетъ. Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ мы встрѣ-

чаемъ среди государствъ, связанныхъ торговлей, тотъ же порядокъ заселенія, какой только что указали. Государства, наиболѣе ввозящія чужаго хлѣба, будутъ и наиболѣе заселены и всѣ вообще расположатся въ такой же рядъ относительно густоты населенія, какой должны представлять отдѣльные округа уединеннаго государства Тюнена. Изъ этого порядка однако могутъ быть исключены страны достаточно густо населенныя, но не обладающія почему либо производствами предметовъ, которые пользуются достаточнымъ спросомъ со стороны продающихъ хлѣбъ. Тогда населеніе такой страны отстаетъ и не увеличивается, какъ бы могло. Точно также могутъ быть другія, которыя предпочитаютъ содержать лишнихъ работниковъ, производящихъ высшія удобства жизни у себя дома и не торговать хлѣбомъ, а питать имъ собственное населеніе. Но въ такомъ случаѣ населеніе такой страны также не можетъ превзойти извѣстнаго предѣла, а населеніе ея будетъ отставать отъ населенности соотвѣтствующаго ей района. Оба эти исключенія представляютъ государства романской расы. Первое изъ нихъ встрѣчаемъ въ Италіи, Испаніи, второе во Франціи. Но эти особенности все-таки не нарушаютъ общаго закона разселенія; а только нѣсколько понижаютъ ихъ населенность противъ соотвѣтствующихъ государствъ Германской расы; такъ что, съ этой оговоркой, общій законъ распредѣленія населенія выдерживается; а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительность какъ будто издѣвается надъ закономъ Мальтуса, найдя въ внѣшней торговлѣ простое средство съ нимъ справиться на довольно долгое, повидимому, время.

Это уже видно отчасти изъ вышеприведенной таблицы населенностей отдѣльныхъ государствъ. Вообще же, если взять полосу, заключающуюся между 55 и 45° широты, начиная съ Англіи, то увидимъ, что населенность отдѣльныхъ государствъ, въ ней заключающихся (а въ нее входятъ всѣ главнѣйшія государства Европы, кромѣ Италіи и Испаніи), послѣдовательно убываетъ съ запада къ востоку, кончая Россіей, для которой нужно будетъ придать

*

ище нѣсколько болѣе сѣверныхъ губерній, все-таки земледѣльческихъ, лежащихъ выше 55°. Мы увидимъ самое густое населеніе въ С.-Западномъ углу у побережья Ламанша и Нѣмецкаго моря, а самое рѣдкое въ восточной части Россіи. Между этими двумя предѣлами отдѣльныя государства представляютъ слѣдующій рядъ:

	Милл. к.	Нас. мил. д. на к.	Абс. мил. д.
Бельгія	0,022	206	6,5
Англія	0,150	198	38
			(въ коп. 342,9)
Голландія	0,033	149	5
		(въ коп. 16)	(въ коп. 39,5)
Германія	0,545	96	52
Франція . .	0,536	72	38
Австро-Венгрія .	0,676	67	45
Россія	5,9	20	106

Къ югу отъ взятой полосы въ нее не вошли два болѣе значительныхъ государства: Испанія и Италія. Но населенность ихъ значительно слабѣе Англо-Голландскаго ядра.

	Простр.	Населен. д. на к.	Абсол. нас. милл. д.
Италія . . .	0,286 м. к.	96	31
Испанія	0,93	36	28
Греція	0,065	37	2,4
Сербія . . .	0,05	49	2,3
Румынія	0,131	38,3	5,4
Болгарія	0,097	33	6,5

Вся эта полоса играла когда то болѣе видную роль въ общей культурѣ. Примыкая съ юга къ Средиземному морю, она служила мѣстомъ, гдѣ прежде всего сосредоточилась европейская культура, центромъ которой служила Греція и Италія. Здѣсь разыгрывалась эпопея послѣднихъ вѣковъ древней исторіи, того же земледѣльческаго въ сущности періода, который продолжается и до сихъ поръ. Повторяется тотъ же порядокъ уменьшенія населенія, по мѣрѣ приближенія къ востоку. Во времена римскаго владычества порядокъ заселенія былъ нѣсколько другой. Италія и Греція, служившія центромъ культуры, должны были быть и

наиболѣе заселенными; густота заселенія понижалась по направленію къ сѣверу. Еще раньше было время, когда Греція и Италія только колонизировались. Наибольшая густота населенія сосредоточивалась еще дальше къ востоку и югу въ Малой Азіи и Африканскомъ прибрежьѣ; а до того еще далѣе къ востоку и югу въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Персидскому заливу и Индійскому океану. Самое же начало все той же земледѣльческой культуры теряется гдѣ то среди Азіатской возвышенности.

Такимъ образомъ земледѣльческая культура, хотя и осѣдлая по существу, все таки постоянно перекочевывала, перемѣщая свой центръ тяжести съ юга на сѣверъ и сѣверо-западъ; причемъ сохраняла тотъ же характеръ населенія, сгущеннаго въ центрѣ культуры и рѣдѣющаго къ ея окраинамъ.

Наименьшую населенность, въ настоящее время, въ Европѣ представляетъ болѣе сѣверная полоса, мало доступная земледѣлью: Шотландія, Норвегія, Швеція и Сѣверная Россія и здѣсь также, если хотите, густота населенія ослабѣваетъ, по мѣрѣ перехода къ востоку. Такъ въ Шотландіи приходится 53 дес. на кв. кил.; въ Швеціи 10, Норвегіи 6, а въ Архангельской губ. всего 0,4. Также и къ западу отъ центра культуры черезъ океанъ имѣется въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки 6,2 души на кв. кил. при абсолютномъ населеніи въ 62 мил.: Канада— 0,6 душъ, при абсолютномъ населеніи тоже въ 5 милл.: Ту же картину найдемъ въ совершенно обособленномъ центрѣ культуры, такъ называемой, желтой расы. Здѣсь наибольшую населенность встрѣчаемъ въ Японіи—106 душъ на квадратную милю. Китай 86 при пространствѣ въ 4 мил. кв. кил., Британская Индія 71. Но уже въ Манчжуріи всего 7,4 а въ Монголіи 0,7.

	Прост. кв кил	Насел. д на кв. к	Абсол. нас
Японія	0,37 милл.	106	40,7 милл.
Соб. Китай	4	86	345
Манжурія . . .	0,94	7,4	7,5
Монголія	2,8	0,7	1,85

Тотъ же законъ послѣдовательнаго пониженія густоты населенія, если итти отъ центровъ заселенія, столь же ясно выступаетъ и въ населенностяхъ отдѣльныхъ государствъ Запада. Такъ для Великобританіи мы имѣемъ въ Англіи 207 дес. на кв. кил., Шотландіи 53 дес., Ирландіи 54.

Для Германіи:

Въ Саксоніи	252	Баденѣ. . . .	114
(а въ округѣ Цвикау даже 300)		Виртенбергѣ .	106
Рейнскихъ провинціяхъ	189	Восточной Пруссіи	54—58
Вестфаліи	133	Помераніи . . .	52
Альтенбургѣ	136	Ганноверѣ. . .	62
Пфальцѣ	129	Мекленб. Шверинѣ	45
Ангальтѣ	127	Мекленб. Стрелицѣ	34

Во Франціи:

Въ департаментѣ	Nord	314
»	Pas de Calais	134
»	Нижней Сены	132
»	Роны. . . .	128
»	Луары. . . .	130
»	Seine et Oise	118
»	Нижн. Луары	93

Въ другихъ же частяхъ населенность понижается сплошь и рядомъ до 50, нерѣдко до 40 какъ въ Ландахъ и въ Юрѣ; а въ Альпахъ до 30 и даже ниже.

Россія, точно также какъ и Германія, въ отношеніи населенности дѣлится на двѣ полосы: западную, прилегающую къ Европейскимъ государствамъ, болѣе заселенную и въ восточную, менѣе заселенную. Разсматривая же ея населенность независимо отъ сего, мы видимъ, что она представляетъ свое мѣстное, центральное ядро, кругомъ котораго располагаются полосы все болѣе рѣдѣющаго населенія, но всетаки конечно болѣе сгущеннаго въ западной части. По свѣдѣніямъ извѣстнаго свода Комитета Министровъ, ея заселенность возрастаетъ слѣдующимъ образомъ:

	Западная часть.		Восточная часть.			
	Милл кв верстъ	Населеніе на 1 кв вер	Милл кв. вер	Нас на 1 кв вер	Общ пространство кв вер	Сред нас для обѣихъ полос
Ядро	307	62	215,9	53	583	57,5
1-я округа	529	32,4	357	35	885	33,6
2-я »	378	29	905	16,4	1284	22,7
3-я »	133	3,9	1207	2,5	1337	3,2

Здѣсь пониженіе населенности отъ ядра къ окраинамъ выступаетъ со всей яркостью.

Такимъ образомъ населенность представляетъ въ одно и то же время два вполнѣ опредѣлившихся центра тяготѣнія: съ одной стороны, къ общему центру культуры и съ другой, къ мѣстнымъ центрамъ своей собственной культуры.

Если бы мы спустились еще ниже, къ отдѣльнымъ губерніямъ, департаментамъ или округамъ, то и здѣсь нашли бы и свои центры культуры, конечно, все болѣе и болѣе ограниченной.

IV.

Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ, какими же причинами опредѣлялся такой порядокъ заселенія. Если мы скажемъ, что центромъ тяготѣнія населенія всегда служилъ центръ культуры, то это будетъ пожалуй вѣрно въ смыслѣ факта; но это не будетъ отвѣтомъ на вопросъ. Спрашивается, чѣмъ же опредѣлялся выборъ центра?—На это можно только отвѣтить, что выборъ этотъ опредѣлялся сложными причинами, изъ которыхъ каждая имѣла свой голосъ, хотя и различный въ различное время и при различныхъ условіяхъ. Первой замѣченной причиной, о которой много писалось въ свое время, это условія естественныя—климатическія, почвенныя и топографическія. Понятно само собою, что при земледѣльческой культурѣ не можетъ населеніе развиваться тамъ, гдѣ самое земледѣліе невозможно или даже мало возможно. Поэтому естественно было населенію сгущаться въ предѣлахъ земле-

дѣльческихъ широтъ и климата. Точно также естественно было предпочитать болѣе плодородныя почвы менѣе плодородным; но уже не безусловно, а при равенствѣ другихъ условій; а ихъ было нѣсколько. Прежде всего здѣсь играли первенствующую роль удобства не столько почвенныя, сколько топографическія, удобства сообщенія и пр. Давно было замѣчено, что первыя цивилизаціи и населенія склонны были держаться прибрежій и возникать по берегамъ морей и рѣкъ и вообще держаться удобныхъ путей сообщенія.

Если мы обратимся въ частности къ разселеніямъ внутри отдѣльныхъ государствъ, то увидимъ, что здѣсь выдерживается тотъ же порядокъ. Здѣсь наболѣе густое населеніе встрѣчаемъ у низовьевъ Темзы и на прибрежьѣ Ламанша и Нѣмецкаго моря и Атлантическаго океана, въ долинахъ Гаронны, Сены, Везера, Одера, Эльбы, Дуро, Миньо, Средняго Дуная, Прута, прибрежьяхъ Атлантическаго океана, Адріатическаго моря и Неаполитанскаго залива. Но это не измѣняетъ всетаки общаго порядка пониженія заселенности отдѣльныхъ странъ, лежащихъ ближе къ восточному краю; точно также, какъ не мѣшаетъ населенію стушаться къ столицамъ и городамъ и рѣдѣть съ удаленіемъ отъ нихъ. Кромѣ удобствъ сообщеній тутъ могутъ дѣйствовать и другія причины—естественныя. Одну изъ нихъ понимаетъ всякій. Тамъ, гдѣ климатъ не допускаетъ земледѣлія, не можетъ быть и той густоты населенія, какую допускаетъ только земледѣліе. Но, съ другой стороны, естественныя условія измѣняются до извѣстной степени культурой. Древній Египетъ, современная Голландія сами создали свою почву. Нѣмецкій крестьянинъ на своемъ пескѣ получаетъ больше хлѣба, чѣмъ русскій на своемъ черноземѣ; а желѣзнодорожные тарифы оказались способными не только замѣнять удобства рѣчныхъ и морскихъ путей, но приравнивать страны болѣе отдаленныя отъ рынка къ менѣе отдаленнымъ въ отношеніи торговыхъ выгодъ. Конечно, все имѣетъ свои предѣлы; но несомнѣнно поэтому, что естественныя причины имѣютъ гораздо больше значенія на низшихъ степеняхъ культуры, чѣмъ на высшихъ.

Но кромѣ естественныхъ причинъ, бываютъ причины другого порядка: условія чисто политическаго или бытоваго свойства, которыя опредѣляютъ порядокъ разселенности. Въ этомъ отношеніи именно и любопытенъ порядокъ разселенія въ Россіи.

Въ Россіи населеніе какъ будто вовсе не слѣдовало порядку рѣкъ и морей. Прибрежье не только южное, но и Балтійское вовсе не отличается заселенностью. Точно также главнѣйшая изъ внутреннихъ водныхъ артерій Волга, остается почти въ сторонѣ. Населеніе какъ будто внѣдряется съ запада и юга-запада широкой полосой, проходящей черезъ Житоміръ, Кіевъ, Малороссію, поднимается къ сѣверу, проходитъ черезъ черноземный центръ: Тулу, Тамбовъ, Рязань, до Москвы. Сѣверная полоса проходитъ съ запада на востокъ подобнымъ же образомъ, представляя болѣе рѣдкое населеніе и продолжается надъ Москвой черезъ губерніи: Тверскую, Ярославскую, Владимірскую и Костромскую. Обѣ полосы вмѣстѣ образуютъ почти круглое ядро. (Это, какъ увидите ниже, и есть нынѣ оскудѣвающій центръ). Все, что затѣмъ его окружаетъ съ сѣвера, востока и юга (губерніи: Вологодская, Новогродская, Архангельская, Олонецкая, Вятская, Пермская, Казанская, Самарская, Симбирская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская и вся Новороссія) представляетъ округу рѣдкаго населенія отъ 22 до 2,5 душъ на квадратную версту.

При этомъ у насъ даютъ себя чувствовать естественныя условія, въ видѣ преимуществъ почвенныхъ. Ядро нашего заселенія имѣетъ своеобразную форму. Оно тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ широкой полосой. Ничего подобнаго не было бы, если бы движеніе населенія происходило поступательно съ запада, какъ оно вѣроятно и шло первоначально. Привислинскія, наши западныя губерніи, Бѣлоруссія, Новгородская и Псковская были заселены ранѣе Москвы и губерній ее окружающихъ. Между тѣмъ, впослѣдствіи населеніе сгущалось по направленію отъ Кіева на сѣверо-востокъ; а въ болѣе сѣверныхъ полосахъ даже рѣдѣло. Причину этого явленія можно усматривать

конечно, прежде всего въ почвѣ, которая представляла въ направленіи, по которому двигалось населеніе, почти сплошной черноземъ; тогда какъ болѣе сѣверная часть состояла изъ суглинковъ, супесковъ, лѣсовъ и болотъ.

Полоса чернозема тянется отъ Карпатъ и Каменецъ-Подольска черезъ Кіевъ на сѣверо-востокъ, все болѣе увеличиваясь въ ширину, и переходитъ за Уралъ. По картѣ профессора Докучаева, ширина ея между Бердянскимъ и Николаевымъ 350 верстъ; а на западномъ склонѣ Урала 700 верстъ. Кромѣ того, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ черноземъ становится богаче гумусомъ (въ Симбирскѣ 19%, у Саратова 10%; въ Ряжскѣ 5%, Бѣлгородѣ 5,8%, Екатеринославѣ 3,2, Бѣлой Церкви 3,5., Бахмачѣ 2,8, Конотопѣ 2,5, Кіевѣ только 0,96%). Онъ также гуще внутри полосы и слабѣетъ къ верхней и нижней ея части, то есть, къ суглинкамъ болѣе сѣверной полосы и прибрежью Чернаго моря.

Болѣе плодородная почва представляла болѣе выгодъ для заселенія, и вотъ почему, вѣроятно, черноземная полоса оказывается въ концѣ концовъ втрое гуще заселенной, чѣмъ остальныя нечерноземныя. По Своду Комитета Министровъ въ ней приходится на квадратную версту 38 душъ; между тѣмъ какъ нечерноземной всего 14 душъ. Это отношеніе однако измѣняется, если исключить сѣверныя губерніи. Тогда получимъ:

Все населеніе не черноземное .	34 м. д.	Пространство	2473 т. кв. в.
Исключимъ Сѣв. губерніи . .	2 » »	»	1208 » » »
Останется .	32 м. д.		1265 т. кв. в.

Населенность нечерноземной части безъ 3 сѣв. губ. (Архангельской, Олонецкой и Вологодской) 25,2 души на кв. версту.

Населенность черноземной 38.

Или черноземная полоса всетаки въ 1½ раза гуще населена, чѣмъ нечерноземная.

Съ этой стороны становится понятнымъ и перемѣщеніе центра тяжести русской культуры съ сѣверо на югъ отъ Новгорода къ Кіеву и затѣмъ ея распространеніе по черноземy.

Но затѣмъ, мы тутъ же встрѣчаемся съ фактомъ, который укажетъ, что одного плодородія недостаточно для руководства заселеніемъ. Позднѣе центръ тяжести культуры перемѣщается въ Москву; выходитъ изъ чернозема и населеніе группируется около новаго центра. Тутъ получаютъ перевѣсъ опять уже причины другого рода

Такимъ образомъ, хотя преимущества чернозема, повидимому, и оказывали свое вліяніе на движеніе населенія; но они не помѣшали другимъ условіямъ, другого порядка, выдвинуть на первый планъ Москву и здѣсь сгруппироваться населенію преимущественно передъ болѣе дальними окраинами, хотя и черноземными. Въ общемъ всетаки осталась болѣе заселенною вся западная полоса сравнительно съ восточной, несмотря на присутствіе въ послѣдней свободнаго, болѣе плодороднаго чернозема.

Всѣми отступленіями руководили уже очевидно причины другого порядка, нравственнаго, политическаго и административнаго.

Близкое сосѣдство съ кочевниками Азіи обратило Россію въ передовой постъ, который долженъ былъ отстаивать самостоятельность европейскихъ обществъ.

Сама Россія должна была быть счастлива тѣмъ, что успѣла освободиться отъ ига татаръ и вытѣснить владычество послѣднихъ съ европейскаго континента и овладѣть прибрежьемъ Чернаго и Балтійскаго моря, послѣ ближайшей связи съ Европой и благодаря реформамъ Петра. Ранѣе же, въ средніе вѣка, сохраненіе самостоятельности было немыслимо безъ сплоченія отдѣльныхъ частей населенія въ сильное политическое тѣло.

Внѣшняя безопасность требовала для борьбы съ Азіатцами заложенія сильной власти, которая бы объединила отдѣльныя княжества удѣльнаго періода; и того же требовало умиротвореніе внутреннее. Новые порядки легче

могли возникнуть на новой почвѣ. На старой же имъ было труднѣе бороться съ удѣльными вольностями. Почему же центромъ объединенія оказалась именно Москва, а не другое мѣсто? — На это отвѣтить то же можно, потому что побѣдителемъ была вовсе не Москва, а принципъ осѣдлости и неразрывной связи бояръ и служивыхъ людей съ князьями, которые впервые усвоились здѣсь.

Не нужно быть очень проницательнымъ, чтобы понять, что производительность труда зависитъ не отъ одного плодородія почвы, а также отъ его обезпеченности. Поэтому народу было настолько же важно оградить себя отъ враговъ внѣшнихъ, сколько и внутреннихъ междоусобицъ.

Варяжскіе князья, призванные съ этой цѣлью Гостомысломъ, не умѣли сдѣлать этого ни въ Новгородѣ, ни въ Кіевѣ, потому что внѣшніе и внутренніе порядки не были возможны среди множества удѣловъ, постоянно враждовавшихъ между собой. Объединеніе удѣловъ еще могло совершиться само собою подобно тому, какъ совершилось объединеніе феодаловъ на западѣ, если бы нашему обществу въ то же время ни была присуща одна особенность. — удержанная имъ отъ охотничьяго или пастушескаго періода,—отличавшая его отъ западнаго и дѣлавшая невозможнымъ никакое объединеніе. Это—всеобщее кочеваніе всѣхъ его слоевъ, начиная съ высшихъ, до низшихъ. Кочевали князья, кочевали бояре и служивые люди, переѣзжая отъ одного князя къ другому; кочевали земледѣльцы или народная масса.

Иной порядокъ легче могъ возникнуть на новой почвѣ, и онъ возникъ среди затерянныхъ удѣловъ Сѣверо-восточной окраины, гдѣ впервые появился князь, не мѣняющій своего мѣста и бояре, не отъѣзжающіе, а служилые люди своего князя и княжества. Все это носило сначала чисто вотчинный, чисто хозяственный характеръ. Оно усилило власть князя на счетъ прежнихъ вольностей; но оно дало возможность свергнуть иго монголовъ и объединить отдѣльныя части будущаго государства. Только поглощая мало-помалу единичныя княжества и уничтожая послѣдовательно Царства Казанское и Астраханское, Великій Новгородъ и Псковъ,

Москва положила окончательный конецъ личнымъ вольностямъ удѣльнаго періода. Что же касается крестьянъ, то они кочевали еще до Годунова, который ихъ закрѣпилъ и то только временно, до установленія внутренняго порядка, котораго ему такъ и не удалось установить. Установившаяся власть, прекращая внутреннія войны, въ этомъ смыслѣ, конечно, была и въ хозяйственныхъ интересахъ народа, и потому категоріей, на столько же экономической или хозяйственной, на сколько и политической. Такимъ образомъ, населеніе, въ своемъ движеніи, не можетъ руководствоватся однимъ лишь большимъ или меньшимъ плодородіемъ почвы; а должно невольно подчиняться суммѣ разнородныхъ вліяній, его направляющихъ въ ту или другую сторону, изъ которыхъ каждое сказывается въ общемъ результатѣ. Въ этомъ и убѣждаемся, разсматривая населенность по раіонамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ:

Губерніи	Населеніе
Юго-западныя (Кіевская, Подольская, Волынская)	57
Среднія черноземныя (Полтавская, Харьковская, Воронежская).	58,6
Сѣверныя черноземныя (Курская, Тамбовская, Орловская, Пензенская, Черниговская, Тульская, Рязанская)	52,8
Промышленныя (Московская, Калужская, Ярославская, Виндавская, Тверская, Смоленская)	39,2
Западныя (Виленская, Витебская, Минская, Ковенская, Гродненская, Могилевская).	34
Прибалтійскія	29
Сѣверо-западныя (Новгородская, Псковская, Петербургская).	23,2
Восточныя и юго-восточныя (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Орловская).	23
Сѣверо-восточныя (Костромская, Вятская, Пермская)	14,7

Очевидно, политическая причина выдвинула впередъ Москву съ ея окрестными губерніями передъ ранѣе заселявшимися Западными и Сѣверо-западными, Южными и Восточными черноземными.

Словомъ, политическія причины оказались сильнѣе остальныхъ и не трудно видѣть, что дѣло цивилизаціи для всего пространства Россіи было выиграно, потомучто это случилось именно такъ, что почвенныя условія были принесены въ жертву другимъ. То же самое происходитъ и вездѣ; иначе германцы не стали бы заселять прусскихъ песковъ или оспаривать ихъ у славянъ и перешли бы давно на востокъ Россіи.

Если теперь читатель захочетъ получить понятіе о томъ, какъ отражается вліяніе политическихъ интересовъ на населенія отдѣльныхъ государствъ, то ему стоитъ только обратиться къ абсолютнымъ итогамъ населенія отдѣльныхъ крупныхъ государствъ Европы.

Естественное стремленіе къ равновѣсію выражается стремленіемъ къ одинаковой численности населенія. Мы имѣемъ здѣсь:

Великобританія . .	38		Италія . .	30
Франція	38,5		Россія . .	106
Германія	52	Въ Азіи:	Японія .	41
Австро-Венгрія . . .	41		Китай . .	87

Бросающіяся въ глаза исключенія составляютъ только Россія и Китай; но это только показываетъ, что политическое могущество измѣряется не одной численностью ртовъ и рукъ, а зависитъ также отъ другихъ причинъ. Отчасти отъ степени разбросанности или густоты населенія, требующаго большого числа людей для охраненія большихъ границъ и территоріи; отчасти же отъ подобныхъ же причинъ, заключающихся въ тѣхъ преимуществахъ, которыя дастъ, хотя и менѣе численному народу, сравнительная степень культурнаго развитія. Если съ этой точки взглянуть на дѣло, то окажется, что не одна Россія занимаетъ особое мѣсто въ этомъ отношеніи, а что и на-

селеніе Германіи выше населенія Англіи и Франціи, тогда какъ никто не скажетъ, что она была бы въ той же степени могущественнѣе первой. Тутъ нѣсколько факторовъ должны входить въ образованіе постоянной величины, которая обезпечиваетъ равновѣсіе двухъ государствъ и между ними степень культуры играетъ конечно не послѣднюю роль. Въ старое время естественное стремленіе къ политическому могуществу приводило къ объединенію подъ одной властью всего историческаго міра. Но прочность такого крупнаго политическаго тѣла была мало устойчива. Вслѣдствіе этого господство надъ міромъ часто переходило изъ однѣхъ рукъ въ другія; и было не мало примѣровъ паденій такихъ громадныхъ монархій подъ ударами несравненно болѣе мелкихъ, но болѣе культурныхъ общественныхъ единицъ.

Теперь, если то же политическое стремленіе не ослабло, то политическій строй не страдаетъ болѣе такой же неустойчивостью, можетъ быть, потому, что не приводитъ къ объединеніямъ древняго калибера, а только къ болѣе скромнымъ, образующимъ сложную систему, большая устойчивость которой достигается взаимнымъ политическимъ равновѣсіемъ отдѣльныхъ единицъ. Но вѣдь, вглядываясь ближе, мы видимъ, что это не просто рядъ равносильныхъ единицъ, а дѣйствительно цѣльная система культурныхъ единицъ, въ которой каждая имѣетъ свою особую роль; что, если надъ ними нѣтъ общей внѣшней власти, подобной той, какая наблюдалась въ древнихъ государствахъ, то есть власть другого рода, болѣе скрытая и внутренняя: это та власть, которую образуетъ общность интересовъ, взаимный обмѣнъ услугъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ, которыя создаютъ раздѣленіе труда и не разрубаютъ никакіе мечи. Это та связь, которая слагаетъ отдѣльныя политическія единицы въ одно культурное тѣло; власть уже не политическая, а культурная, которая и заставляетъ тяготѣть всѣ населенія къ центру культуры. Съ этой точки зрѣнія можно конечно думать, что тоже объединеніе отдѣльныхъ частей могло быть достигнуто

безъ отрѣченія отъ коренныхъ формъ удѣльно вечеваго періода; но тогда всетаки остается открытымъ вопросъ, возможно ли было бы самое сверженіе монгольскаго ига, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій дальнѣйшій ростъ культуры. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что всѣ государства Европы прошли черезъ періодъ военнаго обсолютизма. Въ Россіи онъ наступилъ только нѣсколько позже.

V.

Вліяніе культуры поможетъ намъ, отчасти, объяснить вещь, не имѣющую на первый взглядъ никакого къ ней отношенія, а именно ничтожность общаго итога человѣческаго населенія до сихъ поръ на земномъ шарѣ. Если мы вспомнимъ, что тѣ же, болѣе заселенныя страны Западной Европы, въ теченіе уже нѣсколькихъ вѣковъ сбывали часть своего населенія другимъ частямъ свѣта, что онѣ за то время колонизовали Бразилію и республики Южной Америки, населили Соединенные Штаты, Мексику и Канаду Сѣверной Америки, а также образовали поселенія въ другихъ частяхъ Свѣта, то мы должны будемъ прійти къ заключенію, что собственно населеніе не такъ уже безнадежно плохо наростало въ вѣка предшествующіе, какъ это кажется.

Но чѣмъ же тогда объяснить такой безнадежно печальный итогъ общаго земнаго населенія въ 1,5 милліардъ? Ничѣмъ инымъ, какъ вымираніемъ туземнаго населенія, подъ вліяніемъ являющихся на его смѣну европейскихъ колонизаторовъ. Такова общая судьба всѣхъ расъ низшей культуры въ этомъ царствѣ борьбы за существованіе. Если европейское населеніе растетъ преимущественно передъ другими, то только потому, что оно въ то же время несетъ съ собой культуру и растетъ настолько лишь, насколько оно стоитъ выше другихъ въ культурномъ отношеніи. Все, что ниже его, имъ терпится, пока это для него полезно, пока оно стоитъ того, чтобы его эксплоатировать. Если оно безполезно, то оно просто сживается съ лица земли:

загоняется въ сѣверныя тундры или тому подобные мертвые углы, гдѣ погибаетъ мало по малу, само собой.

Такъ исчезли туземныя племена, которыхъ застали въ Америкѣ первые просвѣтители; такъ исчезаютъ мало по малу еще и теперь американскіе индѣйцы; такъ исчезли племена, населявшія когда-то Россію, о которыхъ говорятъ лѣтописи и т. д.

Горе тому, кто не идетъ вслѣдъ за цивилизаціей и не пріобщается къ ней; горе побѣжденнымъ. Въ этомъ отношеніи всѣ цивилизаціи были безпощадны. И горе націи, которая не пойметъ этого. Эту небольшую истину только и хотѣлъ подчеркнуть Россіи Великій Петръ. Думалъ ли онъ при этомъ, замѣняя монгольскіе порядки нѣмецкими, создавать намъ новое иго, со стороны сосѣдей западныхъ. Конечно нѣтъ. Однако дальнѣйшее показало, что уроки чужой цивилизаціи не обходятся даромъ.

Все это ставитъ въ прямую и несомнѣнную связь цивилизацію и густоту населенія. Безъ одной нельзя представить себѣ другой; исключенія могутъ быть только для мѣстностей колонизирующихся, представляющихъ, какъ бы, только продолженіе метрополіи. Вообще же страна болѣе заселенная будетъ и болѣе культурной сравнительно съ другой, менѣе заселенной.

Ту же роль, какую играетъ Англія на сѣверо-западной окраинѣ Атлантическаго прибрежья, на восточной окраинѣ того же полушарія, у Тихаго океана, играетъ Японія и Китай. Центромъ наибольшаго сгущенія служитъ Японія, островъ, подобный Великобританіи; а край материка Азіи, подобенъ прибрежью Атлантическаго океана и Нѣмецкаго моря. Отсюда внутрь материка населенность быстро падаетъ до безплодныхъ среднеазіатскихъ степей. По берегамъ Индійскаго океана лѣпятся сгущенія, составляющія остатки болѣе древней цивилизаціи индійской, подобно Греціи, Италіи и Испаніи у береговъ Средиземнаго моря. Ту же картину берегового сгущенія, съ быстрымъ пониженіемъ населенности, находимъ кругомъ всей Африки, Австраліи и Южной Америки. Наконецъ, то же повторяется въ Соеди-

ненныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Поэтому едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, гдѣ слѣдуетъ искать первый центръ сгущенія. Очевидно, удобства береговой жизни представляютъ такое преимущество, что имъ мы должны приписать ту притягательную силу, которая вызываетъ первоначально сгущеніе населенія у береговъ, и оттуда культура, только съ трудомъ и постепенно, проникаетъ далѣе внутрь материковъ. Это явленіе общее; оно опредѣляетъ общій порядокъ заселенія территоріи или распространеніе по ней населенія.

Если ростъ населенности ведетъ къ экстенсивному распространенію культуры, то мы и должны разсмотрѣть, какъ отразился этотъ ростъ въ теченіе XIX вѣка на положеніи культурнаго міра. Въ этомъ отношеніи, несомнѣнно есть надъ чѣмъ остановиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить того естественнаго процесса, который, хотя крайне медленно, долженъ привести къ весьма серьезнымъ перемѣнамъ въ международномъ строѣ. Я имѣю въ виду несомнѣнно совершающееся давленіе населенія въ Европѣ съ запада на востокъ и съ востока на западъ прибрежнаго населенія Тихаго океана. Ни для кого не тайна, что вся восточная Пруссія была въ свое время занята славянами; это и доказываютъ славянскія названія урочищъ означенной территоріи, не исключая и Кенигсберга (Королевецъ).

Такимъ образомъ германское населеніе давно стало отодвигаться слѣва къ востоку и этотъ процессъ, повидимому, продолжался непрерывно. Жизнь, сосредоточивавшаяся первоначально въ западной полосѣ Европейской Россіи (Кіевъ, Новгородъ, Псковъ), постепенно увядала здѣсь, въ то время какъ центръ русской культуры перемѣщался къ востоку. Словомъ, населеніе двигалось въ этомъ направленіи, смѣшивалось съ монгольскими и финскими племенами, населявшими восточныя части Россіи, и отбрасывало ихъ на Азіатскій материкъ. Центръ русской культуры изъ Кіева и Новгорода перемѣстился въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и самый типъ этой культуры; онъ сталъ полуазіатскимъ, чтобы не сказать болѣе.

Отъ славанства Московская Россія удержала языкъ; но принявъ въ себя болѣе азіатской и финской крови, чѣмъ чисто славянской, приняла и полуазіатскій строй. Здѣсь впервые исчезла свобода и прекратились отъѣзды бояръ; а татаринъ Годуновъ обратилъ свободное населеніе въ крѣпостное. Подъ давленіемъ Москвы, азіатскій порядокъ жизни распространился на Кіевъ, Новгородъ и пр.

Позже, Петръ, прорубивъ окно въ Европу, основалъ полунѣмецкій городъ Петербургъ и нѣмецкая бюрократія скоро завладѣла всѣми отраслями военной и гражданской администраціи; а нѣмецъ выходецъ: школьными науками, торговлей, промышленностью. Массовое передвиженіе нѣмцевъ въ Россію умѣрялось. до сихъ поръ, эмиграціей ихъ въ Америку, съ заселеніемъ которой ихъ наплывъ въ Россію долженъ будетъ увеличиться. До сихъ поръ восточная половина Пруссіи оказывается еще мало заселенной въ сравненіи съ западной и потому, конечно, нужда заставляетъ ихъ искать въ Россіи только болѣе выгодныхъ, высшихъ профессій; а въ земледѣліи занимать мѣста управляющихъ, а не пахарей. Вообще, нѣмцы являются эксплоататорами чуждаго имъ по вѣрѣ, языку и племени населенія русскихъ равнинъ.

Отъ Москвы, великое русское населеніе давно двигается къ востоку. Московское государство увеличилось къ востоку на счетъ Сибири, Бухары и пр., но Германія и тутъ не упустила — продолжать отодвигать наши заселенія къ востоку. Мы не успѣли выстроить Сибирскую желѣзную дорогу, какъ она овладѣла нашей сибирской торговлей и еще ранѣе рудниками платины, графита и пр. Простирая руки на Турцію, она насъ гнала подальше отъ нея, къ второму океану, предоставляя заводить свои колоніи и порты тамъ, гдѣ мы должны были встрѣтить неизбѣжный отпоръ со стороны слишкомъ сгущеннаго населенія прибрежья острововъ Тихаго океана и прежде всего Японіи, примкнувшей къ европейскому политическому порядку и европейской культурѣ и обученной военному дѣлу тѣми же европейскими инструкторами.

Славянская раса, главной представительницей которой считаетъ себя Россія, оказывается въ тискахъ между такими двумя давленіями, какъ, съ одной стороны, давленіе Западной Европы, съ другой—полумильярдное населеніе Китайско-Японской части Азіи. При нашемъ пассивномъ угнетенномъ характерѣ, мы легко можемъ быть въ концѣ концовъ растерты между двумя означенными жерновами, если не воспрянемъ къ самостоятельной политической жизни, освободившись отъ нѣмецкаго ига. Послѣднее же станетъ полнымъ, только въ случаѣ подобнаго же объединенія славянства, какое создали для себя нѣмцы. Но не слѣдуетъ забывать, что они будутъ всегда возбуждать между нами рознь, поддерживать въ Россіи отсталый политическій строй, который служилъ препятствіемъ сліянію съ нами неподчиненныхъ Россіи славянъ.

VI.

Количество населенія страны находится въ прямой зависимости отъ ея пищепроизводства, а такъ какъ всѣ виды пищепроизводства, которые были до сихъ поръ доступны людямъ, составляютъ прямо или косвенно продукты наземной органической жизни, то, смотря по способу питанія, населеніе должно было требовать большаго или меньшаго земнаго пространства на душу, считая въ томъ числѣ и воды. Однако, пищевые продукты, заключающіеся въ водахъ, служатъ главной пищей населенію только въ исключительныхъ случаяхъ; вообще же составляютъ только дополненіе къ общимъ пищевымъ матеріаламъ; поэтому главнымъ производителемъ пищи служитъ все-таки земля. Чѣмъ совершеннѣе способъ пищепроизводства, тѣмъ меньшаго онъ требуетъ пространства земли. Болѣе всего требуетъ территоріальныхъ пространствъ способъ охотническій. Способъ пастушескій уже требуетъ меньшихъ пространствъ для прокормленія того же населенія. Наконецъ, способъ земледѣльческій требуетъ еще меньшей территоріи, сравнительно со всѣми предшествующими, и въ этомъ его преимущество

передъ ними. Но какъ бы ни было совершенно земледѣліе, все-таки для прокормленія человѣческой души требуются громадныя пространства и разселеніе людей или порядокъ заселенія территоріи опредѣляется условіями хлѣбопроизводства. При земледѣльческой культурѣ, на пространствѣ квадратнаго километра можно прокормить число душъ, колеблющееся въ совершенно опредѣленныхъ предѣлахъ. Большей густоты нельзя допустить, если только территорія должна прокармливать сама свое населеніе, а этого послѣдняго избѣжать въ абсолютномъ смыслѣ нельзя: ибо, если мы захотимъ ввозить хлѣбъ извнѣ, все равно, на каждую нашу душу придется отвести необходимое число десятинъ въ другомъ мѣстѣ, откуда намъ будутъ привозить хлѣбъ, и такимъ образомъ средняя густота населенія, въ концѣ концовъ, много не измѣнится. Словомъ, между людьми, какъ между атомами, должны оставаться извѣстныя пространства для того, чтобы они могли существовать.

Но земледѣльческій способъ пищепроизводства не есть также разъ данный и навсегда связанный извѣстной формой. Въ самомъ способѣ земледѣлія возможны свои измѣненія, свои усовершенствованія. Въ основныхъ своихъ чертахъ онѣ, повидимому, давно стали извѣстны; тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ смыслѣ и значеніи, онѣ были выяснены только въ послѣднее время.

До нашихъ дней дошли остатки капитальнѣйшихъ ирригаціонныхъ сооруженій въ Средней Азіи. Извѣстно также, что древній Египетъ былъ обязанъ своимъ плодородіемъ системѣ каналовъ и сооруженіямъ, обратившимъ его болота въ лучшую почву, какой можно желать. Современная Голландія точно также сама создала свою почву и тоже сдѣлала на своемъ восточномъ прибрежьѣ Англія. Однако, до начала прошлаго XIX вѣка, земледѣліе на континентѣ находилось въ крайне жалкомъ состояніи. Въ лучшемъ видѣ оно было въ Англіи, гдѣ понимали значеніе удобренія и еще въ XIII вѣкѣ писались спеціальныя сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь, между прочимъ, земледѣліе успѣло пройти въ то время всю, такъ сказать, гамму доступныхъ ему формъ

совершенствованія, въ видѣ улучшенныхъ системъ полеводства.

Что же касается континента, то здѣсь практиковались еще до того рутинные способы полеводства, что появившаяся книга Либиха, о необходимости удобренія, оказалась настоящимъ откровеніемъ. Правда, Либихъ сдѣлалъ, повидимому, все возможное для того, чтобы придать увлекательность предмету, съ вида безнадежно сухому, такъ что, до сихъ поръ, нельзя читать его безъ напряженнаго интереса.

Онъ доказывалъ, что народы отживаютъ и цивилизаціи погибаютъ, когда выпахиваютъ и истощаютъ свою почву; что способъ хозяйства, который велп и ведется до сихъ поръ, есть способъ хищническій, разъ онъ не возвращаетъ землѣ того, что изъ нее беретъ; что этимъ способомъ народъ долженъ, рано или поздно, выпахать свою почву и начать на ней вымирать или переходить на новую территорію, какъ кочевники.

Въ сущности онъ не говорилъ нѣчего кромѣ того, что знали давно хозяева въ Англіи,—что нужно удобрять землю. Только это знаніе было чисто эмпирическимъ. Теперь то же доказывала химія на научной почвѣ, и вопросъ удобренія былъ выдвинутъ на первый планъ. Однако, въ количественномъ отношеніи вопросъ удобренія остается всетаки открытымъ.

Первоначальныя пробы измѣрять плодородіе градусами удобренія оказались неудачны, такъ что, въ концѣ концовъ, самыми правильными оказались таблицы Пабста, гдѣ отдѣльные сборы приравниваются къ отдѣльнымъ количествамъ удобренія.

Разъ урожаи до сихъ поръ зависѣли отъ удобренія, то каково бы ни было его количество, очевидно, что часть земли, для возможности раціональнаго земледѣлія, должна быть урѣзана отъ посѣва и предоставлена животному, которое производитъ удобреніе. Какое же слѣдуетъ отдѣлить количество земли для животнаго,—въ этомъ весь вопросъ.

Это количество можетъ оказаться разно, смотря потому, какъ мы будемъ пользоваться животными полями или кор-

мовыми, какъ ихъ называютъ. На различныхъ способахъ такого пользованія и основываютъ всѣ совершенствованія. какія до сихъ поръ выразились въ послѣдовательныхъ системахъ полеводства, придуманныхъ практиками.

Хотя всѣ они были уже практически извѣстны въ Англіи ранѣе XIX вѣка, однако настоящимъ образомъ ихъ классифицировалъ только извѣстный германскій экономистъ, сельскій хозяинъ *Тюненъ*. Среди общаго увлеченія англійскими усовершенствованными земледѣльческими пріемами, онъ вылилъ, своей знаменитѣйшей книгой «Уединенное Государство», ведро холодной воды на головы восторгавшихся; чѣмъ оказалъ громадную услугу, указавъ настоящія условія оцѣнки и пользованія означенными системами.

Переходимъ къ ихъ описанію. Всѣ усовершенствованныя системы полеводства, какъ я сказалъ, основываются на различныхъ способахъ пользованія землей и прежде всего кормовыми землями. Необходимость удобренія никогда не составляла тайны. Ее понимали уже первые земледѣльцы; но ихъ способы удобренія были очень не экономичны, въ смыслѣ территоріи. Простѣйшія системы, съ которыхъ начинается полеводство въ самомъ его первомъ фазисѣ, были залежневая и подсѣчная. Если пахарь имѣлъ дѣло съ мѣстностью не расчищенной отъ лѣса, онъ сжигалъ лѣсъ и затѣмъ сѣялъ на оголенной и удобренной золой сгорѣвшаго лѣса почвѣ. Когда обильныя жатвы, получаемыя имъ первоначально, начинали уменьшаться, онъ бросалъ этотъ участокъ и выжигалъ другой. Это — система подсѣчнаго хозяйства.

Если земля была свободна отъ лѣса, то пахарь прямо пахалъ и засѣвалъ цѣлину. Собиралъ съ нея рядъ жатвъ, пока онѣ также не уменьшались и тогда запускалъ ее подъ пастбище или просто бросалъ ее на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, пока земля не отдыхала; послѣ чего можно было сѣять на томъ же мѣстѣ снова. Это—система залежневаго хозяйства. Никакого удобренія въ землю, ни при подсѣчной, ни при залежневой самъ хозяинъ не вкладываетъ, а предоставляетъ полю удобряться собственными

средствами, что требуетъ довольно продолжительнаго времени, иногда до 20—25 лѣтъ. Понятно, что, если на тотъ же участокъ пахарь можетъ вернуться только черезъ ¼ столѣтія, то засѣваемый участокъ составляетъ только 1/25 изъ общаго пространства; 24/25 же должны отдыхать или потеряться для пищепроизводства. Чѣмъ болѣе растетъ населеніе, тѣмъ болѣе приходится сокращать срокъ залежи. Но сокращеніе ея ведетъ къ уменьшенію урожаевъ и тогда, или земледѣліе приходитъ въ крайне жалкое состояніе, или, сокращая срокъ залежи, вкладываютъ въ тоже время въ пашню удобреніе, которое производитъ на залежахъ пастбище.

Сокращая этимъ способомъ срокъ залежи, доходятъ до, такъ называемой, трехпольной системы съ удобреніемъ. О трехпольной безъ удобренія я не говорю, потомучто она не можетъ вообще считаться системой правильной, то есть такой, при которой урожаи могутъ оставаться постоянными. При трехпольной системѣ подъ пашню поступаютъ обыкновенно 2/3 поля; а одно, то есть паровое—на годъ подъ залежъ и потому, какъ будто для удобренія, отводятъ всего 1/3 территоріи; но это не вѣрно. На этомъ пространствѣ нельзя произвести достаточно удобренія и дополнительныя производятся обыкновенно или на особыхъ лугахъ, гдѣ они есть, или на выгонахъ, и лѣсныхъ пастбищахъ. Количество такихъ пастбищъ, конечно, должно быть различно, смотря по ихъ качеству; но, въ общей сложности. Тюненъ считаетъ, что при пастбищѣ средняго качества и при трехпольной системѣ требуется отводъ, кромѣ пара, до 2/3 земли подъ пастбища. Въ памятной книгѣ московскаго С. Х. приведены другія нормы и вообще на практикѣ допускаются болѣе умѣренныя нормы.

Но изъ трехъ полей, при разсматриваемой системѣ, засѣвается хлѣбомъ собственно одно озимое; другое же засѣвается овсомъ или вообще яровымъ. Поэтому, можно принять, что въ средней сложности, при трехпольной системѣ будетъ удѣлено скоту 5/6 земли, а для человѣка удержано всего 1/6. относительно 20-лѣтнихъ залежей—это большой успѣхъ: Вмѣсто 1/20, 1/6. Поэтому трехпольная система, при

томъ же урожаѣ, будетъ содержать покрайнѣй мѣрѣ вдвое болѣе густое населеніе, чѣмъ залежневая.

Но эта система, если ее вести приведеннымъ способомъ, явно не экономна. Во первыхъ, удобреніе, которое падаетъ на пастбище во время пастьбы, теряется для жатвы, ибо послѣдняя никогда не переходитъ на выгоны. Во вторыхъ, съ пастбищъ, которыя могутъ быть обращены въ сѣвооборотъ, получится большій урожай травы путемъ обработки, чѣмъ съ естественныхъ выгоновъ. Поэтому система трехполья можетъ оправдываться только тамъ, гдѣ имѣются въ достаточномъ количествѣ естественные луга или выгоны, неудобные для обработки.

Если же естественныя пастбища включить въ сѣвооборотъ, то получается рядъ системъ, такъ называемыхъ травяныхъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстны: выгонная Мекленбургская. Здѣсь земля дѣлится на 7 полей; изъ нихъ подъ хлѣбомъ 2, овсомъ 1, подъ паромъ 1 и 3 подъ пастбищемъ, изъ коихъ на 1-мъ по овсу сѣятъ кормовыя травы. Тутъ, слѣдовательно, занято подъ пищу человѣка $^2/_7$ общаго пространства, то есть: въ 6 разъ больше, чѣмъ при залежи (20 л.) и потому эта система можетъ содержать въ 6 разъ большее населеніе, чѣмъ залежневая и въ 3 раза большее, чѣмъ трехпольная.

Наконецъ, можно еще больше сократить долю кормовыхъ земель, обработывая ихъ подъ настоящія поля и засѣвая ихъ кормовыми травами, растеніями, картофелемъ и пр. Можно вовсе уничтожить паръ и занять подъ хлѣбъ $^1/_2$ земли. Получается такъ называемая *плодопеременная* система, составляющая высшую систему полевой культуры. Она дастъ возможность содержать въ 10 разъ болѣе густое населеніе, чѣмъ залежневая, или въ 5 разъ больше, чѣмъ трехпольная и въ полтора раза больше, чѣмъ Мекленбургская семипольная. Въ результатѣ видимъ, что населеніе, какое содержится на томъ же пространствѣ, при различныхъ системахъ, возростаетъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

		Сколько занято подъ хлѣбъ земли
При залежѣ .	1	$\frac{1}{20}$
» трехпольѣ . . .	3,3	$\frac{1}{6}$
» выгонной . . .	6	$\frac{2}{7}$
» плодоперемѣнной	10	$\frac{1}{2}$

Такимъ образомъ, земледѣльческій способъ пищепроизводства даетъ возможность увеличивать густоту населенія въ 10 разъ противъ начальнаго. Но каждая изъ этихъ системъ требуетъ, какъ показалъ Тюненъ, большаго количества труда. При переходѣ отъ одной системы къ другой трудъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ количество получаемой пищи. Иными словами, при каждой изъ нихъ единица хлѣба обходится дороже. Поэтому очередь каждой изъ нихъ въ исторіи населенія наступаетъ, только при соотвѣтствующей его густотѣ. Масса хозяевъ, которые не поняли или не хотѣли понять этого условія, дорого поплатились за свои увлеченія высшими системами. Въ то же время, мѣсто каждой опредѣляется совершенно точно стоимостью производствъ единицы хлѣба на мѣстѣ и провоза до рынка, сравнительно съ рыночной цѣной. Поэтому, чѣмъ дальше отъ рынка или мѣста сбыта, тѣмъ, при той же рыночной цѣнѣ, долженъ дешевле производиться хлѣбъ на мѣстѣ и, слѣдовательно, тѣмъ первобытнѣе здѣсь должна быть система полеводства. А такъ какъ цѣна устанавливается въ одномъ главномъ рынкѣ, какими для Западной Европы служатъ наиболѣе заселенныя и нуждающіяся въ чужомъ хлѣбѣ мѣстности, то естественно, что въ то время, какъ въ Англіи или во Франціи можетъ быть умѣстна плодоперемѣнная система, на Югѣ Россіи должна еще существовать залежь или, во всякомъ случаѣ, одна изъ болѣе простыхъ системъ полеводства. Словомъ, системы земледѣльческой культуры должны быть тѣмъ проще и дешевле, чѣмъ

дальше отъ центральнаго мѣста сбыта, устанавливающаго цѣну на хлѣбъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ рѣже должно быть заселеніе.

Если стоимость провоза ростетъ пропорціонально разстоянію, то между рыночной цѣной и стоимостью производства на мѣстѣ должна существовать разность, покрывающая стоимость провоза, которая увеличивается также пропорціонально съ разстояніемъ.

Это правило прежде всего примѣняется къ каждому мѣстному рынку или городу. Здѣсь также, чѣмъ ближе округа къ городу, тѣмъ возможнѣе болѣе дорогое производство единицы хлѣба. Поэтому вблизи города можетъ быть выгодно обрабатывать землю какъ огороды, пользуясь городскимъ удобреніемъ, что уже выходитъ изъ ряда общихъ системъ полеводства, перечисленныхъ нами. Чѣмъ же дальше отъ города, тѣмъ проще должна быть и система.

Все это какъ нельзя проще объясняетъ ту систему заселенія, какую мы встрѣчаемъ повсюду въ дѣйствительности и какая нами была указана подробно выше; но тоже приводитъ къ вопросу, на который нельзя не обратить вниманія.

Если извѣстная страна находитъ возможнымъ производить хлѣбъ, пользуясь высшими системами полеводства, которыя поэтому обходятся ей дороже чѣмъ русскому земледѣльцу, то какая нужда заставляетъ населеніе платить за свой хлѣбъ или привозный болѣе дорогую цѣну, чѣмъ та, по которой европейскій житель могъ бы получить тотъ же хлѣбъ, перемѣстившись въ Россійскія степи. Въ матерьяльномъ отношеніи, французамъ и нѣмцамъ давно было выгоднѣе переѣхать изъ своей родины въ Сарепту или Новороссію, что отчасти и доказали нѣмцы колонисты. Но всетаки, однимъ матерьяльнымъ разсчетомъ, нельзя объяснить существующій порядокъ заселенія. Если бы человѣкомъ руководилъ одинъ матерьяльный разсчетъ, онъ расплывался бы по землѣ равномѣрно. Никакого бы сгущенія населенія не было бы и не было бы зато никакой цивилизаціи, никакихъ центровъ культуры. Слѣдовательно, размѣщеніемъ населенія руководятъ другія причины, кромѣ матерьяль-

ныхъ. Тутъ вступаетъ въ силу *психологія* и причины, препятствующія разселенію—суть по меньшей мѣрѣ настолько же психическія, какъ и матерьяльныя.

Всѣ тѣ условія, которыя привязываютъ народъ къ своей родинѣ, какъ-то: единство жизни, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, силы привычки и пр.—все это уже условія порядка психическаго и они оказываются сильнѣе интересовъ матерьяльныхъ. Если мы скажемъ, что первыя сплоченія и связь между людьми устраиваютъ выгоды личной безопасности, то почему же тогда позже, при наступившемъ благоустройствѣ, люди продолжаютъ также группироваться неравномѣрно. Есть примѣры, гдѣ иностранцамъ предоставляются выгоды, которыми не пользуются мѣстные уроженцы и однако они вовсе не стремятся отъ этого покидать свои родные углы въ такой мѣрѣ, какъ можно было бы думать. Все только потому, что не единымъ хлѣбомъ можетъ быть сытъ человѣкъ. Нужно человѣку дать всю ту нравственную обстановку, какую онъ находитъ у себя дома или лучшую, а не одну матерьяльную, чтобы онъ предпочелъ переселеніе даже мѣстному голоданію; и въ такомъ предпочтеніи своего настоящаго угла, онъ доходитъ до крайности, часто до настоящаго мученичества. Наши бѣлорусскіе крестьяне ѣли еще недавно хлѣбъ, мало отличающійся на видъ отъ навоза въ то время, какъ въ Новороссіи крестьянинъ, того же помѣщика, питался пшеничнымъ хлѣбомъ; а однако, мнѣ лично извѣстно, какъ трудно было уговорить первыхъ на переселеніе и въ лучшій климатъ, и въ лучшія условія питанія, при единствѣ религіи, языка и даже предразсудковъ.

Тюненъ размѣстилъ, по вышеуказанному правилу, не только отдѣльныя системы полеводства; а также виды культуры. Онъ показалъ, что за полосой земледѣлія должна слѣдовать полоса скотоводства, а за послѣдней—полоса охоты—словомъ буквально то, что на самомъ дѣлѣ и должно было происходить исторически.

На самомъ дѣлѣ, конечно, дѣло происходило такъ, что вблизи укрѣпленнаго центра существовали прежде простѣйшіе виды культуры, которыя замѣнялись высшими по мѣрѣ роста населенія; простѣйшіе же отодвигались все далѣе.

Первыя начала соединенія людей въ болѣе или менѣе тѣсныя группы появились, конечно, ранѣе земледѣлія. Мы видѣли начало ея уже въ кочевомъ быту. Оно, по всей вѣроятности, существовало и ранѣе; такъ какъ мы его видимъ даже въ средѣ животныхъ; оно вызывалось съ одной стороны потребностью въ удовлетвореніи простѣйшихъ нуждъ или инстинктовъ, голода и съ другой— самозащиты и безопасности отъ окружающихъ внѣшнихъ враговъ, дикихъ звѣрей и другихъ племенъ.

Въ отношеніи пріобрѣтенія пищи и самозащиты, человѣкъ рано понялъ ту выгоду, какая можетъ быть извлечена изъ извѣстнаго сложенія силъ и раздѣленія труда или совмѣстной работы и эта-то выгода послужила, нужно думать, началомъ соединенія людей въ первыя группы. То же представленіе большаго успѣха, при совмѣстной работѣ, онъ переносилъ въ дѣла борьбы съ невидимыми врагами; и отсюда общественныя жертвоприношенія, церемоніи и еще новыя причины сближенія. Но пока способы культуры не требовали осѣдлости, всѣ эти условія дѣйствовали, конечно не столь рѣшительно. Они пріобрѣтали, напротивъ, несравненно большее значеніе въ быту земледѣльческомъ, гдѣ нельзя было въ виду врага угнать дальше, какъ скотъ, свою жатву. Тѣмъ не менѣе, самое земледѣліе первоначально имѣло также кочевой характеръ по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ было достаточно еще земли. Земледѣльческое населеніе могло переносить свои жатвы, съ мѣста на мѣсто, среди быта, близкаго къ пастушескому и стало осѣдлымъ, только съ увеличеніемъ населенности, когда некуда было уходить; и приходилось волей или неволей держаться постоянно тѣхъ же полей; а слѣдовательно подумать и о защитѣ ихъ, во что бы то ни стало. Такая самозащита, въ силу закона раздѣленія труда, для своей успѣшности, требуетъ двухъ вещей: во первыхъ, достаточнаго числа единичныхъ силъ, во вторыхъ—извѣстнаго раздѣленія или организаціи всего труда, то есть появленія извѣстной власти, распоряжающейся и направляющей такъ или иначе силы населенія и вообще извѣстной внутренней организаціи населенія.

Этотъ порядокъ создалъ первыхъ королей, которые,— какъ мы это видимъ до сихъ поръ у дикихъ населеній— являются первыми военноначальниками.

При залежневой системѣ, все населеніе должно было ежегодно переносить свою обработку на новыя мѣста и само собой понятно, что мѣсто обработки должно было быть дѣлимо на столько участковъ, сколько было въ общинѣ хозяевъ, а самыя части сообразоваться съ числомъ ртовъ въ хозяйствѣ. Съ образованіемъ двухъ полей, въ посѣвѣ ярового и озимаго, каждый хозяинъ долженъ былъ естественно требовать своей части въ каждомъ полѣ, а съ уменьшеніемъ годовъ залежи до 1 или, когда дѣло дошло до трехпольной системы и скоту остались только, если не считать пара, выгоны, естественно было сохранить по крайней мѣрѣ общій выгонъ; что же касается полей, то здѣсь также удерживалась система клиньевъ, хотя самые передѣлы перестали прозводиться столь часто, какъ ранѣе.

Тѣмъ не менѣе, система общаго пользованія, только съ увеличеніемъ населенности, переходила въ подворную. Первоначально же форма пользованія вездѣ въ Европѣ была таже общинная, какая существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у насъ.

Въ суммѣ выходитъ, что какія бы цѣли или потребности ни руководили образомъ дѣйствія людей, всѣми измѣненіями въ образѣ ихъ жизни, въ развитіи ихъ бытовой культуры руководила одна величина—высота населенности, или, что тоже, отношеніе величины населенія къ территоріи. Это отношеніе опредѣляло переходъ охотничьяго быта къ пастушескому. Оно же опредѣляло переходъ къ земледѣлію отъ пастушескаго и оно же наконецъ, въ земледѣльческомъ бытѣ, опредѣляло переходы отъ однѣхъ системъ земледѣлія, болѣе простыхъ, къ болѣе высокимъ. Оно же далѣе, какъ увидимъ позже, выдвинуло впередъ торговое начало и привело со временемъ къ развитію промышленности.

Вслѣдствіе этого я посвящу слѣдующіе отдѣлы изслѣдованію положенія этихъ двухъ отраслей производства и матеріальной культуры.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Глава I.

Земледѣліе и обрабатывающая промышленность составляли издавно непремѣнныя отрасли человѣческаго производства, но они составляли не единственныя, на которыя направлялся человѣческій трудъ и положеніе ихъ, въ различныя времена и въ различныхъ обществахъ, было далеко не одинаково. Въ древнихъ обществахъ, они составляли занятія рабовъ. Военная профессія, ставшая, повидимому, спеціальностью класса оружейниковъ, съ изобрѣтеніемъ ковки металловъ, и руководство духовной жизнью обывателей доставляли своимъ членамъ, какъ показываетъ исторія, не только матеріальное обезпеченіе, но и власть надъ остальной частью населенія. Онѣ составляли поэтому, еще среди пастушескаго быта, болѣе прибыльные виды производства. Сословія, ими занимавшіяся, жившія на чужой счетъ, были единственными свободными. Когда, вслѣдствіе уменьшенія пустопорожнихъ земель и увеличенія населенія, пастушескій промыселъ долженъ былъ уступить мѣсто земледѣлію, то это только должно было усилить зависимость трудящагося класса отъ остальныхъ, такъ какъ земледѣліе должно было сопровождаться осѣдлостью.

Земледѣлецъ не могъ болѣе съ той же легкостью, какъ прежній пастухъ, убѣгать съ своимъ стадомъ отъ набѣгающихъ. Онъ долженъ былъ обращаться въ раба или, по меньшей мѣрѣ, данника болѣе сильнаго оружейника. И онъ, или былъ покоренъ, или, по собственному почину, становился подъ защиту болѣе сильнаго воина. Такъ, въ средніе вѣка земледѣльческое населеніе добровольно накладывало

на себя крѣпостное ярмо, покупая этимъ способомъ покровительство и защиту избранныхъ ими феодаловъ отъ грабежей и другихъ нашествій, имъ подобныхъ. Такъ, до сихъ поръ, инженеры, строящіе дороги въ глухихъ азіатскихъ разбойничьихъ углахъ, нанимаютъ себѣ покровителей изъ мѣстныхъ разбойниковъ.

Но пока продолжались рабскій трудъ, необезпеченность, духовное невѣжество и двойная зависимость отъ феодала и клира; производство трудящейся массы находилось въ печальномъ состояніи. Въ древнемъ мірѣ, обрабатывающая промышленность была сравнительно развита, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Въ новой же Европѣ, до конца XVIII столѣтія, она почти не существовала, а самое земледѣліе находилось въ положеніи безнадежномъ, если не считать Англіи, гдѣ обновленіе земледѣлія наступило нѣсколько ранѣе.

Но тамъ и здѣсь, наступившему новому положенію производствъ предшествовали тѣ же причины ихъ оживленія. Я разумѣю измѣненія, происшедшія въ юридическихъ и бытовыхъ условіяхъ трудящагося класса.

Эти измѣненія произошли не вездѣ одновременно. Въ Англіи на цѣлое столѣтіе ранѣе, чѣмъ на континентѣ, а здѣсь, прежде всего во Франціи и только позднѣе въ Германіи, Австріи и, наконецъ, Россіи. Перемѣны эти, главнымъ образомъ, состояли въ установленіи свободнаго труда, замѣнѣ крѣпостнаго работника наемнымъ и перевѣсѣ, полученномъ производительными профессіями надъ остальными. Они придали европейскому обществу тотъ своеобразный характеръ, который отличаетъ, такъ называемый, современный буржуазный строй отъ еще недавняго феодальнаго.

Литература всегда служила отраженіемъ дѣйствительной жизни, ей современной, и въ данномъ случаѣ.

Дѣйствительно, между характеромъ европейскаго общества и литературой, мы видимъ поразительное согласіе. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка, и въ жизни, и въ литературѣ отмѣчены однимъ общимъ стремленіемъ къ

освобожденію отъ регламентацій, созданныхъ средневѣковою жизнью, къ личной свободѣ и признанію правъ лица, какъ таковаго. Послѣдствіемъ этого было повышеніе въ экономической и общественной жизни личной иниціативы, пересоздавшей совершенно экономическій строй старой Европы. Оно отодвинуло на задній планъ военное начало, парализовало исключительное господство военнаго и духовнаго сословія и выдвинуло на первый планъ власть промышленную и коммерческую;—на мѣсто власти меча и недвижимой собственнооти, поставило власть капитала. Все это хотя и подготовлялось издавна, но совершалось не столь быстро. Почти непрерывныя войны продолжались въ Европѣ до послѣдняго времени. Нельзя было сказать поэтому, что война окончила свое дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникли рядомъ новыя силы и вѣянія, передъ которыми военный человѣкъ сталъ отступать на задній планъ во вседневномъ быту. Повышеніе значенія гражданскихъ и коммерческихъ интересовъ указывало, что, хотя война и сохранилась, но уже утратила свое исключительное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ сословія, которыя она вызвала въ свое время къ жизни и господству надъ остальными. Теоріямъ, съ которыми читатель могъ ознакомиться въ ихъ позднѣйшемъ фазисѣ, когда онѣ достигли своего крайняго выраженія, было присвоено названіе буржуазныхъ; онѣ отводили военной и вообще правительственной власти уже исключительно полицейское значеніе; требовали ихъ уединенія исключительно на охранѣ такого порядка, гдѣ все было бы предоставлено личной иниціативѣ и соревнованію. Ясно, что и въ самой дѣйствительности должно было, до извѣстной степени, уже пробиваться на свѣтъ нѣчто подобное такому идеалу.

И это было дѣйствительно такъ. Собственно первая основа, изъ которой впослѣдствіи развилось царство капитала, была заложена еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, съ освобожденіемъ городовъ и городскихъ общинъ.

Но первые, болѣе рѣшительные, шаги въ новомъ направленіи дѣлаются только въ новой исторіи, въ концѣ

XVIII вѣка, съ образованіемъ крупныхъ торговыхъ компаній. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и сферахъ хозяйства, кромѣ торговли, еще продолжается исключительное господство средневѣковаго строя. Производство носитъ, еще въ концѣ XVIII-го вѣка, исключительно земледѣльческій характеръ и настоящая промышленность, еще не возникала. Но частная предпріимчивость уже успѣла себя заявить на другихъ поприщахъ, кромѣ военнаго. Хозяйство еще носило характеръ натуральнаго, несмотря на относительное развитіе торговли и повышеніе значенія денегъ. Окончательное развитіе личной самодѣятельности устанавливается не ранѣе начала XIX вѣка.

Собственно говоря, все это движеніе является однимъ изъ моментовъ тѣхъ естественныхъ колебаній между регламентаціей и частной иниціативой, которыми періодически движется исторія.

Односторонность рамокъ и связей, въ которыя поставила жизнь средневѣковая исторія, не давала возможности развиваться той же жизни далѣе, въ тѣхъ же колеяхъ; становилась тягостью и стѣсненіемъ, которыя должны были сами собою пасть и открыть дорогу новымъ видамъ личной дѣятельности, какъ только медленная работа, которую совершила въ то же время духовная культура, обогатила человѣка знаніемъ, новыми открытіями, создавшими почву для новой дѣятельности. Тогда естественное стремленіе къ обогащенію заставило личныя силы, искавшія ранѣе счастья въ военныхъ подвигахъ, направиться на новый путь за пріобрѣтеніемъ тѣхъ же богатствъ и власти—путь торговый и промышленный.

Понятно, что теорія свободы торговли Laissez faire, laissez passer не могла быть окончательнымъ словомъ науки и торговли, а промышлонный порядокъ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядокъ неминуемо долженъ былъ, въ силу общаго закона и явленій, привести къ извѣстной зависимости, выработать извѣстную власть и извѣстныя стѣсненія, которыя, какъ и военное начало, сдѣлали въ свое время свое полезное дѣло, но не могли оказаться общественной

панацеей, а только заурядным переходным состояніемъ въ исторіи, сопряженнымъ со своими недостатками, противъ которыхъ, въ свое время, долженъ былъ возникнуть протестъ въ самой,—дѣйствительности и наукѣ. Оно такъ и случилось. Протестъ, имѣвшій сперва болѣе мистическій, піэтическій характеръ, становился въ концѣ болѣе научнымъ. Стали проявляться требованія дисциплинировать промышленную и торговую свободу, опирающіяся на явныя злоупотребленія, къ которымъ приводила на дѣлѣ эта свобода.

Снова появился призывъ къ регламентаціи и подъемъ значенія внѣшней власти, во имя интересовъ болѣе низкихъ классовъ населенія, безпощадно угнетаемыхъ властью капитала. Этотъ послѣдній процессъ еще мало выясненъ; онъ не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ и ихъ увидитъ только, развѣ слѣдующее столѣтіе. Но процессъ капитала можетъ считаться завершившимся. Мы можемъ прослѣдить его во всѣхъ фазисахъ, отъ его возникновенія, до послѣдняго выраженія въ концѣ второй половины прошлаго 19 вѣка. До конца 18 вѣка характеръ производствъ всей Европы былъ, почти исключительно, земледѣльческимъ. Земледѣліе составляло издавна господствующій способъ пищепроизводства и потому накладывало однообразную печать на весь общественный строй различныхъ національностей и населеній, сколько бы они ни отличались между собою по языку и религіи. Начиная съ самыхъ древнѣйшихъ государствъ и кончая новѣйшими, главная часть территоріи вездѣ и всегда была занята сельской жизнью, главное занятіе которой составляетъ пищепроизводство. Города являлись оазисами среди сельскихъ пустынь; населеніе ихъ незначительно, въ сравненіи съ сельскимъ. Послѣднее притомъ производило не только пищевые продукты, не только сырье для обрабатывающей промышленности, но сосредоточивало всегда, до недавняго времени, въ значительной степени, и обрабатывающую промышленность. Послѣдняя являлась такимъ образомъ своего рода придаткомъ земледѣлія, носила кустарный характеръ;

что конечно указывало, въ то же время, и на слабое ея развитіе. Воинъ и земледѣлецъ составляли двухъ спеціалистовъ, одинаково нужные другъ другу. Земледѣлецъ не могъ работать безъ защиты воина; послѣдній же не могъ быть сытъ безъ земледѣльца. Это слѣпой и паралитикъ басни. Земледѣлецъ долженъ былъ нести на своихъ плечахъ воина, который его за это защищалъ. Для большей точности, мы могли бы прибавить, что въ данномъ случаѣ слѣпой несъ не одного, а двухъ параличныхъ: на одномъ плечѣ воина, на другомъ духовнаго отца, который руководилъ его совѣстью. Простота такой системы приводила къ однообразію коллективныя бытовыя единицы, изъ ряда которыхъ слагались государства, какъ древняго, такъ и новаго міра. Клѣтка эта, въ средневѣковой Европѣ, представляла вотчинный характеръ; тотъ же почти характеръ имѣла и такъ называемая familia въ древнемъ Римѣ.

Городская жизнь должна была, само собою разумѣется, развиваться лишь постепенно и по мѣрѣ увеличенія населенія вообще, которое создавало въ немъ лишніе рты и руки. Подъ ихъ давленіемъ, ростъ городскаго населенія могъ происходить тѣмъ медленнѣе, чѣмъ неограниченнѣе была территорія даннаго государства. Что такое давленіе существовало давно—это доказываетъ совершившееся отъ̀сненіе съ запада на востокъ славянскихъ поселеній, которыя занимали всю восточную часть Пруссіи. Тамъ же, гдѣ подобный исходъ лишняго населенія былъ невозможенъ, гдѣ оно должно было оставаться въ границахъ замкнутой территоріи, оно должно было эмигрировать или въ города или вовсе изъ страны. Тамъ же, гдѣ оставалось достаточное пространство свободныхъ земель, какъ въ Россіи, пропорція земледѣльческаго населенія составляла, еще во второй половинѣ текущаго столѣтія, болѣе 80%, то есть, приблизительно то же, что насчитывалъ Кингъ для Англіи въ концѣ 17 столѣтія.

Наиболѣе точныя историческія свѣдѣнія у насъ имѣются относительно земледѣльческаго строя Англіи. Читая относящіяся сюда данныя, поражаешься сходствомъ ихъ съ положе-

ніемъ вещей, сохранившихся еще до недавняго времени въ Россіи.

Во главѣ англійской деревни, какъ ее описываетъ Роджерсъ, стоялъ лордъ съ своей усадьбой, землями и правами, которыя за нимъ обезпечивали договоры и обычаи. Прочіе жители состояли изъ свободныхъ людей, арендаторовъ и крѣпостныхъ. Каждый крѣпостной имѣлъ усадьбу и надѣлъ по крайней мѣрѣ въ 12 акровъ пахотной земли. За это онъ долженъ былъ нести извѣстныя повинности и исправлять барщину. Онъ не могъ безъ разрѣшенія владѣльца, ни уйти съ его земли, ни жениться, ни выдавать дочерей замужъ, ни переходить въ разрядъ городскихъ бюргеровъ. Если владѣлецъ отпускалъ его для жизни въ другомъ мѣстѣ, то бралъ съ него извѣстный оброкъ.

Лордъ не только владѣлъ имѣніемъ, но самъ велъ хозяйство; то же было съ королемъ, который былъ самымъ богатымъ землевладѣльцемъ; то же было и съ остальными собственниками.

Всѣ владѣльцы владѣли обыкновенно и собственнымъ инвентаремъ, цѣнность котораго обыкновенно превышала цѣнность земли, по крайней мѣрѣ втрое.

Изъ обычая землевладѣльца культивировать землю на собственный капиталъ вытекали весьма важныя послѣдствія, говоритъ Роджерсъ, и прежде всего забота каждаго объ уничтоженіи разбоевъ и грабежей. Замѣчательно, что, несмотря на многочисленность ихъ въ средніе вѣка по дорогамъ, о грабежахъ въ селеніяхъ упоминается рѣдко. Самый обычай передачи наслѣдства старшему въ родѣ, въ то время, не имѣлъ того тяжелаго значенія для младшихъ членовъ семьи, какъ впослѣдствіи когда собственное хозяйство замѣнилось арендным, ибо движимость дѣлилась всетаки поровну и, при значительной цѣнности инвентаря, младшіе члены получали значительную часть наслѣдства, въ видѣ движимостей. Самый характеръ арендъ былъ нѣсколько иной: поселившійся на землѣ платилъ скорѣе за право поселенія извѣстный налогъ, чѣмъ ренту въ собственномъ смыслѣ. Послѣдняя, въ своемъ тяжеломъ видѣ,

развилась только по мѣрѣ вздорожанія земли, вслѣдствіе увеличенія населенія. Въ 13 вѣкѣ земли, повидимому, было настолько достаточно, что ее могъ получить всякій для пользованія. Шесть пенсовъ за акръ—показана обыкновенная рента того времени. Изъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ, сѣялись: пшеница и ячмень; первая для хлѣба, второй для пива; затѣмъ конечно овесъ.

Законодательство устанавливало таксу на хлѣбъ; запрещало вывозъ хлѣба за границу, если цѣна квартера превосходила извѣстную сумму. Отклонялись даже просьбы объ облегченіи внутренняго провоза, чтобы не поощрять этимъ способомъ вывоза хлѣба.

Роджерсъ обращаетъ вниманіе на рѣдкость жалобъ на голодовки въ средніе вѣка и вообще нѣсколько склоненъ идеализировать положеніе средневѣкового крестьянина. Въ дѣйствительности же его положеніе, на основаніи нѣкоторыхъ частей собственныхъ описаній Роджерса, мало отличалось отъ существовавшаго у насъ передъ уничтоженіемъ крѣпостного права. Дома или избы были деревянныя, безъ трубъ и печей, съ очагами изъ глины, дымъ отъ котораго выпускался въ дверь. Тутъ же у самаго выхода находилась навозная куча; вся утварь состояла изъ кой какой мебели и посуды, которая цѣнилась очень дорого.

Нельзя сказать, чтобы все это рисовало положеніе средневѣкового земледѣльца въ очень заманчивыхъ краскахъ, даже если допустить, что онъ при этомъ не голодалъ. И тѣмъ не менѣе, положеніе земледѣльца въ Англіи было выше, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ Европы. Въ то время какъ здѣсь едва ли кто думалъ о наукѣ сельскаго хозяйства, въ Англіи существовало, уже до 13-го вѣка, по крайней мѣрѣ одно сочиненіе, посвященное этому предмету Вальтера Генлея. Роджерсъ приводитъ изъ него интересныя данныя относительно практическихъ пріемовъ: Пахатная земля дѣлилась на три поля. Вальтеръ Генлей учитъ, какъ слѣдуетъ пахать; совѣтуетъ дѣлать 3 борозды на акрѣ и говоритъ, что только жалкая лошадь не вспашетъ акра въ день. Земля должна вспахиваться 3 раза;

послѣ посѣва нужно произвести полку. «Всегда берите зерно изъ другого имѣнія». «Если ты не довѣряешь моему совѣту, засѣй половину поля чужими сѣменами, другую своими и ты увидишь мудрость моего предписанія. Пахай двумя быками и двумя лошадьми вмѣстѣ; ты лучше успѣешь. Если ты только въ состояніи, то держи столько скота, сколько позволяетъ твое имѣнье. Потому повѣрь мнѣ, если твоя земля имѣетъ достаточно скота, если скотъ этотъ хорошо содержится и съ нимъ обращаются, какъ слѣдуетъ, твоя земля дастъ тебѣ тройной доходъ.... и т. д.».

Дальнѣйшія подробности заимствованы Роджерсомъ изъ подлинныхъ годовыхъ отчетовъ управляющихъ или главныхъ приказчиковъ. Живой примѣръ: въ 11 имѣніяхъ имѣется всего 1.448,5 акровъ пахотной земли.

Стоимость всего живого инвентаря *) 292 ф. ст. Кромѣ того стоимость:

Мертваго инвентаря и посѣвовъ .	200	ф. ст.
Построекъ.	800	» »
Оборотнаго капитала	115,5	» »
Ренты	75	» »

Вальтеръ Генлей опредѣляетъ общія издержки обработки 1 акра хлѣба въ 3 шилл. 1½ пенса, изъ коихъ 5 пенс. на уборку и 1 пенсъ на свозъ. За уборку пшеницы въ 13 в., прибавляетъ Роджерсъ, работникъ получалъ около 1/12 урожая.

Земля, приносившая 6 пенсовъ или около 7% съ акра, стоила 7 шилл. за акръ; ея стоимость превышала въ 14 разъ ренту. Съ того времени цѣна вещей поднялась

---

*) Лошадей 30
Пони и т. п. 40
Крупнаго рогатаго скота. 215
Телятъ 21
Овецъ. 1138
Свиней 137
Гусей. 248
Каплуновъ и куръ 429
Утокъ. 103

приблизительно въ 12 разъ; цѣна же земли возросла въ 50—60 разъ. Всѣ 1.445 акровъ означенныхъ имѣній должны были стоить поэтому 506 ф. ст. На хозяйство въ 1.445 акровъ затрачивалось:

Основнаго капитала:

Стоимость земли	28% =	506 ф. ст.
Живой и мертвый инвентарь . . .	8% =	422 » »
Постройки	44% =	800 » »
Оборотный капиталъ	6% =	115 » »
Рента.	4% =	75 » »

Основной капиталъ относился къ оборотному, какъ 1.728 къ 115, т. е. превышалъ его въ 15,6 разъ и въ общемъ итогѣ расходовъ составлялъ 90%, расходъ же, по оборотному капиталу и рентѣ, всего 10%.

Изъ такихъ данныхъ слѣдовало бы заключить, что хозяйство, собственно въ владѣльческихъ имѣніяхъ, для своего времени, велось достаточно серьезно, что показываетъ сумма, затрачиваемая на живой и мертвый инвентарь и постройки. Вообще, земля средняго качества давала съ акра 1 квартеръ пшеницы (въ настоящее время отъ 3½—4 квартеровъ). Обработка же 1 акра стоила по Генлею въ 13 вѣкѣ:

Вспашка 3 раза по 6 пенсовъ	18 пенс.
Полотье	1 »
2 бушеля зерна посѣва	12 »
Второе полотье	1 »
Жатва	5 »
Свозка.	1 »
	38 пенс., или 3,17 шил.

Слѣдовательно, 1 квартеръ пшеницы обходился самому хозяину 3 шилл. 2 пенса безъ ренты и расхода на инвентарь и постройки, а также на молотьбу.

Обращаясь къ крестьянскому хозяйству, узнаемъ, что здѣсь до послѣдняго времени существовалъ общинный способъ пользованія землей и положеніе вещей, существо-

вавшее среди нашего крестьянства послѣ ихъ закрѣпощенія.

Пахотныя поля дѣлились на правильныя полосы, извѣстное число которыхъ давалось ландлорду (обыкновенно половина); остальныя распредѣлялись между мѣстными поселенцами и крестьянами, причемъ нѣкоторые имѣли по одной, другіе по нѣсколько полосъ. Но кромѣ такихъ общинныхъ пашней, существовали и огороженные участки. Хозяйственное ихъ преимущество сознавалось уже и въ то время, ибо рента съ нихъ была 8 пенсовъ за акръ, тогда какъ съ общинныхъ полосъ 6 пенсовъ за акръ. Точно также, рядомъ съ общинными полями, существовали и общинныя пастбища, въ которыя каждый имѣлъ право посылать извѣстное число головъ скота. Въ послѣднемъ вообще не было недостатка; поля удобрялись, кромѣ навоза, еще мергелемъ и известью.

Точно такъ же понималось значеніе проведенія каналовъ и дренированія, которое производилось конечно безъ современныхъ усовершенствованныхъ приспособленій, болѣе простыми способами.

Недостатка въ пищѣ вообще не было; но, въ зимнее полугодіе, эта пища была не особенно здоровой, состояла изъ соленой рыбы и мяса, что порождало, при страшной нечистотѣ жилищъ и нечистоплотности, большую смертность, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Хуже всего была соль; она добывалась испареніемъ морской воды на солнцѣ, переполнена грязью и вредными химическими примѣсями, которыя дѣйствовали разрушительно на организмъ.

Кромѣ мяса, въ пищу шло молоко, масло и сыръ. Фунтъ масла стоилъ ¾ п., фунтъ сыру ½ п. Корова, по словамъ Вальтера де-Генлея, на котораго ссылается Роджерсъ, даетъ еженедѣльно на 3½ п. сыру и на 1 п. масла, а въ годъ, за исключеніемъ ея содержанія, 9 шилл. Столько же даютъ 10 овецъ. Жизнь текла однообразно, съ дѣтства до глубокой старости, въ непрерывномъ трудѣ и грязи изъ поколѣнія въ поколѣніе. И такъ впродолженіе ряда вѣ-

ковъ, почти до настоящаго столѣтія; только увеличивалось число огороженныхъ полей и уменьшалось число общинныхъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, послѣднія исчезли только за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нашего времени.

«Смѣны династій, измѣненіе религій прошли», пишетъ Роджерсъ, «не прервавъ рутины деревенской жизни. Нѣтъ, думаю, страны въ западной Европѣ, гдѣ бы произошло такъ мало перемѣнъ въ имущественныхъ отношеніяхъ, въ жизни и привычкахъ народа, какъ въ сельской Англіи, со временъ мирнаго царствованія Генриха III (1216—1272), до первыхъ годовъ правленія Георга III (1760—1820)».

Роджерсъ приводитъ слѣдующій разсчетъ крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства въ XIII вѣкѣ:

Участокъ населяло семейство изъ 4-хъ лицъ, 2 взрослыхъ (мужъ и жена) и 2 дѣтей, доходъ которыхъ вмѣстѣ, на сторонѣ, могъ простираться до 4 фунт. Онъ составлялъ 20 акровъ пахотной земли. Годовой доходъ съ такого участка, если хозяйство велось тѣмъ же порядкомъ, какъ и на владѣльческой землѣ, равнялся 3 ф. 10 ш., а считая пользованіе лѣсомъ, пастбищемъ и пр. — до 4 фунт., изъ коихъ 10 шилл. уходило на ренту и повинности, такъ что семейство получало для расхода на себя 3½ ф. ст.

Расходъ составлялъ: 4 квартера пшеницы въ годъ — 1 ф. 3 ш. 6 п. (по 5,9 шилл. за квартеръ), солода для эля (4 галл. въ недѣлю) 7 шилл. 7 пенс.

Мяса 800 ф. по	16 шил.	8 п.
Платье, сапоги и пр.	12 »	3 »
	3 ф.	

Изъ этихъ данныхъ можемъ сдѣлать слѣдующіе цѣнные выводы: что на каждую душу населенія, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, полагалось 5 акровъ пахотной земли, при трехпольномъ хозяйствѣ. Собственно же хлѣба на душу 1 квартеръ (или 1,377 четверти). Почти все населеніе принадлежало къ сельскому сословію, т. е. оно превышало число горожанъ въ 12,13 раза; послѣднее равнялось только 200.000 душъ. На каждую душу, какъ видѣли,

считалось достаточнымъ 1,38 четв. пшеницы. Правда, сверхъ того, на каждую душу полагалось 200 ф. (5 пудовъ) мяса въ годъ или около 1/3 ф. въ день. Эти 200 ф. мяса стоили 4,2 шилл. Квартеръ пшеницы стоилъ 5,9 шилл.; слѣдовательно 200 ф. мяса по цѣнѣ были эквивалентны почти 2/3 кварт. пшеницы. Прикладывая ихъ къ 1 квартеру, потребляемому зерномъ, получимъ все годовое потребленіе, если его выразить зерномъ, 1,66 кварт. или 2,3 четверти на душу.

Разсчетъ этотъ въ то же время показываетъ, что на счетъ производимаго крестьянами хлѣба должно было содержаться, въ числѣ сельскихъ жителей, достаточное число лицъ, не занятыхъ собственно земледѣліемъ; ибо, если горожане составляли тамъ 1/12 сельчанъ, то самое большое, что они могли потреблять, могло равняться также 1/12 того, что потребляли дѣйствительные земледѣльцы или не болѣе 1/12 4 кв. то есть, 1/3 квартера. Въ такомъ случаѣ все потребленіе равнялось 4 1/3 квартера; а производить должно было на той же землѣ, по трехполью, на 6,6 акрахъ 6 2/3 квартера. Оставалось лишнихъ 2 1/3 квартера, на которые могли содержаться еще 2 1/3 души. Они и содержались вѣроятно въ видѣ дворни, солдатъ, сельскаго духовенства, чиновниковъ, ремесленниковъ, мельниковъ, кузнецовъ и вообще сельскихъ жителей, не занятыхъ земледѣліемъ.

Наконецъ земля, какъ видѣли, приносила 6 пенсовъ съ акра ренты и стоила 7 шиллинговъ за акръ, то есть, капиталъ, затраченный на покупку земли, приносилъ 7%.

За 280 лѣтъ 1261—1540, средняя цѣна пшеницы была 5 ш. 11¼ пен. за квартеръ и держалась довольно постоянно на этой нормѣ. Два самые неурожайные годы 1316 и 1438 раздѣлены промежутками въ 122 года; третій же наступилъ въ 1527 году, черезъ 89 лѣтъ послѣ предшествовавшихъ.

Увеличивавшееся при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ населеніе создавало обиліе рабочихъ рукъ. Вѣроятно, отчасти благодаря такимъ условіямъ, сталъ устанавливаться обычай замѣны издѣльной барщины денежными платежами. Въ обыкновенное время это оказывалось вы-

годнымъ для обѣихъ сторонъ. За голоднымъ 1438 годомъ слѣдовалъ рядъ урожайныхъ, и замѣна барщины денежными платежами продолжалась. Вскорѣ однако произошло событіе, которое должно было отозваться невыгодно на наемныхъ хозяйствахъ.

Въ началѣ второй половины 14 столѣтія, въ Европѣ появилась чума, которая унесла 1/3 населенія. Понятно, какъ это должно было отразиться на земледѣліи. Землевладѣльцы остались безъ рукъ. Правительство и парламентъ думали помочь дѣлу статутами, которыми запрещалось всякому лицу свободному или крѣпостному отказываться отъ сельскохозяйствой работы за плату, существовавшую въ 1347 году; исключеніе дѣлалось для ремесленниковъ, торговцевъ, рентьеровъ и землевладѣльцевъ. Подобныя мѣры оказались безполезными; онѣ просто не исполнялись. Рабочая плата на земледѣльческій и ремесленный трудъ возрасла въ среднемъ, на мужской трудъ на 50%, на женскій на 100%. Одновременно вздорожала и цѣна всѣхъ вещей, которыя требовали много труда. Не возрасли вовсе или замѣтно цѣны на хлѣбъ, мясо, сыръ, яйца, дрова, лошадей и хлѣба. Вздорожалъ уголь и олово, соль, желѣзо, колеса, холстъ, свинецъ. Вслѣдствіе уменьшенія населенія, землевладѣлецъ сразу оказался въ безвыходномъ положеніи: все, что онъ продавалъ, не возрасло въ цѣнѣ; производство же того, что онъ покупалъ, стало дороже, то есть, всѣ вещи, въ которыхъ онъ нуждался для производства предметовъ своей продажи, начиная съ рабочихъ рукъ и кончая желѣзомъ, вздорожало на 50, 100 и даже до 200%. Послѣдствіемъ этого явилось стремленіе заставить крестьянъ возвратиться къ обязательному труду насильственными мѣрами, на которое страна отвѣтила возстаніемъ Тайлора. Возстаніе было подавлено; но ландлорды ничего не выиграли.

Фактически, рабочая плата повысилась; мѣры, предпринимаемыя парламентомъ противъ этого, нигдѣ не находили поддержки, и сами ландлорды признали свое дѣло проиграннымъ навсегда. Самостоятельное веденіе хозяйствъ, какъ это было до сихъ поръ, стало для нихъ невозможно;

и потому, подобныя хозяйства должны были исчезнуть. Они замѣнились арендами, въ которыя ландлорды стали сдавать свои земли. Появился особый классъ болѣе или менѣе мелкихъ арендаторовъ, которымъ ландлорды и стали сдавать свои земли на пользованіе, съ имѣвшимся инвентаремъ. Болѣе крупныя хозяйства стали замѣняться болѣе мелкими фермерскими. Съ увеличившимся приложеніемъ къ обработкѣ земли болѣе мелкихъ капиталовъ, увеличился спросъ на землю и цѣна земли быстро возрасла.

Въ 14 вѣкѣ, говоритъ Роджерсъ, можно было покупать землю по удесятеренной стоимости ренты; въ 15 вѣкѣ цѣна земли равнялась 20 рентамъ. Въ первомъ случаѣ капиталъ, вложенный въ землю, приносилъ 10%, во второмъ только 5%. Впрочемъ собственно спросъ на землю здѣсь игралъ не главную роль; она принадлежала прежде всего повысившейся заработной платѣ, которая уменьшала чистый доходъ не только отъ земли, а отъ свѣхъ предпріятій, въ которыя входилъ крупной статьей трудъ; ибо возвышеніе заработной платы распространялось не исключительно на трудъ земледѣльческій, а на всѣ виды труда вообще. Вслѣдствіе этого, должны были вздорожать всѣ вещи, соотвѣтственно увеличившемуся расходу на трудъ. Но такъ какъ увеличеніе цѣны можетъ вести за собой пониженіе спроса, то на самомъ дѣлѣ производитель находитъ выгоднѣе, въ однихъ случаяхъ довольствоваться меньшимъ %, лишь бы сохранить большій сбытъ; въ другихъ, ограничиться меньшимъ сбытомъ, но по высшей цѣнѣ.

Есть однако предметы, которые стоятъ, такъ сказать, внѣ рынка, по крайней мѣрѣ въ главной своей части. Это вообще пищевые продукты, главная масса которыхъ потребляется производителемъ. Число такихъ потребителей, съ увеличеніемъ числа мелкихъ арендаторовъ, должно было только увеличиться. Притомъ же фермерство всегда умѣетъ воспользоваться наемнымъ трудомъ экономнѣе и дешевле крупнаго производителя. Поэтому цѣна на пищевые продукты, долженствовавшая неизбѣжно подняться при продолженіи хозяйства ландлордовъ или крупныхъ хозяйствъ,

встрѣтила противодѣйствіе такому подъему въ превращеніи крупныхъ хозяйствъ въ мелкія, владѣльческія и арендаторскія. Конечно, только поэтому, и цѣна на хлѣбъ могла извѣстное время удержаться въ прежнемъ размѣрѣ.

Въ связи съ этимъ, при неизмѣнномъ способѣ обработки, оставалась неизмѣнной и рента, въ теченіе всего періода отъ 13 до 16 столѣтія. Но нужно признаться, что такая неподвижность была, во всякомъ случаѣ, явленіемъ болѣе искусственнымъ, чѣмъ естественнымъ и даже едва ли не фиктивнымъ. Цѣна на зерно всетаки поднималась, вслѣдствіе чего денежные платежи стали замѣняться въ арендныхъ контрактахъ платежами зерномъ.

Чума произвела рѣшительный переворотъ въ народномъ хозяйствѣ Англіи. Не будь ея, населеніе продолжало бы, вѣроятно, хотя медленно, но всетаки увеличиваться; трудъ дешевѣть; доходы отъ земли увеличиваться, а вмѣстѣ съ нимъ рента и цѣна хлѣба. Обработка крѣпостнымъ трудомъ становилась бы все болѣе невыгодной; а потому крестьяне были бы вѣроятно освобождены, при чемъ помѣщичьи хозяйства не испытали бы потрясеній и могли бы продолжаться вестись и не замѣняться долѣе арендами. Чума ускорила только тѣ же событія.

Рабочія руки вздорожали вслѣдствіе ихъ меньшаго предложенія, хотя всетаки не пропорціонально убыли населенія, потому что насколько убудетъ населеніе, настолько же убавится и спросъ на главные предметы производства, а слѣдовательно понизится и спросъ на работу, и сумма производства.

Съ этой стороны, вліяніе чумы представляется какъ бы случайнымъ эпизодомъ, нарушившимъ, до извѣстной степени, естественный ходъ вещей. Но я упомянулъ о немъ, потому что его нельзя разсматривать какъ таковой. Усиленіе смертности отъ эпидеміи составляло въ то время такое же нормальное явленіе, какъ и смертность отъ безпрерывныхъ войнъ. Чума представляла только эпидемію, превышавшую, по своей смертности, заурядныя. Но, если чума и уничтожила сразу замѣтную часть европейскаго населенія,

то болѣзни, свирѣпствовавшія въ остальное время, не оставались безъ серьезнаго вліянія на то же населеніе.

Война, грабежи и болѣзни дѣйствовали угнетающимъ образомъ на производство и конечно, прежде всего на земледѣліе, въ которомъ оно сосредоточилось почти исключительно. Они не давали тому же производству возможности развиваться въ той степени, въ какой допускали только что описанныя нами системы хозяйства и способъ эксплоатаціи земли, и это, прежде всего, самымъ яркимъ образомъ, выразилось на ростѣ европейскаго населенія. Припомнимъ, что Англія была заселена во время Рима и тогда уже существовалъ городъ Лондонъ; между тѣмъ въ 13 вѣкѣ здѣсь Кине насчитывалъ только 2½ мил. жителей.

Если такъ ничтоженъ былъ ростъ населенія въ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, въ то же время писались книги о земледѣліи и рекомендовалось удобреніе, какъ необходимое условіе хорошей жатвы, то что же должно было быть на континентѣ Европы, гдѣ земледѣліе находилось въ совершенно безотрадномъ положеніи, а войны, чума и прочія эпидеміи свирѣпствовали, по крайней мѣрѣ въ той же степени.

Несмотря на то, населеніе всетаки росло. Въ Англіи Юнгъ насчитывалъ въ 16 вѣкѣ уже 6 мил. жителей.

Какъ бы ни было медленно подобное возрастаніе населенія, но понятно, что опустошеніе, производимое чумой, должно было, мало-по-малу, пополниться вновь народившимися. Руки должны были въ концѣ концовъ дешевѣть. Естественное теченіе вещей подготовляло почву для хозяйства наемнымъ трудомъ, на какую прежде всего вступили англійскіе ландлорды. Вскорѣ земледѣльческое хозяйство не только въ Англіи, но и на континентѣ должно было измѣниться: изъ крѣпостного перейти въ наемное. Тамъ и здѣсь послѣдствія этого перехода были одни и тѣ же. Съ одной стороны, качество хозяйства улучшилось подъ давленіемъ большой нужды въ хлѣбѣ и возможности лучшей, болѣе тщательной и дорогой обработки, благодаря удешевленію рукъ. Съ другой, увеличилась обезпеченность рабочаго

населенія въ большей или меньшей степени. Всего сильнѣе и то и другое выразилось въ Англіи.

Если владѣльцы стали замѣнять издѣльную повинность денежной, то потому конечно, что при постоянствѣ цѣны хлѣба и рабочей платы, которое длилось въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, обработка наймомъ представлялась для нихъ выгоднѣе; въ будущемъ же, при увеличеніи населенія, руки, по всѣмъ соображеніямъ, могли только дешевѣть. Чума спутала эти соображенія; она уменьшила населеніе; руки, вмѣсто удешевленія, вздорожали; ландлорды прежде всего попытались силой вернуть прежній издѣльный порядокъ; но это оказалось невозможнымъ. Когда они въ этомъ убѣдились окончательно, то передъ ними открывался одинъ естественный путь. Они ему и послѣдовали.

Уменьшившееся населеніе не требовало болѣе того количества хлѣба, какъ ранѣе; а разъ вывозъ хлѣба былъ запрещенъ, естественно было отказаться отъ хлѣбопашества, раззорительнаго, при вздорожавшей наемной платѣ и перейти къ скотоводству, т.-е. въ культурномъ отношеніи, сдѣлать шагъ назадъ. Скотоводство требовало менѣе рукъ; оно прямо представляетъ форму культуры, отвѣчающую болѣе рѣдкому населенію; притомъ вывозъ шерсти не былъ запрещенъ и потому прямая выгода заставляла замѣнять хлѣбопашество овцеводствомъ. Но для этого нужно было выдѣлить владѣльческія земли изъ общаго владѣнія съ крестьянскими; округляться елико возможно, на счетъ послѣднихъ. Это и было дѣйствительно произведено. Въ XV столѣтіи крестьяне, объ упорство которыхъ разбивались всѣ крѣпостническіе помыслы ландлордовъ, торжествовали; но затѣмъ началось ихъ обезземеленіе. Съ одной стороны округленіе владѣльческихъ полей всѣми способами, съ другой—обращеніе меньшихъ арендныхъ участковъ въ болѣе крупные и одновременное увеличеніе овцеводства, совершенно преобразили прежній сельскій бытъ. Сокращеніе хлѣбопашества, ради овцеводства, доходило до того, что наконецъ правительство стало запрещать дальнѣйшія обращенія хлѣбныхъ полей подъ пастбища.

Но оно и само собой должно было когда нибудь остановиться; такъ какъ, съ увеличеніемъ населенія, потребность въ хлѣбѣ должна была возростать, а обиліе шерсти дѣлать ее производство менѣе выгоднымъ. Но, по мѣрѣ того, какъ сокращалось общинное владѣніе, округлялись владѣльческія земли и арендные участки и часть арендаторовъ обращалась въ наемныхъ рабочихъ, подготовлялась почва обратнаго движенія въ культурѣ, для дальнѣйшаго развитія земледѣлія на счетъ болѣе интенсивныхъ культуръ.

Глава II.

Земледѣліе, какъ сказано выше допускаетъ различные способы пользованія землей, которые, въ дѣйствительности, исторически слѣдуютъ одинъ за другимъ и становятся возможными лишь по мѣрѣ увеличенія населенія и удушевленія наемнаго труда.

Та система трехполья, по которой, какъ мы видѣли, въ XIII вѣкѣ велось земледѣліе въ Англіи и на континентѣ, была только результатомъ постепеннаго увеличенія интенсивности культуры, подъ давленіемъ увеличившагося уже населенія. Оно выработалось изъ болѣе простыхъ системъ: залежевой и подсѣчной, по которымъ, до сихъ поръ, ведется земледѣліе въ южныхъ степяхъ и на лѣсномъ сѣверѣ Россіи. Когда, послѣ ряда жатвъ, урожаи начинаютъ уменьшаться; тогда земля забрасывается на значительное число лѣтъ (20—25) и обработка переносится на новый участокъ. Для того чтобы засѣвать 14 акровъ, которые засѣвали крестьяне въ XIII столѣтіи изъ 20 акровъ своей пахоти, нужно имѣть, при 20-ти лѣтней залежи $14.20 = 280$ акровъ; тогда какъ онъ довольствовался всего 20 акрами и сверхъ того, конечно, пастбищемъ, которое, въ крайнемъ случаѣ, не превышало 20—40 акровъ; такъ что онъ могъ довольствоваться всего 60—40 акрами, ведя хозяйство образцовое. На самомъ же дѣлѣ, на его долю приходилось менѣе 40 акровъ. Но по мѣрѣ увеличенія населенія, продолжительность залежи должна уменьшаться.

Сокращая послѣдовательно залежъ ее доводятъ до I года. По мѣрѣ сокращенія продолжительности залежи, уменьшается и пространство земель отдыхающихъ; а въ то же время и скотоводство, которому они служатъ пастбищами. Но зато увеличивается пространство хлѣбныхъ полей.

Уменьшеніе залежи, однако, не можетъ не отозваться на урожайности полей, которая понижается. И вотъ начинается искусственное удобреніе полей. Скоту отводятъ наиболѣе неудобныя для посѣвовъ мѣста, вслѣдствіи чего часть земли обращается подъ постоянный выгонъ, на остальной, залежъ доводится до 1 года и прежняя система переходитъ въ ту трехпольную систему, какую мы видимъ въ XIII столѣтіи въ Англіи.

Если для содержаніи семьи изъ 4 душъ, въ Англіи требовалось 20 акровъ полей и столько же выгона, или 10 акровъ на душу, то при 20-ти лѣтней залежи потребовалось бы $\frac{14.20}{4}=70$ акровъ или въ 7 разъ болѣе и слѣдовательно, при трехпольной системѣ, тоже пространство могло содержать въ 7 разъ болѣе густое населеніе. Населеніе Англіи, при подсѣчной системѣ могло быть не болѣе $\frac{2,5}{7}=$ $=0,357$ мил., душъ или 357 тысячъ душъ.

Но для правильнаго веденія трехпольной системы, нельзя довольствоваться естественными выгонами на неудобныхъ земляхъ или паровомъ полѣ; приходится отдѣлять подъ выгонъ земли, которыя могли быть обращаемы подъ посѣвы. При этомъ все удобреніе, которое падаетъ во время пастьбы, теряется для полей и оно равняется половинѣ всего испражненія скота въ теченіе сутокъ. Поэтому, дальнѣйшее усовершенствованіе можетъ состоять въ томъ, чтобы занять подъ обработку всю годную для нее землю, включая и ту, какая была подъ выгонами. При этомъ можно еще часть прежняго выгона обратить подъ хлѣбные посѣвы, если только остальную часть, оставляемую подъ травой, лучше культивировать.

Этого и достигаютъ, такъ называемой травяной системой, примѣромъ которой можетъ служить выгонная семи-

польная, какую велъ извѣстный Тюненъ въ своемъ образцовомъ хозяйствѣ. Здѣсь вся земля пашется и дѣлится на 7 полей. Паръ, озимь, ячмень, овесъ и 3 пастбищныхъ поля, изъ коихъ первый, по овсу, засѣвается кормовыми травами.

Если, при трехпольной системѣ, засѣвалось подъ хлѣбъ $\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{2} = {}^1/_6$ всей земли, то здѣсь подъ хлѣбами находится уже ${}^2/_7$ и слѣдовательно система содержитъ населеніе въ 1,7 разъ большее.

Англія могла содержать уже $2{,}5 \cdot 1{,}7 = 4{,}250$ мил. душъ, которыя приблизительно и насчитываетъ Кингъ въ концѣ XVII столѣтія. Идя тѣмъ же способомъ далѣе, можно было только еще болѣе увеличить хлѣбныя поля на счетъ кормовыхъ, культируя послѣднія, какъ хлѣбныя, подъ кормовыя растенія: рапсъ, турнепсъ, кормовой горохъ, клеверъ и пр. и наконецъ вовсе уничтожить паръ, содержа скотъ круглый годъ въ стойлахъ. Получается интенсивнѣйшая изъ плодоперемѣнныхъ системъ—Норфольская, причемъ однако можетъ быть занято подъ хлѣба не болѣе ½ всей земли и не менѣе всетаки половины должно быть оставлено скоту. Система эта можетъ дать хлѣба пищевого (пшеница и рожь) въ 2,25 разъ больше, чѣмъ трехпольная. При ней населеніе Англіи могло равняться $2{,}5 \cdot 2{,}25 = 5{,}625$. Юнгъ его опредѣляетъ въ 18 столѣтіи въ 6. Далѣе этого идти нельзя, сохраняя постоянное плодородіе полей. Это предѣлъ того, что можетъ дать земледѣліе. Далѣе можно увеличивать населеніе, только на счетъ чужого хлѣба. Понятно, что населеніе Англіи могло быть выше означенной нормы, потому что, во первыхъ, въ 13 столѣтіи, когда ея населеніе Роджерсъ считаетъ въ 2,5 мил., не всѣ земли заняты были подъ хлѣбную культуру и они могли увеличиваться на счетъ полей и пастбищъ. Можно сказать только то, что 20 лѣтняя залежъ содержитъ 1 человѣка (280 акровъ), трехпольная можетъ содержать 3,3 выгонная $3{,}3 \cdot 1{,}7 = 5{,}6$ а Норфольская плодоперемѣнная $3{,}3 \cdot 2{,}25 = 7{,}5$ душъ. Или, что тамъ, гдѣ начальное земледѣліе могло содержать 1 человѣка, оно, доведенное до крайней интенсивности, можетъ со-

держать до 8 душъ. Въ 13-же столѣтіи въ Англіи, при 2,5 милліонахъ населенія, трехпольная система, конечно не повсемѣстно, велась одинаково раціонально; поэтому она, конечно, могла бы и при той же системѣ содержать болѣе 2,5 мил. душъ, а слѣдовательно и населеніе ея, при высшихъ системахъ, могло быть выше 6 мил. душъ.

Но уже для перехода отъ трехпольной къ выгонной или травяной системѣ требовалось такое распредѣленіе полей, какое было несовмѣстимо съ общиннымъ владѣніемъ по клинамъ. Нужно было включить выгоны въ полеводство; это требовало уже извѣстной ломки. Далѣе, болѣе интенсивныя системы требовали и большихъ расходовъ, на которыхъ особенно отзывалось разстояніе полей отъ усадебъ. Это разстояніе было значительно при обычаѣ селиться крупными селами. Но въ свое время этого требовала большая безопасность. Мало-по-малу, съ водвореніемъ большаго порядка, явилась возможность селиться подворно отдѣльными фермами, что сокращало потерю труда, происходящую отъ разстоянія полей отъ усадьбы, и вообще болѣе соотвѣтствовало интенсивной культурѣ. Но для того, чтобы образовать такую систему поселеній, требовалась еще болѣе коренная ломка прежняго землевладѣнія и на это переустройство потребовалось достаточно времени. Оно и было совершено въ Анліи въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, черезъ такъ называемое округленіе владѣльческихъ земель и уничтоженіе мелкихъ арендаторовъ. Изъ него Англія вышла съ болѣе совершенной системой земледѣлія, но для этого крестьянинъ земледѣлецъ былъ принесенъ въ жертву болѣе зажиточному классу фермеровъ и обращенъ въ поденщика. Изъ двухъ видовъ хозяйствъ, существовавшихъ въ средніе вѣка, крупнаго ландлорда и мелкаго крестьянскаго, было образовано нѣчто среднее—фермерское хозяйство, для чего, изъ той же крестьянской среды, выдвинулся средній классъ фермеровъ. Разъ вступивъ на эту почву, англійское хозяйство могло развиваться въ томъ же направленіи далѣе и, къ 19 столѣтію, достигло своего апогея въ Норфольской системѣ. Теперь Англія могла бы уже собственнымъ хлѣбомъ

содержать въ 10 разъ большее населеніе, чѣмъ въ 13 вѣкѣ, на томъ же пространствѣ, культивируемомъ подъ хлѣба, и ея населеніе дѣйствительно быстро расло. Если въ концѣ 18 столѣтія Юнгъ его опредѣлялъ въ 6 милліоновъ, то въ началѣ 19-го его считали уже въ 9 милліоновъ. Но вѣдь далеко не всѣ годныя земли были обращены подъ хлѣбопашество; значительная часть ихъ была всегда занята скотоводствомъ, въ видахъ производства шерсти. Независимо отъ того, по мѣрѣ развитія культуры, тѣ системы, которыя были въ ходу, велись болѣе правильно, чѣмъ прежде. Фермерская система поощряла капитальныя улучшенія; вызывала болѣе внимательное отношеніе къ почвѣ и тщательную обработку. Ту же трехпольную систему можно вести, напримѣръ, на той же землѣ такъ, что она будетъ давать постоянно хорошіе урожаи или такъ, что она едва будетъ возвращать посѣвъ и потому владѣющій участкомъ долгосрочно, т. е. имѣющій интересъ заботиться о его улучшеніи будетъ получать большій урожай, чѣмъ общинный владѣлецъ, ожидающій, что обрабатываемая имъ земля, при новомъ передѣлѣ, перейдетъ въ другія руки, и обязанный обрабатывать тѣмъ же способомъ, какъ обрабатываются клинья другихъ односельчанъ, и содержать не болѣе скота, чѣмъ допускаютъ общественные выгоны.

Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что достаточно замѣнить общинное владѣніе подворнымъ, чтобы получить въ странѣ культуру высокой пробы, какъ это часто думаютъ порицатели общиннаго владѣнія. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служитъ наше земледѣліе, гдѣ общинное пользованіе существовало только въ великороссійскомъ раіонѣ, а между тѣмъ земледѣліе велось одинаково плохо какъ у общинныхъ, такъ и подворныхъ владѣльцевъ. Не улучшается само по себѣ земледѣліе даже и уничтоженіемъ крѣпостного труда. Его улучшеніе составляетъ вездѣ плодъ борьбы за существованіе. Уничтоженіе крѣпостной зависимости открываетъ ему широкій просторъ. Связанный по рукамъ и ногамъ крѣпостной земледѣлецъ съ трудомъ, только въ исключительныхъ случаяхъ, выхо-

дилъ изъ своего угнетеннаго положенія. Теперь онъ могъ дѣйствовать свободнѣе, и то, что онъ пріобрѣлъ, не можетъ уже быть отнято хозяиномъ. Есть поэтому не только большая возможность и побужденіе къ пріобрѣтенію. Но борьба за пріобрѣтеніе не для всѣхъ окажется одинаково выгодной. Одни пріобрѣтутъ, другіе потеряютъ и то, что имѣли. Начинается длинное фильтрованіе освобожденныхъ, причемъ самостоятельное хозяйство остается въ рукахъ болѣе энергичныхъ, умѣлыхъ или счастливыхъ, болѣе сильныхъ, остальные же перейдутъ въ разрядъ батраковъ и поденщиковъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ въ Англіи. Ландлорды должны были бросить свои хозяйства и распродать инвентарь.

Хозяйство, изъ крѣпостнаго и владѣльческаго, перешло въ фермерское, отправляемое наемнымъ трудомъ. Оно становилось все болѣе и болѣе хозяйствомъ денежнымъ, какимъ оно является и до сихъ поръ; а потому, въ этомъ видѣ, мы его разсмотримъ ниже. Пока же остановимся на томъ, что происходило въ то же время на континентѣ.

Нужно ли оговаривать, что здѣсь существовала та же система крѣпостного владѣльческаго хозяйства, какъ и въ Англіи, только менѣе урегулированная. Все европейское хозяйство представляло однообразную картину отношеній, сложившихся подъ давленіемъ однихъ и тѣхъ же условій: съ одной стороны нужды пахоты для того, чтобы кормиться, съ другой—невозможности пахать, вслѣдствіе царящихъ грабежей и насилій и невозможности употребить на производство лишь тѣ силы, которыхъ не потребуетъ война и самозащита и не унесетъ эпидемія. Для сбереженія силъ оставался одинъ исходъ—это становиться подъ защиту военныхъ людей, обращаться въ крѣпостные.

Поэтому вездѣ повторилось то же явленіе, установилась та же система и тѣмъ ранѣе и категоричнѣе, чѣмъ гуще было или становилось населеніе. Тамъ, гдѣ эта густота довела населеніе до осѣдлости, какъ въ западной Европѣ, и крѣпостныя отношенія установились раньше чѣмъ въ Россіи, гдѣ народъ еще могъ кочевать во времена Году-

нова, пока онъ не былъ наконецъ закрѣпощенъ насильно для прекращенія разбоевъ и грабежей, связанныхъ съ такимъ кочеваніемъ. Да не подумаетъ, однако, читатель, что здѣсь, въ то же время, система хозяйства представляла нѣчто особенное отъ западной. Она была только въ болѣе раннемъ фазисѣ. Тамъ земледѣлецъ прямо съ землей отдавалъ себя подъ защиту ландлорда, потому что онъ былъ уже вслѣдствіе относительной густоты населенія, осѣдлый. Въ Россіи онъ точно также становился подъ защиту болѣе сильнаго; но онъ постоянно мѣнялъ своихъ заступниковъ; перебѣгалъ отъ одного къ другому, потому что еще имѣлъ возможность кочевать. Поэтому онъ не имѣлъ понятія о собственной землѣ, а садился на чужую, захваченную ранѣе тѣми же вольными людьми, при царившемъ обиліи земель. Это то безпорядочное кочеванье и порѣшилъ Борисъ Годуновъ ранѣе, чѣмъ оно прекратилось само собою, что, конечно, и произошло бы въ концѣ концовъ, только нѣсколько позже. Но, такимъ образомъ, тѣ же однообразные порядки, съ той же системой хозяйства, существовали одновременно на всемъ пространствѣ Европы, только въ различныхъ фазисахъ своего совершенства и степень ихъ развитія убывала въ томъ же отношеніи, въ какомъ убывала и населенность отдѣльной страны. Мы начали съ Англіи и такъ долго остановились на ней, потому что здѣсь ранѣе совершилось все то, что позже совершалось на континентѣ когда и здѣсь населенность достигала большей густоты. Населенность континента скучивается къ берегамъ Ламанша и Нѣмецкаго моря и послѣдовательно убываетъ къ востоку и юговостоку, до степей Россіи и Азіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь, въ той же степени, понижается и тщательность обработки земли. Въ то время, какъ въ Англіи хозяйство готово было къ усвоенію высшихъ системъ полеводства, на континентѣ земледѣліе находилось въ жалкомъ состояніи и англійскіе способы обработки стали обращать на себя вниманіе только гораздо позже. Въ Россіи же царила подсѣчная, залежевая система и трехполье безъ удобренія до нашихъ дней.

Съ изобрѣтеніемъ пороха и появленіемъ регулярнаго войска, уменьшились грабежи; рыцарство потеряло свое значеніе и его защита стала болѣе ненужной поселянину. Послѣдствіемъ этого должно было быть естественное стремленіе сбросить съ себя ненужный гнетъ. Та же война за освобожденіе и свободомысліе, которое вызвало возстаніе крестьянъ въ Англіи, пронеслась и надъ западной Европой. И здѣсь точно также крестьянскія возстанія были подавлены, но подавлены болѣе серьезнымъ и рѣшительнымъ образомъ, чѣмъ въ Англіи. Феодалы, лишенные своихъ доходовъ отъ грабежей, тѣмъ сильнѣе стали налегать на крѣпостное населеніе и угнетать его всякаго рода поборами. Крѣпостное право здѣсь не только сохранилось послѣ того, какъ оно исчезло въ Англіи, но оно приводило крестьянъ и земледѣльцевъ все въ худшее положеніе.

Земли удобрялись мало и скверно. Въ Германіи скотъ тощалъ за зиму до того, что его весной вытаскивали на пастбище за хвосты. Во Франціи герцогъ Орлеанскій принесъ кусокъ навоза и положилъ на столъ короля, сказавъ: «Вотъ чѣмъ питаются ваши поданные».

Подобное положеніе вещей заставило въ Пруссіи Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великаго обратить вниманіе на положеніе земледѣльческаго класса, на которомъ сосредоточиваются главнымъ образомъ податные рессурсы казны. Рядомъ мѣръ они старались оградить крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ, урегулировать повинности. Но замѣнить серьезно угнетенное положеніе земледѣльца и земледѣлія, пока длилось крѣпостное право, было невозможно; а оно на континентѣ было уничтожено повсемѣстно, только въ 19 вѣкѣ.

Останавливаться на частностяхъ того, что здѣсь происходило до 19 вѣка, подобно тому, какъ это сдѣлано выше для Англіи, было бы совершенно излишне уже потому, что это значило бы повторять приблизительно то же самое, только въ еще болѣе печальномъ видѣ. Можемъ, безъ всякаго неудобства, перейти прямо къ разсмотрѣнію того положенія, въ которое приведено было земледѣліе въ 19 столѣтіи, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ.

Глава III.

Успѣхи земледѣлія и введеніе высшихъ системъ полеводства, вездѣ сопровождались переустройствомъ всего землевладѣльческаго строя. Изъ предъидущей главы мы могли усмотрѣть, что средневѣковая земледѣльческая единица, съ ея крѣпостнымъ правомъ и общиннымъ пользованіемъ, землей, представляла своего рода стройную систему, гдѣ одно соотвѣтствовало другому и все вмѣстѣ объяснялось, какъ нельзя проще—общей выгодой. Работникъ вкладывался въ крѣпость потому, что безъ этого онъ не получилъ бы того обезпеченія, какое покупалъ такой цѣной. Пользовались землей общиннымъ способомъ, потому что безопасность заставляла селиться вмѣстѣ. Со временемъ, всѣ эти причины миновали; вмѣсто пользы, старые порядки только мѣшали успѣхамъ земледѣлія, самъ крѣпостной работникъ становился тягостнымъ для землевладѣльца, который долженъ былъ его кормить во что бы то ни стало.

Все это раньше другихъ поняла Англія; гораздо позже другіе. Оттого и самое земледѣліе развилось тамъ гораздо раньше до высшихъ формъ, чѣмъ на континентѣ. Но вездѣ ихъ развитіе началось не ранѣе измѣненія старыхъ порядковъ. Вездѣ ему предшествовало прежде всего уничтоженіе крѣпостного права и въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ оно исчезало, совершенствовалось земледѣліе на континентѣ.

Во Франціи его уничтожила революція въ концѣ XVIII вѣка. Въ Пруссіи оно было уничтожено только въ началѣ XIX вѣка; а въ Австріи только въ половинѣ его. Ранѣе всего земледѣліе достигло высшаго развитія во Франціи. Въ Германіи же, и въ особенности въ Австріи, оно до сихъ поръ находится въ болѣе отсталомъ положеніи. Что касается общиннаго способа пользованія землей, то онъ точно также не могъ пережить введенія высшихъ системъ полеводства. Тамъ, гдѣ онъ не уничтоженъ ранѣе, какъ въ Англіи, долженъ былъ исчезнуть вмѣстѣ съ улучшенными системами. Отсюда было выведено то заключеніе,

какъ будто весь секретъ усовершенствованія земледѣлія заключается въ замѣнѣ этого пользованія подворнымъ.

Что общинное пользованіе не отвѣчаетъ высшимъ системамъ—это несомнѣнно; но столь же несомнѣнно, что ему не отвѣчаетъ собственно и подворное пользованіе, и всѣ разсчеты на магическую силу замѣны одной формы другой совершенно ошибочны. Форма, которой замѣнила общинную Англія, уничтоживъ послѣднюю, была вовсе не подворная, какую обыкновенно имѣютъ въ виду. Это была форма арендная-фермерная, что составляетъ нѣчто совсѣмъ другое.

При арендной системѣ, арендный участокъ или величина хозяйственной единицы не связана никакими случайными или посторонними интересами, хозяйственными условіями, какими связаны участки, составляющіе подворную собственность. Послѣдній зависитъ и отъ средствъ, какими владѣетъ земледѣльческій хозяинъ для пріобрѣтенія земли. отъ семейныхъ раздѣловъ и т. п. Напротивъ, землевладѣлецъ, сдающій арендные участки, совершенно свободенъ раздѣлить свои земли на участки той величины, какая болѣе всего выгодна въ хозяйственномъ отношеніи или отвѣчаетъ интересамъ высшей культуры. Мало того, она не стѣсняется разъ избранной величиной участка: завтра, если условія измѣнятся, онъ можетъ измѣнить и размѣръ арендныхъ единицъ.

Кромѣ того, на самомъ дѣлѣ оказывается, что высшія системы культуры требуютъ вообще вовсе не тѣхъ мелкихъ единицъ, какими разрѣшается обыкновенно подворное владѣніе, и что послѣднія, поскольку онѣ ниже нормы арендъ, только тормозятъ развитіе землевладѣнія.

Поэтому произведенное въ Англіи знаменитое округленіе земель, какъ на него ни смотрѣть съ гуманной точки зрѣнія, съ собственно земледѣльческой—представлялось мѣрой довольно раціональной и естественной. Мелкіе хозяева должны были исчезнуть, потому что, для наибольшей выгоды, хозяйство должно было представлять не слишкомъ большое, и не слишкомъ малое пространство пашни и прочихъ угодій. При слишкомъ большой

округѣ теряется много времени безъ пользы на разстояніяхъ; при слишкомъ мелкой—на безполезныя затраты. Работать одной парой лошадей можетъ быть выгоднѣе, чѣмъ одной лошадью; но если пара лошадей можетъ обработать большее пространство, чѣмъ нужно, то она уже съѣдаетъ часть своего корма даромъ. Паровая сила требуетъ еще большей хозяйственной единицы. Но округа, отвѣчающая парѣ лошадей, можетъ потребовать большее число рукъ, чѣмъ есть въ хозяйствѣ, и, во всякомъ случаѣ, число рукъ, какое требуетъ земледѣліе, не одинаково въ теченіе года. Поэтому выгода требуетъ исполненія извѣстныхъ работъ временными руками.

Какая величина хозяйства представляется наиболѣе выгодной—это зависитъ отъ общей суммы хозяйственныхъ условій, которыя измѣняются по времени и мѣсту. Вслѣдствіе этого, такая норма всего лучше опредѣляется самой практикой вещей. A priori же можно было думать, что по всѣмъ соображеніямъ, наиболѣе отвѣчающей выгодамъ земледѣлія должна быть средняя величина хозяйствъ, и такой размѣръ хозяйства сталъ господствующимъ въ Англіи, послѣ округленія полей и введенія высшихъ способовъ культуры. Это подтверждается статистическими данными. Да проститъ мнѣ читатель, если я постоянно къ нимъ обращаюсь. Но я не знаю ничего убѣдительнѣе и краснорѣчивѣе цифръ. Онѣ сухи и мертвы только пока мы не умѣемъ ихъ прочесть; но онѣ сразу оживаютъ, какъ только мы поняли, что онѣ говорятъ. Но вѣдь и всякій языкъ ничего не говоритъ тому, кто не выучился его понимать. Свѣдѣнія, приведенныя покойнымъ Янсеномъ, на основаніи Agricultur returns въ Англіи слѣдующія:

Фермы, имѣвшія отъ 1—10 работн. составляли. .	60%
» » болѣе—10 » менѣе. . . .	1%
» не державшія наемныхъ работниковъ . .	40%

Еще подробнѣе это видно на данныхъ за болѣе позднее время слѣдующей таблицы, которую приводитъ Конрадъ на основаніи тѣхъ же Agricultur returns:

Пространство. ект.	Акры	Число хозяйствъ въ % общ. ч. хоз 1895 г.	Хозяйства занимали въ общ площади число процентовъ въ 1885 г	въ 1896 г
0— 5	0— 20	51,5	6,28	6,26
5— 20	20— 50	16,5	8,68	8,79
20— 40	50—100	12,5	14,58	15
40—120	100—300	15,6	42	42,59
120—200	300—500	2,6	16,1	15,7
		1	12,4	11,67

Изъ этой таблицы видно, что центръ тяжести англійскаго хозяйства лежитъ между 100—300 акровъ или 40—120 гектр., которые занимаютъ наибольшую площадь—42%. Притомъ, сравнивая данныя 1888 и 1896 годовъ, оказывается, что среднія хозяйства увеличиваются на счетъ болѣе крупныхъ. Что же касается отношенія между хозяйствомъ на собственной землѣ и арендной, то первыя составляли всего 13% общаго числа хозяйствъ и занимали 15% культурной площади, тогда какъ арендныя 87% всѣхъ хозяйствъ и занимали 85% культурной площади.

Изъ приведенной таблицы можно также заключить, 1) что число хозяйствъ необезпеченныхъ (ниже 10 гектр.) составляетъ около 60% и занимаетъ около 10% площади, 2) обезпеченныхъ (10—40 гектр.) занимаетъ только около 20% общаго числа и 20% площади, и 3) болѣе, чѣмъ обезпеченныя (выше 40 гектр.) 20% общаго числа и 70% общей площади.

Переходя къ континенту, мы въ сущности встрѣчаемъ здѣсь ту же наклонность къ хозяйствамъ средняго размѣра, но только тѣмъ менѣе ярко выраженную, чѣмъ болѣе будемъ переходить къ востоку. Здѣсь не было произведено того округленія полей, какое мы видѣли въ Англіи. Во Франціи, напротивъ, революція надѣлила крестьянъ землей и такимъ образомъ создала все, что нужно было для господства самостоятельныхъ подворныхъ хозяйствъ. Аренда здѣсь явилась счастливымъ коррективомъ недостаткамъ первыхъ, благодаря достаточному количеству владѣльческихъ земель, собственники которыхъ предпочли, убыточному хозяйству, при но-

выхъ условіяхъ съ управляющими, сдавать свои земли въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ изполу.

Такимъ образомъ, по существу, здѣсь дѣло сводилось отчасти къ тому же, что и въ Англіи, то есть, къ хозяйствамъ средняго размѣра. Но, по счету, число мелкихъ хозяйствъ должно было выходить велико.

По земледѣльческой переписи 1862 года, вся площадь распредѣлялась между 3,2 мил. хозяйствъ. Причемъ числилось:

Хозяйствъ менѣе 5 гект.	56% общаго числа хозяйствъ
Отъ 5—10	19,12
» 10—20	11,28
» 20—30	5,49
» 30—40	2,48
болѣе	4,27

Конрадъ въ Hand. W. B. d. Statsw. приводитъ слѣдующее распредѣленіе:

Пространство гект.	Число хоз. въ %	Площадь	Средн. величина гект.
0— 1	38,2	2,2%	0,5
1—10	46,5	22,9	4,3
10—40	12,8	29,9	20,4
Выше 40	2,5	45	

Хозяйства выше 40 гектаровъ распредѣляются такъ:

	Число хозяйствъ въ %	Абсолютное.
40—100	79,79	113,283
100—200	14,51	20,644
200—500	5,55	7,912
Свыше	0,15	217

Всего 5,7 мил. хозяйствъ и общая ихъ площадь 49,39 мил. гек. Итакъ, здѣсь среднія хозяйства отъ 40—100 гектаровъ составляютъ всего 2% общаго числа хозяйствъ и занимаютъ 80%, общей площади.

Въ общемъ итогѣ можно сказать, что:

	Составляютъ	Занимаютъ % общей территоріи
Хозяйства себя не прокармливающія (отъ 1—10 гект.)	84,7%	25
Только что прокармливаются (отъ 10—40 гект.)	13%	30
Даютъ избытокъ (выше 40 гект.) .	2,5%	45

Относительно хозяйствъ первой категоріи нужно сказать, что тамъ, гдѣ они не представляютъ виноградниковъ, они или арандуютъ сосѣднія земли, или же составляютъ простыя усадьбы сельскихъ ремесленниковъ. Такъ что здѣсь такъ называемое мелкое хозяйство, или вовсе не такъ мелко на самомъ дѣлѣ, или не составляетъ собственно земледѣльческаго хозяйства.

Переходя къ Германіи, нужно имѣть въ виду различіе между отдѣльными частями Имперіи. Мелкихъ хозяйствъ до 10 гектаровъ здѣсь всего болѣе въ Прирейнской Пруссіи, Баваріи, Баденѣ, Эльзасѣ и Лотарингіи, гдѣ они занимаютъ 60—70% культурной площади; а въ Баденѣ до 80%, въ Саксоніи 56%; въ Восточной же Пруссіи всего 35%. Въ то же время среднихъ хозяйствъ отъ 20—100 гектаровъ болѣе всего въ восточной Пруссіи и Саксоніи, гдѣ они занимаютъ около 30%, въ Баваріи и Прирейнской Пруссіи 25% и менѣе всего въ Баденѣ—12%.

Что касается крупныхъ, то здѣсь явленіе обратное. Занимаемая ими площадь понижается отъ 30% въ Восточной Пруссіи, въ Саксоніи 14%, Эльзасѣ и Лотарингіи до 7%, Прирейнской Пруссіи 5%, Баденѣ 3%, Баваріи 2,5% и Вюртенбергѣ 2%.

Эти данныя показываютъ, что мелкое хозяйство существуетъ здѣсь главнымъ образомъ только тамъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго вида культуры и замѣняется или пополняется другими промыслами. По мѣрѣ же приближенія къ востоку, гдѣ начинаетъ преобладать првизводство хлѣба, увеличивается и размѣръ хозяйствъ. Начинаютъ преобладать хозяйства отъ 20—100 гектаровъ. Въ

Восточной же Пруссіи, площадь, занимаемая еще болѣе крупными хозяйствами, превышаетъ площадь среднихъ. Но это совершенно естественно и показываетъ только, что въ Восточной Германіи сельское хозяйство еще до сихъ поръ не вышло изъ переходнаго положенія. Впрочемъ никто конечно не станетъ утверждать, чтобы здѣсь хозяйство было доведено до той степени интенсивности, какъ въ Англіи.

Для Германіи вообще заимствуемъ изъ Stat. Jahr. b. f. Deut. R. Deutsch. R. 1898 года слѣдующія данныя:

Размѣръ хозяйствъ.	Число хозяевъ въ %		Площадь въ % общ. пл	
	1882	1895	1882	1895
Ниже 2 гект. .	58	58,2	5,7	56
2 — 5 .	18,5	18,2	10	10
5— 20 .	17	18	28,8	29,9
20—100 .	5,3	5,1	31,3	30,3
выше .	0,5	0,4	24,4	24,1

Для сравненія этихъ данныхъ съ данными для Франціи, приведемъ ихъ по тѣмъ же категоріямъ, причемъ за основаніе примемъ число процентовъ, какое причитается въ каждой категоріи.

На этомъ основаніи получаемъ:

Размѣръ хозяйства.			Занимаютъ въ общ площади въ Германіи	во Франціи
0— 10 гект.		$\frac{(15+30,5)}{10}$	25,7%	25%
10— 40	»	$\frac{(20+30,20)}{80}$	27,5	29,9
40—100	»		22,5	36
свыше			24	9

Мелкія хозяйства, въ той и другой территоріи, занимаютъ тѣ же приблизительно доли культурной площади. Среднія хозяйства занимаютъ уже большую площадь во Франціи, а крупныя, напротивъ, въ Германіи.

Здѣсь имѣемъ тѣ же 25% не прокармливающихъ хозяйствъ, 30% только что прокармливающихся и 48% болѣе

чѣмъ обезпеченныхъ, изъ коихъ на долю хозяйствъ средняго размѣра приходится въ Германіи менѣе половины, т. е. 22%, во Франціи 36% или болѣе ¾. Отношеніе это показываетъ только, насколько еще крупныя хозяйства преобладаютъ въ Германіи, но, конечно, не говорятъ противъ естественнаго тяготѣнія хозяйствъ къ среднему размѣру, подъ давленіемъ высшихъ способовъ культуры. Нужно сказать также, что здѣсь этотъ видъ хозяйства, до извѣстной степени, поддерживается искусственнымъ упрямствомъ политической партіи аграріевъ, доказывающимъ только лишній разъ, какое значеніе имѣетъ психологія съ ея предразсудками въ вопросахъ общества. Для сравненія приводимъ еще слѣдующія абсолютныя числа культурной площади и средній размѣръ хозяйства.

	Культурн площадь милл гект.	Число хозяйствъ.	Средн. разм хоз
Англія . . .	13	0,52 мил.	26 гект.
Франція. . . .	49,5	5,7 »	8,7 »
Германія. . . .	32,5	5,3 »	6,4 »

Эти данныя только показываютъ, какъ легко было бы, на основаніи однихъ общихъ среднихъ, составить со временемъ ложное заключеніе о преобладающемъ размѣрѣ хозяйствъ въ отдѣльныхъ государствахъ. Можно было бы заключить, что крупныя хозяйства наиболѣе распространены въ Англіи и менѣе всего въ Германіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто обратное, и крупность средняго размѣра въ Англіи получается благодаря преобладанію здѣсь хозяйствъ не крупнаго, а средняго размѣра. Въ Германіи и во Франціи, средній размѣръ хозяйствъ оказывается ниже, вслѣдствіе обилія меньшихъ хозяйствъ.

Для того, чтобы теперь произнести приговоръ надъ вліяніемъ совершенствъ культуры на относительную раціональность хозяйственнаго пользованія отдѣльными національностями своей территоріей, достаточно будетъ сравнить хозяйства отдѣльныхъ государствъ въ отношеніи обезпеченности.

Для этого сведемъ полученные ранѣе въ этомъ отношеніи результаты:

		% общихъ чиселъ	Занимаемый % общей площади
Хозяйства необезпеченныя:			
(до 10 гект.)	Въ Англіи	60	10
	» Франціи	84	25
	» Германіи	85	25,7
Только обезпеченныя:			
(свыше 40 гект.	Въ Англіи	20	20
	» Франціи	13	30
	» Германіи	11,5	27,5
Болѣе чѣмъ обезпеченныя:			
(свыше 40 гект.	Англія	20	70
	Франція	2,5	45
	Германія	56,5	46,5

Ясно, что:

	Работаютъ безъ дохода (въ %).	Пропадаетъ бездоходно земли (въ %)
Въ Англіи	80	30
» Франціи	97	55
» Германіи	96,5	53,2

Для того, чтобы узнать теперь, какое населеніе могутъ содержать тѣ же государства на счетъ собственнаго земледѣлія, нужно знать абсолютное количество хлѣба, какое можетъ дать ихъ территорія и условиться относительно необходимаго потребленія на душу.

Первую величину можемъ получить, если будемъ знать засѣваемую площадь и средній урожай. Статистическія данныя показываютъ намъ нынѣ получаемые сборы хлѣбовъ въ отдѣльныхъ государствахъ, а также абсолютныя величины культурныхъ и засѣваемыхъ площадей.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены абсолютныя пространства культурныхъ площадей вообще, въ %, и части ихъ, засѣваемыя хлѣбами, а также сборы:

Хозяйства	Общая площадь въ милл гект	Площадь пшеницы милл гектар	%	Площадь ржи милл гектор	%	Всего милл гект	%
Великобританія (1896 г.) . .	6,43	0,57	8,8	0,03	0,2	0,6	9
Франція (1894).	19,2	—	—	—	—	7,5	38,8
Пруссія . .	17,6	1,13	6,5	4,5	25,5	5,6	32
Баварія. . . .	3	0,4	13	0,55	18	0,9	30,7
Германск. Имп.	26,4	2,3	8,6	5,9	22,3	8	6,1

		Сборъ милл тоннъ	
Великобританія (1896 г.)		1,6 пшен. и ржи.	
Франція (1894 г.)	пш.	9,1	11,3
	ржи	2,2	
Германская Имперія	пш.	2,8	9,4
	ржи	6,6	

Разсматривая данныя предпослѣдняго столбца, можно видѣть, что отношенія засѣвовъ к общей площади не могутъ дать намъ прямаго указанія на степень интенсивности практикующагося порядка въ той или другой странѣ. Такъ, въ Англіи, гдѣ существуетъ наиболѣе интенсивное хозяйство, засѣвается менѣе % общей площади, чѣмъ гдѣ-нибудь. Поэтому для опредѣленія степени интенсивности хозяйства въ отдѣльныхъ государствахъ, мы должны искать другого способа. Если не будемъ дѣлать различія между пшеницей и рожью, что только усложнило бы безъ особой нужды разсчеты, то, раздѣливъ сборы на пространство, получимъ слѣдующіе урожаи:

	Съ 1 гектара общей площади.	Съ 1 гектара засѣваемой	
Великобританія . .	15,4 пуда	165,3 пуда	2,66 тонъ
Франція	36,5 »	96,08 »	1,58 »
Германія.	21,76 »	72,85 »	1,17 »

Цифры послѣдняго столбца прямо указываютъ относительное совершенство земледѣльческой культуры въ трехъ означенныхъ странахъ. Для Великобританіи, они даютъ

урожай съ 1 гектара въ 16 четвертей, для Франціи 9,6, Германіи 7,3 или съ одной десятины 17,7, 10,6 и 8,1 четверти.

Если мы примемъ теперь на видъ: 1) что величина сбора зависитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, главнымъ образомъ отъ интенсивности системы полеводства, причемъ для всѣхъ системъ собственно степени урожая не должны много отличаться другъ отъ друга, если только система, какова бы она ни была, ведется раціонально, т. е. статически, 2) что основой англійскаго земледѣлія служитъ плодоперемѣнное полеводство, доводящее засѣвъ до ½ культурной площади,— то приведенные урожаи должны указывать интенсивность системы, которая существуетъ въ каждомъ изъ трехъ означенныхъ государствъ, или относительную долю общаго пространства, которое въ нихъ должно быть, на этомъ основаніи, занято посѣвами хлѣбовъ.

Если въ Англіи засѣвъ можетъ быть доведенъ до ½ площади удобной земли, то пространство его, во Франціи, могло бы равняться только: $\frac{10}{19,3}\ 0,5 = 0,25$, а въ Германіи $\frac{7,7}{19,3} = 0,2$.

Иными словами, во Франціи могло бы быть занято подъ посѣвъ нѣсколько менѣе ¼ земли, а въ Германіи и того менѣе. Въ той и другой земледѣліе находится, и на самомъ дѣлѣ, въ періодѣ или на степени развитія, отвѣчающей средней интенсивности.

Въ Германіи оно не ушло далеко отъ трехпольной системы, а во Франціи близко къ выгонной мекленбургской. Это конечно не мѣшаетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, существовать и въ Германіи и во Франціи примѣрамъ вполнѣ интенсивныхъ культуръ. Для Германіи такая отсталость отчасти естественна, ибо она объясняется, до извѣстной степени, большой рѣдкостью населенія и крупными хозяйствами восточной ея части. Но кромѣ того, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи—отсутствіемъ строго проведенной арендной системы и значительнымъ колебаніемъ вообще

между размѣрами хозяйственныхъ единицъ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Однако, какъ скоро увидимъ, эти причины не единственныя.

Прежде, однако, чѣмъ принять вышеизложенныя данныя за основаніе разсчета, мы должны сдѣлать одно существенное замѣчаніе: урожай, 17,7 четвертей съ одной десятины, настолько высокъ, что едва ли онъ можетъ быть выдержанъ въ средней сложности вообще и весьма возможно, что его присутствіе въ Англіи объясняется, если не неточностью данныхъ, то развѣ только тѣмъ, что самая площадь хлѣбопроизводства тамъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, ограничена лишь исключительно выгодными мѣстностями и гораздо меньше той, на которой могло бы собственно производиться земледѣліе. Тюненъ считалъ нормальнымъ, для плодопеременной системы, урожай въ 10 четвертей съ десятины, и выше 13 урожаи у него не повышались при крайнемъ удобреніи. Янсенъ также, въ свое время, выводилъ, на основаніи показаній Statist. Internat., урожай пшеницы Соед. Королевства въ 24,46 гект. или 14.2 четверти. На этомъ основаніи, считаемъ болѣе правильнымъ принять за высшій средній урожай болѣе скромный размѣръ. Ограничиваясь 13 четв. съ десятины или 12 съ гектара, получимъ слѣдующее нормальное отношеніе пространства засѣва къ общей площади:

Для Англіи 1; Франціи $\frac{10}{12}=0{,}83$; Германіи $\frac{7{,}66}{12}=0{,}64$

На основаніи этихъ отношеній получимъ сборъ:

	Общая площадь засѣва милл гект.	Сборъ въ милл. тонъ вычислен.	Въ дѣйствительности.
Въ Великобританіи.	$\frac{6{,}43}{2}=3{,}21$	5,9	1,6
» Франціи	$\frac{19{,}7\,.\,0{,}83}{2}=8{,}16$	13,64	11,3
» Германіи. . . .	$\frac{26{,}4\,.\,0{,}64}{2}=8{,}45$	10,8	9,4

Мы видимъ, что получающіеся при нашемъ предположеніи сборы близко приближаются къ дѣйствительнымъ, кромѣ Англіи, о которой будетъ сказано особо. Полнаго совпаденія мы конечно не могли ожидать, ибо, съ одной стороны, пространство засѣва можетъ измѣняться отъ количества наличныхъ луговъ, которые въ наши соображенія не приняты, съ другой—отъ искусственныхъ удобреній, получаемыхъ не въ хозяйствѣ, а извнѣ и т. д. Наконецъ, самыя показанія статистики не вполнѣ точны. Полученныя отношенія согласуются и съ общимъ представленіемъ объ общей интенсивности культуры, которая выше всего въ Англіи и ниже всего въ Германіи.

Приведенныя данныя указываютъ, что во Франціи площадь засѣва значительно болѣе 40% культурной земли, въ Германіи немного болѣе 33%. Культура Франціи приближается поэтому къ плодоперемѣнной, въ то время какъ культура въ Германіи отвѣчаетъ системѣ травяной или выгонной. Вычитая 1 четв. сбора на посѣвъ и принимая на продовольствіе 1 души даже крайне низкую норму—2 четв. пшеницы—опредѣлимъ населеніе, какое приведенныя государства могли бы содержать собственнымъ земледѣліемъ:

	Вычислено (д милл.),	Въ дѣйствит. содерж д.	Число душъ необезпеч. милл
Великобританія $\frac{3{,}21 \cdot 11}{2}$	$= 17{,}65$	35	17
Франція . . . . $\frac{8{,}16 \cdot 10}{2}$	$= 40{,}8$	38,5	0
Германія . . . $\frac{8{,}45 \cdot 7{,}66}{2}$	$= 32{,}36$	56	23,6

Изъ такихъ результатовъ, сравнивая цифры двухъ послѣднихъ столбцовъ, можетъ быть только одинъ выводъ. Нигдѣ населеніе, при настоящихъ системахъ хозяйства, не могло бы прокармливать себя собственнымъ хлѣбомъ, кромѣ развѣ Франціи. Англія же и Германія должны жить

привознымъ хлѣбомъ, какъ оно и есть. Но вѣдь и Франція могла бы увеличить свое населеніе, увеличивъ интенсивность земледѣлія въ отношеніи $1 : 0{,}83 = 1{,}2$ раза, Германія — $1 : 0{,}64 = 1{,}56$ раза и содержать первая 37,2 мил. душъ, вторая 54,46. Это именно все, что нужно для того, чтобы избавиться отъ чужого хлѣба.

Франція это дѣластъ отчасти, но мнѣ сдается, что это въ значительной степени происходитъ скорѣе за счетъ недостаточнаго питанія націи (населеніе которой отказывается далѣе расти), чѣмъ за счетъ улучшенія культуры. Чѣмъ же задерживается здѣсь возможное развитіе земледѣлія и его отсталость?

Между причинами, здѣсь дѣйствующими, нужно признать причины бытовыя и внутренней политики, пристрастіе къ мелкому землевладѣнію во Франціи и пристрастіе къ крупному землевладѣльческому хозяйству въ Германіи, то есть, къ отжившимъ формамъ хозяйства. Но этимъ однимъ нельзя объяснить настоящаго положенія вещей уже потому, что въ самой Англіи мы видимъ подобное же предпочтеніе къ чужому хлѣбу. Очевидно тутъ рѣшающій голосъ принадлежитъ не чему другому, какъ цѣнѣ на хлѣбъ на міровомъ рынкѣ. Она тормозитъ и задерживаетъ развитіе земледѣлія и удерживаетъ старыя формы хозяйствъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не успѣли переродиться. Удешевленный хлѣбъ можетъ сократить до минимума земледѣліе на Западѣ Европы. Возвращаясь къ нашимъ цифрамъ, можно видѣть, что Англія далеко не держитъ той запашки, какую бы могла. Она давно, на самомъ дѣлѣ, начала сокращать свои посѣвы хлѣба и запускать земли подъ пищу скоту и пастбища или производство мяса, цѣны на которое держатся лучше. чѣмъ цѣны на хлѣбъ и провозъ котораго дороже провоза хлѣба.

Виной всему явилось то развитіе міровой торговли, начало которой наступило съ конца XVIII вѣка, послѣ колонизаціи европейцами различныхъ заокеаническихъ угловъ земного шара. Для Европы открылись новые и весьма простые способы увеличивать свое населеніе насколько

угодно, не прибѣгая даже къ эмиграціи и содержать сколько угодно ртовъ у себя дома, на счетъ чужого хлѣба. Для этого нужно было только отыскать способы получать чужой хлѣбъ дешевле собственнаго и въ достаточномъ количествѣ. Этотъ способъ и нашла прежде всего также Англія, въ улучшеніи перевозочныхъ средствъ съ одной стороны и производствѣ такихъ вещей дома, которыя можно было съ выгодой сбывать въ уплату за хлѣбъ государствъ, гдѣ производство его обходится дешевле.

На этой почвѣ и стала развиваться знаменитая промышленность прошлаго вѣка. Мы пока объ ней ничего не будемъ говорить, чтобы не забѣгать впередъ. Замѣтимъ только, что каковы бы ни были ея послѣдствія въ другихъ отношеніяхъ, она въ то же время внесла въ судьбы европейскаго земледѣлія своего рода неудобныя для него элементы, поставивъ его въ болѣе шаткое положеніе, чѣмъ раньше. Прежде, когда народъ долженъ былъ жить собственнымъ хлѣбомъ, его земледѣліе должно было улучшаться послѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ населенія дорожала земля и хлѣбъ. Теперь цѣна хлѣба стала колебаться, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, и каждый разъ, съ пониженіемъ цѣны хлѣба, мѣстное земледѣліе должно считаться съ нимъ и поступаться высшими системами, упразднняя ихъ въ пользу низшихъ. Торговля, въ извѣстномъ отношеніи, уничтожала прежнюю разрозненность между отдѣльными государствами, объединяя ихъ въ хозяйственномъ отношеніи, это несомнѣнно громадный шагъ впередъ во всѣхъ отношеніяхъ и противъ него, было бы напрасно возражать; но въ то же время она вездѣ навязала мѣстному земледѣлію своего рода дилемму: или удешевлять производство хлѣба на мѣстѣ, или отказываться отъ собственнаго хлѣба.

Не усложнять мѣстное земледѣліе, а удешевлять его, такова задача, которую поставилъ на очередь конецъ XIX вѣка, и съ которой, такъ или иначе, придется бороться двадцатому. Пока внѣшній хлѣбный рынокъ былъ не особенно великъ и пока онъ ограничивался болѣе восточной

частью той же Европы, а желѣзныя дороги не удешевляли стоимости подвоза до настоящей степени, процессъ подтачивавшій мѣстное земледѣліе, болѣе заселенныхъ и передовыхъ государствъ, не отличался остротой. Всѣ были довольны: и западная Европа, получая болѣе дешевый хлѣбъ отъ восточной, и восточная, потому что могла сбывать, производя его дешево.

Начиная со второй половины XIX вѣка, положеніе стало измѣняться. Крѣпостное право отмѣнено и въ Австріи и въ Россіи, производство хлѣба вздорожало съ исчезновеніемъ дарового труда и тутъ же сталъ на европейскій рынокъ напрашиваться усиленно хлѣбъ, не только изъ Сѣверной Америки, но и Австраліи, Аргентины и проч.: Понятно, что и прусскіе аграріи, которые отчасти жили только потому, что мѣстные крестьяне въ Пруссіи были освобождены безъ земли, а русскія дороги не допускали дешеваго провоза, оказались въ одинаковомъ положеніи съ нашими помѣщиками. Послѣдніе поступили благоразумно. По примѣру французовъ, въ свое время, они отказались отъ собственнаго хозяйства и сдали землю въ аренду крестьянамъ. Прусскіе юнкера упорствовали. Но ясное дѣло, что однимъ упорствомъ тутъ ничего не подѣлаешь. Наше министерство земледѣлія, собирая подробныя свѣдѣнія о стоимости производства различныхъ хлѣбовъ въ различныхъ раіонахъ, напечатало толстую книгу, изъ которой каждый могъ усмотрѣть только, что уже тогда большинство земель не давало никакой ренты, при существовавшей цѣнѣ. Чтобы возить хлѣбъ за границу, нужно было сочинять такіе противоестественные провозные тарифы, при которыхъ можно было бы везти хлѣбъ изъ Азіи и продавать его дешевле на германской границѣ, чѣмъ производство того же хлѣба обходилось въ средней Россіи.

Ясное дѣло, что положеніе вещей требовало такого улучшенія въ земледѣліи и провозной ихъ цѣны, которыхъ не давала пока земледѣльческая техника. Требовалось повышеніе производительности труда въ земледѣліи, подобное тому, какое произошло въ XIX вѣкѣ, въ обрабатывающей

промышленности. Но, такъ какъ такого повышенія не оказывается на лицо, то европейскому земледѣлію остается единственный раціональный путь, который давно избрала уже Англія, это сокращеніе собственнаго производства хлѣба и ввозъ чужого. Янсенъ писалъ уже въ 80 году. «Несмотря на незначительность собственнаго производства пшеницы въ Соединенномъ Королевствѣ, оно еще постоянно сокращается. Въ теченіе десятилѣтія 1867—1876 пространство засѣваемой площади уменьшилось на 9,5%. Уменьшилось также пространство подъ картофелемъ, бобами, рожью, то-есть, подъ всѣми продуктами, могущими идти на прокормленіе населенія». Въ 1860 году, когда населеніе Соединеннаго королевства равнялось 28 милл., засѣвалось пшеницею 1,6 милл. гект. Съ тѣхъ поръ населеніе возросло до 33 милл., а пространство подъ пшеницей уменьшилось до 1,2 милл. гект. Это не помѣшало, однако, потребленію пшеницы на душу возрасти, по увѣренію англійской статистики, съ 139 до 150 кил.

Англійская оффиціальная статистика не даетъ свѣдѣній о количествѣ сборовъ и величинѣ урожая. Поэтому можно сказать, что всѣ указанія въ этомъ отношеніи основаны на болѣе или менѣе гадательныхъ данныхъ; тѣмъ не менѣе сокращеніе здѣсь запашекъ составляетъ общепризнанный фактъ. По даннымъ Statist. Intern., Янсонъ считалъ въ восьмидесятыхъ годахъ валовой сборъ собственно Великобританіи (безъ Ирландіи) съ переводомъ всѣхъ хлѣбовъ на пшеницу, въ 75,5 милл. гект., а чистый въ 69 милл., что составитъ круглый счетъ 34 милл. гект. или $\frac{34\ 10}{62} = 5{,}4$ тоны.

Собственно же пшеницы и ржи 37 милл. 33,6 милл. гект., которые составятъ 18 и 16,8 милл. четвертей или 2,7 тонъ.

Теперь, по показанію Конрада, которое мы привели выше, этотъ сборъ равенъ всего 1 милл. тонъ. Слѣдовательно, онъ еще болѣе сократился за послѣднія 20 лѣтъ.

Не служитъ ли это вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіемъ, почему, въ то же время, Франція пріостановила свой ростъ населенія. Конечно, она могла бы послѣдовать примѣру

Англіи. Но что при такихъ обстоятельствахъ прикажете дѣлать странѣ, которая не можетъ воспользоваться чужимъ хлѣбомъ? Вѣдь для этого нужно имѣть, чѣмъ заплатить за покупной хлѣбъ; нужно производить подходящій товаръ, на который можетъ быть достаточный спросъ на надлежащихъ, хлѣбъ производящихъ рынкахъ; нужно владѣть подобными рынками. А завоеваніе рынковъ дѣлается не тогда, когда захочешь; оно требуетъ времени и послѣдовательной подготовки. Страна, которая объ этомъ не особенно заботится, которая привыкла довольствоваться собственнымъ хлѣбомъ и пріурочивать свою промышленность преимущественно къ внутреннимъ рынкамъ, какъ Франція, должна была найти всѣ внѣшніе рынки болѣе или менѣе занятыми. Вино, шелковыя ткани, articles de Paris и вообще болѣе изящныя, чѣмъ дешевые предметы мануфактурнаго производства, не могли конкуррировать съ еврейскими поддѣлками низкаго качества.

Вывозная торговля Франціи, конечно, все-таки очень велика, и равняется въ среднемъ, за послѣднее десятилѣтіе, болѣе чѣмъ тремъ милліардамъ франковъ; въ то время какъ вывозъ Англіи равняется 6 милліардамъ франковъ и Америки 5 милліардамъ франковъ. Онъ все-таки еще недавно былъ третьимъ по цѣнности, но, за послѣднее время, его мѣсто заняла Германія, доведя свой вывозъ до 4-хъ милліардовъ франковъ

Лихорадочная дѣятельность Германіи, со второй половины прошлаго вѣка, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ удешевленіемъ хлѣба на міровомъ рынкѣ, которое дискредитировало земледѣліе и подняло значеніе обрабатывающей промышленности. Не имѣя, ни внѣшнихъ рынковъ, ни развитой промышленности, Германія предпочла создать себѣ то и другое.

Имѣя въ своихъ нѣдрахъ достаточный контингентъ еврейскаго населенія, она могла «довольно легко, справиться съ частью задачи. Для устраненія съ существующихъ рынковъ болѣе дорогихъ, но доброкачественныхъ вещей, нужно было только такъ вѣрно понять психологію

болѣе дикихъ, чѣмъ просвѣщенныхъ иностранныхъ потребителей, какъ ее знаетъ еврейская раса и выбросить на рынокъ массу дешевой дряни, перерабатывая всякаго рода отбросы, извлекаемыя изъ выгребныхъ ямъ, фальсифицируя все, отъ винъ, сигаръ, тканей, мѣховъ до механическихъ орудій и машинъ. Это было тѣмъ болѣе удобно, что отвѣчало нѣмецкой національной слабости къ дешевизнѣ. Но для того, чтобы сдѣлать это въ серьезныхъ размѣрахъ, нужны были капиталы и потребители не только за границей, но и у себя дома. Ни того, ни другого у нѣмцевъ не было. Капиталъ ихъ былъ ограниченъ, а потребитель очень скроменъ. Нужно было создать и то, и другое; нужно было откуда бы то ни было наводнить страну деньгами и развратить потребителей. Часъ скромной и честной Германіи пробилъ. Самое простое средство получить капиталы—это ихъ награбить Отъ займовъ Германія отвернулась бы съ ужасомъ. Все это отлично поняли Пруссаки съ Бисмаркомъ, Крупомъ и Блейхредеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ нечего было занимать у Французовъ 5 милліардовъ, когда ихъ можно было взять безъ всякаго разговора. Ближайшимъ внѣшнимъ рынкомъ послужила конечно Россія, къ которой они издавна и исторически привыкли обращаться за всякаго рода помощью и пособіями. Вотъ ея обороты по ввозу и вывозу.

	Ввозъ въ Россію На сумму	Вывозъ изъ Россіи милл. марокъ	Весь ея: вывозъ	ввозъ.
Въ 1887 г.	124	335,9	—	3.135
» 1891 »	262	579	4.403	3.175
» 1896 »	364	628	4.558	3.555
» 1899 »	437	716	5.783	4.368

За 12 послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія, вывозъ Пруссіи возросъ на милліардъ двѣсти мил. марокъ или почти на 40%, и въ этомъ увеличеніи вывоза принимала главное участіе конечно Россія и второстепенныя страны. Ввозъ же собственно изъ Россіи, болѣе чѣмъ удвоился.

Что же касается Франціи, то вывозъ ея съ 1885 года до 1896 возросъ всего съ 3 до 3,4 мил. фр., ввозъ же за то же время сократился съ 1,45 до 1 милліарда франковъ.

Ввозъ Англіи составлялъ въ

1883	226	мил.	фунт.	стерл.
1897	451	»	»	»

а вывозъ въ

1883	240	»	»	»
1897	224	»	»	»

то есть, скорѣе уменьшился, чѣмъ повысился.

Если сопоставить теперь количество вывезеннаго хлѣба съ производившимся на мѣстѣ, получимъ слѣдующій результатъ:

Англія ввезла мил. центн.

въ среднемъ съ

	Пшеницы	Муки.	Всего мил. цент	чет.	Число душъ содержимыхъ
1883—1885	57,6	18	75,6	23,4	11 мил. (1 цент. 3,1 пуда).
1886—1888	53,5	19,26	72,76	22,6	11,3
1889—1891	61,8	21	82,8	25,7	12,8
1892—1894	66.8	24,3	91,5	28,36	14,2
1895—1897	71,5	22,5	94,0	29,14	14,5

Итакъ, за послѣднее трехлѣтіе ввозъ количества одной пшеницы достигъ величины, достаточной для прокормленія 14,5 мил. душъ.

Выше мы вычислили, что внутреннее производство хлѣба достаточно для обезпеченія 17,65 мил. душъ, при чемъ все народонаселеніе Великобританіи равнялось (Англія, Валлисъ и Шотландія) 35 мил. душъ. Слѣдовательно оставалось необезпеченныхъ: $35 - 17{,}65 = 17{,}35$. Для обезпеченія остатка $17{,}35 - 14{,}50 = 2{,}85$ мил. душъ. Остается незатронутый нами ввозъ кукурузы и прочихъ хлѣбовъ.

Ввозъ хлѣба въ Германію возрасталъ еще быстрѣе.

	Ввозъ Пшеница милл	Рожь тонъ.	Ячмень	Всего въ ед. пшеницы мил тонъ	мил четв	Душев содержаній мил
1889	517	1.060	651	1,85	11,7	5,8
1890	672	880	735	1,91	11,84	6
1891	905	843	726	2,1	13	6,5
1892	1.296	549	583	2,15	13,33	6,66
1893	703	224	851	1,47	9,11	4,55
1894	1.154	654	1.097	2,45	15,8	7,9
1895	1.338	965	929	2,58	16	8
1896	1.653	1.031	1.028	3,22	20	10
1897	1.180	857	1.064	2,62	16,24	8,12

Все населеніе къ 1897 году считалось въ 52 мил. душъ обоего пола; изъ нихъ собственно хлѣбъ обезпечивался 32,4 мил. Оставалось необезпеченными неполныхъ 20 мил. Перечисленныя хлѣба обезпечивали половину. Для содержаніи остальной половины оставалось:

	Мил. тонъ	Мил четв.	Съ перев. на пшен.	милл. душъ
Ячменя	2,41	15	10,26	5,13
Картофеля . . .	31,8	197	15,84	7,92
			26,10	13,5

Въ пшеницѣ.

А если исключить вывозъ:

Пшеницы . .	0,075	мил. тонъ	0,075
Ржи	0,04	» »	0,032
Ячменя . . .	0,02	« »	0,014

Всего 0,121 мил. или 0,73 м. чет.

то на продовольствіе остается всетаки почти 26 мил. чет.—количество, достаточное на прокормленіе 13 мил. душъ, то есть, еще лишнихъ 3 мил. населенія. Замѣтимъ, что мы при этомъ еще не приняли вовсе въ разсчетъ ввоза кукурузы, равнявшагося 1,27 мил. тоннъ, а въ пшеницѣ—1,27 . 0,8 = 1,116 тоннъ или 6,9 мил. четв., предоставляющихъ содержаніе еще 3,5 мил. душъ.

Объясненіемъ всему этому чрезвычайному росту паленія на счетъ чужого хлѣба служитъ слѣдующая исторія хлѣбныхъ цѣнъ, какъ онѣ показаны въ извѣстной таблицѣ Зауербека.

Если принять за 100 среднюю цѣну для жатвы 1867—1877 г., то за дальнѣйшіе годы цѣны на хлѣбные продукты оказываются слѣдующія:

1878	95	1883	82	1888	67	1893	59
1879	87	1884	71	1889	65	1894	55
1880	89	1885	68	1890	65	1895	54
1881	84	1886	65	1891	75	1896	53
1882	84	1887	64	1892	65	1897	60

Средняя цѣна 1878—87=79
» » 1888—97=61

Итакъ, за послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія, цѣна на хлѣбъ упала со 100 до 61, то есть, почти на 40%.

Ввозъ различныхъ хлѣбовъ въ Англію изъ однихъ Соединенныхъ Штатовъ возросъ:

Съ 1868—1882 г. съ 7 до 45 мил. центнеровъ
Съ 1883—1897 г. до 54 » »

54 центнеровъ составляютъ 16 мил. четвертей и слѣдовательно продовольствуютъ 8 мил. душъ, которыя содержатся въ Англіи, на счетъ однихъ Сѣверо-Американскихъ хлѣбовъ.

Очевидно Англія сдѣлала въ прошломъ столѣтіи блестящее дѣло своей хозяйственной эволюціей, но, въ нѣмецкомъ подражаніи, та же система получила, нужно признаться, крайне несимпатичный видъ. Понятно, значеніе Германіи возросло въ міровомъ хорѣ, но что выигралъ отъ этого нѣмецъ—это вопросъ.

Что онъ сдѣлался крайне грубъ и нахаленъ,—это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что онъ окружилъ себя пошловатой роскошью напоказъ, наводнилъ рынки гнилыми товарами и воскресилъ миллитаризмъ, подъ тяжестью котораго сами нѣмцы задыхаются и заставляютъ увеличи-

вать военныя тяжести своихъ миролюбивыхъ сосѣдей. Все это несомнѣнно; но кромѣ того несомнѣнно и то, что всѣ успѣхи Германіи построены на такой мелкой подкладкѣ, отъ которой вѣетъ несомнѣнной пошлостью и куплею, цѣной такихъ сдѣлокъ съ собственною совѣстью, на которыя не согласился бы ни одинъ уважающій себя народъ. Это все тѣ же гаванскія сигары безъ атома настоящаго табаку, тѣ же англійскіе товары, только низкой пробы. Этотъ филистерскій запахъ останется навсегда специфическимъ и неотъемлимой особенностью ея побѣдоноснаго культуркампфа.

Но, что можетъ быть для нея важнѣе всего,—это то, что она въ то же время, своимъ промышленнымъ развитіемъ и пріобрѣтеніемъ заграничныхъ рынковъ, поставила въ затруднительное положеніе собственное земледѣліе, создала внутри аграрный кризисъ. Тутъ дѣло не въ существѣ: избѣжать вліянія низкихъ цѣнъ ея земледѣліе, конечно, въ концѣ концовъ не могло бы. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Но, если бы промышленное возрожденіе Германіи совершилось не столь скоропалительно, если бы въ немъ принимали меньшее участіе штыки и пушки, то и потери не были бы столь остры. Хуже всего конечно то, что она въ то же время ничего не сдѣлала для того, чтобы подготовить себя къ предстоящему кризису.

Мы видѣли, что Англійское земледѣліе, въ этомъ отношеніи, выработало эластическую систему пользованія землей, которая позволяетъ ему безъ особыхъ затрудненій, по крайней мѣрѣ, примѣняться къ текущимъ цѣнамъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Германіи. Всѣ ея успѣхи, напротивъ, были, повидимому, направлены въ одну точку, къ развитію интенсивной обработки; туда именно, куда не должны были ее допустить цѣны. Поэтому для нея вопросъ ставится такъ, насколько наблюдаемое паденіе цѣнъ можетъ считаться хроническимъ, или насколько оно можетъ измѣниться. Но, въ этомъ видѣ, это вопросъ уже не одной Германіи, а болѣе или менѣе всѣхъ государствъ; и потому мы должны будемъ на немъ остановиться подробнѣе.

Что касается, прежде всего, цѣнъ, то обыкновенно принимаютъ, что цѣны на хлѣбъ вообще возрастали до половины прошлаго столѣтія, чѣмъ и объясняется возможность одновременнаго увеличенія интенсивности европейскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Паденіе собственно началось со второй половины прошлаго вѣка. Дѣйствительно, таблица, помѣщенная Конрадомъ въ его Stats. lex, даетъ слѣдующія стоимости хлѣба за прошлое время:

Годы.	Цѣна пшеницы въ Англіи за квартеръ. шил.	пенс.	Цѣна 100 кил. Годы.	Въ Берлинѣ. Марки. пшеница.	рожь.
1401—1450	7	2	1651—1700	74,5	53,4
1451—1500	6	2	1701—1730	84,77	62,72
1501—1550	12	0	1751—1800	125,32	101,42
1551—1580	47	9	1801—1850	185,8	136
1581—1600	26	8	1851—1880	211	161,4
1601—1700	39	1	1881—1890	176,2	146
1701—1800	41	1	1891—1897	164,63	141,54
1801—1850	64	2	1898	178	140,0
1851—1890	49	3			
1891—1898	31	2			

Всѣ эти данныя несомнѣнно подтверждаютъ послѣдовательное историческое возрастаніе цѣнъ на хлѣба, которое продолжалось до второй половины текущаго столѣтія. На этомъ основаніи можно было разсматривать послѣдующее ихъ пониженіе, какъ явленіе совершенно неожиданное; тѣмъ не менѣе Англія давно поняла вещи иначе.

Измѣненіе цѣнъ получаетъ правильный, послѣдовательный видъ, только на пространствѣ ряда лѣтъ болѣе или менѣе значительнаго. Но, въ дѣйствительности, землѣ приходится считаться не съ средними измѣненіями за десять, двадцать лѣтъ и т. д., а съ многими причинами, дѣйствующими ежегодно. На хлѣбныя цѣны вліяютъ урожаи, войны и проч. Поэтому, если обратиться къ болѣе подробнымъ или краткосрочнымъ періодамъ, то получаютъ такія годовыя колебанія, въ виду которыхъ земледѣлецъ

долженъ собственно постоянно мѣнять пространство засѣвовъ, примѣняясь къ требованіямъ мірового рынка, чтобы не нести убытковъ и тѣмъ болѣе примѣняться къ вліянію такихъ причинъ, которыя могутъ сказываться въ продолженіе ряда лѣтъ, болѣе или менѣе значительнаго.

Болѣе подробныя данныя находимъ у Конрада для цѣнъ текущаго столѣтія. Если выразимъ ихъ способомъ Зауербека, принявъ за 100 цѣны 1860—70 гг., то получимъ слѣдующую таблицу цѣнъ на пшеницу:

Годы.	Англія.	Франція.	Пруссія
1816—1802	116	108	92
1821—1830	113	78	54
1830—1840	112	81	61
1841—1850	106	84	75
1851—1860	110	94	90
1861—1870	109	90	91
1871—1880	100	100	100
1881—1890	71	81	81
1891—1898	54	79	74

Извѣстно, что во время Наполеоновскихъ войнъ и непосредственно послѣ нихъ, цѣна на хлѣбъ стояла очень высоко. Съ установленіемъ общаго мира, началось усиленное развитіе земледѣлія въ Германіи и Франціи. Къ этому присоединились еще очень хорошіе урожаи въ теченіе ряда лѣтъ: въ 1818 году очень хорошая озимь, въ 1819 тоже, въ 1820 повсемѣстно богатые урожаи, въ 1821 урожай средній, въ 1822 очень богатый въ большинствѣ странъ, въ 1823 болѣе, чѣмъ обильный, въ 1824 не вездѣ зерно хорошаго качества. Въ связи съ этимъ цѣны, бывшія въ 1810 году 83 шил. за квартеръ пшеницы, упали въ 1821—1830 до 50,5 шил. Въ Берлинѣ, за то же время, онѣ упали съ 23,24 мар. за 100 кил. до 13,33 мар. а въ 1824 до 9,98 мар. Тоже подтверждаютъ и цѣны нашей таблицы, изъ которыхъ видно, что цѣны съ 1816 года послѣдовательно падали, что и вызвало извѣстный аграрный кризисъ двадцатыхъ годовъ.

Съ тѣхъ поръ ничего подобнаго не повторилось. Кризисъ сороковыхъ годовъ былъ вызванъ неурожаемъ картофеля въ Ирландіи и имѣлъ чисто мѣстный характеръ. Но затѣмъ, временное возвышеніе цѣнъ повторилось въ шестидесятыхъ годахъ во время Австро и Французско-Прусскихъ войнъ, послѣ чего цѣны вездѣ стали рѣзко падать. Но причина ихъ паденія была на этотъ разъ не та, которая имѣла мѣсто послѣ Наполеоновскихъ войнъ: не развитіе земледѣлія и обиліе собственнаго хлѣбопроизводства и особенно благопріятныхъ урожаевъ, а наплывъ чужаго хлѣба.

Изъ приведеннаго опыта мы можемъ конечно усмотрѣть, что даже такія причины, какъ болѣе или менѣе случайно хорошіе года, могутъ вызывать свои земледѣльческіе кризисы, что только подтверждаетъ наше положеніе о необходимости для земледѣлія эластической системы. Но, въ то же время, не можетъ не признать, что вопросъ о продолжительности наступившаго для Европы земледѣльческаго положенія вещей, можетъ найти свой настоящій отвѣтъ, только въ отвѣтѣ на вопросъ о дальнѣйшемъ привозѣ постороннихъ хлѣбовъ. Отвѣтомъ на этотъ послѣдній вопросъ, могутъ, отчасти, служить уже данныя о развитіи хлѣбнаго ввоза изъ заокеанскихъ странъ. Достаточно будетъ привести только данныя, касающіяся ввоза пшеницы въ Англію.

Годы.	Россія.	Сѣв. Америка.	Аргентина.
1883 — 1887	8,25	25,74	0,39
1888 — 1892	15,61	20,40	2,11
1893 — 1897	16,43	29,86	7,68

Годы.	Австралія.	Брит. Индія.	Брит. Сѣв. Америка.
1883—1887	3	11	2,4
1888—1892	2,17	10,4	1,3
1893—1897	2,47 (1893—1895)	5	3,25
	0,003 (1895—1897)		

Центръ тяжести ввоза всетаки падаетъ на Россію и Сѣв. Америку. Онъ затѣмъ увеличился довольно быстро для Аргентины. Для Австраліи и, Британской Индіи онъ

не имѣетъ опредѣленнаго характера. Изъ остальныхъ государствъ онъ незначителенъ и, или падаетъ, или не измѣняется. Поэтому, послѣдняя таблица не представляетъ еще ничего угрожающаго. Скорѣе можно ожидать, что Русскій и Сѣвероамериканскій рессурсы уже достаточно использованы, но затѣмъ есть другія соображенія. Есть основаніе предполагать, что вывозъ изъ Аргентины только начинается, ибо тамъ существуютъ значительныя пространства земли еще нетронутыя. Но, кромѣ Аргентины, можно ожидать хлѣба еще изъ Лаплаты, Бразиліи и наконецъ Африки.

Въ Соед. Штатахъ, пишетъ Рудольфъ Мейеръ, мало свободныхъ земель. Но въ Западной Канадѣ ея столько же, сколько въ Германіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи взятыхъ вмѣстѣ. Другой непочатый уголъ составляетъ Суданъ. «Вы не знаете, что это за страна», писалъ Самуель Бекеръ, слова котораго приводитъ Мейеръ, «почва баснословно плодородная для хлѣбовъ и хлопчатника, два большихъ бассейна Бѣлаго и Голубого Нила, на которыхъ возможно плаваніе на сотни миль».

Разъ Суданъ попадетъ въ англійскія руки, Англія въ нѣсколько лѣтъ станетъ независима отъ Американскаго хлѣба. Но, кромѣ того, въ ближайшемъ будущемъ, къ торговлѣ хлѣбомъ присоединится еще Сибирь. Все это пророчитъ европейскому земледѣлію только увеличивающіяся затрудненія. Между тѣмъ Германія, при всей своей научности, не только ничего не предпринимаетъ путнаго, но не видитъ, повидимому, даже вовсе ясно вещей. Аграріи ея кричатъ безустанно о земледѣльческихъ покровительственныхъ пошлинахъ.

Но пошлинами нигдѣ ничего не сдѣлаешь. При увеличивающемся предложеніи хлѣба, пошлину заплатятъ импортеры, а германскій потребитель получитъ всетаки хлѣбъ удешевленный, хотя бы и не настолько, сколько безъ пошлинъ. Аграріевъ же этимъ путемъ спасти невозможно.

Если сумма постоянныхъ причинъ ведетъ къ удешевленію хлѣба, то, не говоря о безнравственности заставлять людей ѣсть болѣе дорогой хлѣбъ, чѣмъ это возможно,

въ угоду юнкерству, нельзя никакими средствами упрочить производство въ странѣ болѣе дорогого хлѣба. Лучшимъ доказательствомъ критическаго положенія земледѣлія. служитъ то, что сама Англія не успѣваетъ слѣдовать за ходомъ вещей.

По словамъ Конрада здѣсь 26,9 мил. акровъ культурной площади остались въ 1881 году необработанными. Съ 1879—81 годъ, двѣ трети арендной платы не могли быть взысканы, и арендная плата понизилась на 10—30%. А нѣмцы разсуждаютъ о пошлинахъ; ихъ платитъ страна тогда, когда она нуждается въ чужомъ хлѣбѣ, а не тогда, когда чужой хлѣбъ въ ней нуждается.

Вмѣсто сокращенія посѣвовъ, Германія ихъ еще увеличиваетъ. Вѣдь одно изъ двухъ: или никакого кризиса нѣтъ,—тогда зачѣмъ крики о пошлинахъ,—или онъ есть, и тогда зачѣмъ же увеличивать еще посѣвы, когда и эти уже въ убытокъ.

По переписи 1895 года:

	Въ Пруссіи		Въ Германіи.	
	1882	1892	1882	1892
Общее число хозяйствъ (милліоны)	3	3,3	5,3	5,7
Площадь всѣхъ хозяйствъ (милл. гект.).	26,85	21,37	31,9	32,5

Количество скота и рабочихъ средствъ:

	Имѣли скота рогатаго:		Лошадей:	
	1882	1892	1882	1892
0— 2 гект.. . .	748	782	31	49
2—100 » . . .	553	598	111	115
бол. 100 » . . .	197	249	75	85

Вообще въ Германіи числилось въ	1882	1892
Паровыхъ плуговъ. . . .	836	1.696
Жатвенныхъ машинъ . .	19,634	35.084
Паровыхъ молотилокъ . .	75,690	259.364
Прочихъ механизмовъ . .	298.367	596.869

Чего же бы казалось лучше и о какомъ тутъ можно разговаривать кризисѣ. А, между тѣмъ, присутствіе его, или по крайней мѣрѣ начало несомнѣнно, если только общая продожительная война не отдалитъ его наступленіе. Въ

такомъ положеніи вещей увеличеніе запашекъ становится совершенно непонятнымъ, и единственнымъ правильнымъ дѣйствіемъ было бы послѣдовать урокамъ Англіи, то есть, уступка силѣ вещей, перестройка аграрныхъ отношеній и конечно сокращеніе запашекъ, а не ихъ увеличеніе. Это понимаютъ и лучшіе агрономы Германіи. Въ Германіи, пишетъ Рудольфъ Мейеръ, не имѣютъ понятія о эластичности земледѣлія въ Сѣв. и Южн. Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ было подъ пшеницей:

		Шил	Мил. акр
Въ 1870	20 мил. акровъ при цѣнѣ:		
» 1880	—	44	38
» 1885	—	33	34
» 1891	—	37	39,9
» 1894	—	23	34
» 1896	—	30,75	39,5

Очевидно Америка соображаетъ свои засѣвы съ видами на урожай въ Европѣ. Если-бы европейское хозяйство дѣлало тоже самое, а не велось безсознательно, результаты, были бы иные.

Совершенно подобнымъ образомъ измѣнялись засѣвы и въ Англіи:

Годы	Площадь засѣвовъ въ Англіи Мил гект	Цѣна пшеницы за центнеръ	Площадь засѣва пшен. въ Германіи мил. гект.
1883	1,08	9,81	1,97
1884	1,10	8,41	—
1885	1,02	7,83	—
1886	0,94	7,55	—
1887	0,95	7,65	1,93
1888	1,07	7,68	1,92
1889	1,03	7,69	2,04
1890	0,99	7,80	1,97
1891	0,95	8,88	1,88
1892	0,89	7,66	1,96
1893	0,78	6,44	1,95
1894	0,72	5,35	1,95
1895	0,58	5,51	1,93
1896	0,69	6,19	1,92
1897	0,77	7,45	1,92

Мы видимъ, какъ въ Англіи засѣвъ пшеницы увеличивается каждый разъ, если цѣна въ предшествовавшемъ году увеличилась и уменьшается въ противномъ случаѣ. Совершенно другую картину представляютъ посѣвы Германіи, которые мы привели для сравненія. Здѣсь колебанія замѣчаются только въ сотыхъ доляхъ милліоновъ и то, большею частью, незначительныхъ.

Глава IV.

Итакъ, передъ европейскимъ земледѣліемъ стоитъ роковой вопросъ. Оно должно или найти возможность удешевить производство хлѣба, или сократиться, если не упразднится, по крайней мѣрѣ, на время, пока хлѣбъ снова не станетъ достаточно дорогъ, а этого времени впередъ указать пока нельзя. Мы и должны теперь разсмотрѣть, какія есть для этого средства въ распоряженіи земледѣлія. Они могутъ быть двоякаго рода.

Поднять производительность земледѣльческаго труда можно двумя способами или въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, лучше утилизируя силы природы, совершенствуя технику производства пищевого матеріала, и, во-вторыхъ, сокращая личный трудъ, при тѣхъ же способахъ пищепроизводства, и замѣняя его болѣе дешевыми механическими орудіями и двигателями. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ мы и должны разсмотрѣть вопросъ. Итакъ, прежде всего, чего мы можемъ ожидать отъ техники пищепроизводства?

Когда мнѣ говорили въ юности, что въ природѣ все устроено цѣлесообразно, я вѣрилъ; когда мнѣ говорили позже, что эта цѣлесообразность есть результатъ непрестаннаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ, то я также вѣрилъ. Но, въ концѣ-концовъ, для меня остался все-таки неразрѣшеннымъ одинъ вопросъ. Окружающая органическій наземный міръ атмосфера состоитъ изъ смѣси двухъ газовъ (если не считать углекислоты)—кислорода и азота. Количество перваго составляетъ менѣе 20% общей

ихъ суммы; количество второго, т.-е. азота, болѣе 80%, или въ четыре раза больше. Казалось бы, поэтому, что намъ было бы естественнѣе и легче приспособляться къ даровому утилизированію послѣдняго. Установляя такую пропорцію между двумя составными частями нашей среды, природа какъ бы желала насъ, прежде всего, снабдить въ изобиліи пищевыми средствами. Если бы все зависѣло только отъ приспособленія, то наши организмы должны были бы, прежде всего, выработать въ себѣ способность пользоваться этимъ обильнымъ матеріаломъ, по крайней мѣрѣ, столь же просто и совершенно, какъ мы пользуемся другой составной частью атмосферы—кислородомъ. Со стороны природы сдѣлано было все, для того, чтобы мы могли пользоваться столь же дешево азотомъ, какъ и кислородомъ, т. е. просто даромъ. Почему же тогда мы приспособились къ пользованію кислородомъ до того совершенно, что онъ достается намъ безъ всякаго труда и такъ мало приспособили наши органы къ усвоенію атмосфернаго азота?

Изъ-за такого упущенія наземная жизнь, и до послѣднихъ дней, переполнилась взаимной враждой и поѣданіемъ однихъ организмовъ другими и, вмѣсто долгаго пира, при даровой пищѣ, для мудрѣйшаго изъ животныхъ — человѣка, она обратилась въ работу для добыванія пищеваго куска и, вмѣсто полнаго мира и согласія, которые могли бы царить на землѣ, переполнило наше существованіе грабежами, насиліями и отчаяніемъ. Все это тѣмъ болѣе удивительно, что непосредственное усвоеніе азота вполнѣ въ природѣ вещей; его, какъ увидимъ, можетъ поглощать почва прямо изъ воздуха и тою же способностью обладаютъ простѣйшіе организмы, ранѣе другихъ появившіеся на землѣ. Утратилась она только среди болѣе сложныхъ формъ, что было вовсе не цѣлесообразно.

Какъ хотите, а мнѣ все-таки представляется, что, несмотря на милліоны лѣтъ, которые пережило человѣчество, оно все еще находится въ періодѣ грубаго младенчества и глубокаго варварства, и я не могу отказаться отъ мысли,

что придетъ часъ, когда исчезнетъ среди людей самая память о тѣхъ способахъ питанія, какими мы вынуждены пользоваться, что будутъ еще жить поколѣнія, которыя будутъ такъ же легко питаться, какъ дышатъ, и что это есть тотъ предѣлъ, къ которому стремится біологическая эволюція и къ которому ее приведутъ мало-по-малу время и наука. Но пока у насъ нѣтъ даже въ зачатіи органовъ, оправдывающихъ подобныя мечтанія, и мы должны довольствоваться гораздо болѣе скромными притязаніями. Было бы громаднымъ шагомъ впередъ, если бы, при томъ же трудѣ, мы могли бы найти возможность приготовлять пищевой матеріалъ въ желательномъ количествѣ, независимо отъ почвы, климатовъ и пр.

Люди болѣе жизнерадостнаго типа, легко забѣгающіе впередъ, ожидаютъ чего-либо подобнаго въ скоромъ времени. Но пока, притязанія болѣе скромныхъ ученыхъ не идутъ такъ далеко. Вопросъ очень простъ: задача сводится къ искусственному приготовленію азотистаго соединенія углеводорода, въ формѣ притомъ удобоваримой для человѣческаго желудка. Однако, къ несчастію, бѣлковыя соединенія всего менѣе поддаются органической химіи; менѣе всего ею изучены и, притомъ, химическія частицы питательныхъ продуктовъ очень сложны.

Въ сороковыхъ годахъ, органическая химія праздновала великое событіевъ въ мірѣ науки: Велеръ сдѣлалъ первый шагъ къ органическому синтезу, приготовивъ искусственно *мочевину*. Но, къ сожалѣнію, это была только мочевина, т. е. отбросъ. Съ тѣхъ поръ дѣло мало подвинулось впередъ по тому же пути. Очевидно, отъ приготовленія мочевины до приготовленія пшеничной муки было еще очень далеко.

Рядомъ съ притязаніями на возможное изготовленіе искусственно пищи, оказалось нѣчто другое: оказалось, что земледѣліе вовсе не знаетъ тѣхъ средствъ, которыми пользовалось столь долго для полученія большихъ сборовъ съ того же пространства; не знаетъ, до чего можетъ дойти удешевленіе производства, не выходя изъ границъ чисто-

земледѣльческой культуры. Я говорю не о томъ, что даже въ самой Бельгіи, которая, какъ извѣстно, населена гуще всѣхъ европейскихъ государствъ, по показаніямъ покойнаго Янсена, имѣется еще достаточно пустопорожнихъ земель, способныхъ къ обработкѣ; а о томъ, что удобряя столько времени, человѣкъ не зналъ, что дѣлаетъ. Преклоняясь передъ словомъ агрономъ, не знали, что такое навозъ, почему отношеніе къ нему и удобренію вообще было самое варварское. Точно также, въ отношеніи стоимости обработки, земледѣліе не знаетъ до сихъ поръ, чего оно можетъ ожидать отъ механическихъ исполнителей и механическаго же двигателя, потому что первые, можно сказать, только начинаютъ получать практическій годный образъ, вторые примѣняются также только въ видѣ исключенія, въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ.

Учителемъ агрономовъ, въ отношеніи удобренія, былъ въ началѣ столѣтія знаменитый Тэръ. Творцомъ земледѣльческой агрономіи, съ большимъ еще правомъ на названіе знаменитаго, былъ его ученикъ, симпатичный Тюненъ. Первый нынѣ забытъ; второй еще не оцѣненъ по достоинству, но выставленные имъ и доказанные для своего времени тезисы пока еще не опровергнуты.

Въ то время, когда они писали, плодородіе почвы измѣрялось пудами удобренія или градусами тучности. Такое измѣреніе было грубо-эмпирическое. Опытъ, не отрицая зависимости урожаевъ отъ удобренія, отказывался слѣдовать далѣе за разсчетами Тэровской школы. Очевидно, вопросъ былъ сложнѣе и разрѣшать его просто пудами навоза было нельзя. Либихъ первый вникъ въ суть дѣла. Онъ свелъ вопросъ плодородія на необходимость извѣстныхъ неорганическихъ запасовъ, которые жатва уноситъ изъ почвы и которые поэтому нужно ей возвратить. Какіе это запасы—указалъ анализъ химическаго состава растеній. Наступила пора минеральныхъ удобреній, какъ подспорій навозу, дополнявшихъ тѣ минеральные элементы, которыхъ въ данномъ количествѣ навоза оказывалось недостаточно.

Главными веществами считались азотъ и фосфорная кислота. Если данное количество навоза покрывало ихъ, то и всѣ остальные были обезпечены съ избыткомъ. Поэтому, количество необходимаго удобренія разсчитывалось по азоту или фосфорной кислотѣ, но ихъ можно было дополнить фосфоритами и селитрой. Несмотря на то, анализъ все-таки не всегда подтверждалъ разсчетъ, такъ что, наконецъ, агрономія потеряла къ нимъ уваженіе и наиболѣе практичнымъ признала возвратиться къ чистому эмпиризму, выраженіемъ котораго и служила статика Пабста. Здѣсь прямо было указано, сколько пудовъ навоза требуется возвратить полю за взятую жатву; сколько за пшеницу, овесъ и т. д.; сколько ихъ возвратитъ солома, если ее пустить въ навозъ и т. д.; сколько паръ, ибо предполагалось, что минеральные запасы образуются черезъ вывѣтриваніе горныхъ породъ, а потому, чѣмъ болѣе отдыхаетъ поле, тѣмъ болѣе оно обогащается питательными средствами. Такому вывѣтриванію, между прочимъ, помогаютъ вспашка и бороненіе, разрыхляя слежавшуюся почву.

Такимъ образомъ, агрономія какъ-будто что-то и знала, но въ то же время знала недостаточно для того, чтобы руководить съ увѣренностью сборами. Въ сущности она знала все-таки меньшее изъ того, что было нужно; знала, что могла ей дать физіологія растеній. Послѣдняя же знала, откуда и какимъ образомъ растенія получаютъ свои минеральныя части, кромѣ одной; не знала главнаго: откуда и какъ они получаютъ азотъ. Конечно, его можно всегда имъ доставить, снабдивъ почву селитрой, если не навозомъ. Селитра образуется изъ того же навоза, а навозъ изъ растеній, и потому мы приходимъ къ ложному кругу. Нужно узнать, откуда получило азотъ первое растеніе. Конечно, его много въ окружающемъ воздухѣ; но можетъ ли растеніе его получать и утилизировать этимъ путемъ и притомъ въ достаточномъ количествѣ и т. д. — все это вопросы, на которые требовались положительные отвѣты. Опытъ указывалъ, что при одномъ минеральномъ удобреніи, безъ азота, — въ формѣ ли навоза или прямо селитры, —

пашня скудѣетъ; слѣдовательно, если растеніе и получаетъ азотъ непосредственно изъ воздуха, то въ количествѣ недостаточномъ. Съ другой стороны, воздухъ представляетъ самое обильное азотомъ вещество, имѣющееся повсюду. Оно, по всей вѣроятности, должно бы служить тѣмъ его запасомъ, на счетъ котораго развивается первая органическая жизнь на землѣ? Вопросъ этотъ занималъ еще Либиха; ему же посвятили свою жизнь Бусенго и Жоржъ Вааль.

Разсуждая спокойно, не торопясь, въ особенности съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ теперь, можно было дедуктивнымъ путемъ придти къ такому выводу, что здѣсь возможны только два предположенія: или что азотъ и теперь доставлется растеніямъ тѣми же низшими организмами, которые впервые выучились получать его изъ воздуха, или что, свойствами скоплять его обладаетъ сама почва, помимо всякихъ растеній. Къ этимъ двумъ заключеніямъ пришла въ настоящее время наука. Теперь уже большинство ученыхъ не сомнѣвается въ способности растеній получать азотъ изъ воздуха и скоплять его въ почвѣ, оставляя въ ней свои корни. Но этого мало: самые богатые азотомъ растенія суть бобовыя — горохъ, клеверъ, бобы; и вотъ оказывается, что на ихъ корняхъ образуются богатые азотомъ наросты, обязанные своимъ происхожденіемъ особымъ микроорганизмамъ, обладающимъ способностью скоплять азотъ. Но независимо отъ этого способностью получать и скоплять азотъ обладаетъ и сама почва. Опытъ докт. Франка въ Германіи показалъ, что всякая жатва обогощаетъ почву азотомъ, хотя бы она не была предварительно удобрена.

Обогащеніе почвы азотомъ, если послѣдняя не можетъ производить его скопленіе сама по себѣ, можетъ быть только работой тѣхъ же микроорганизмовъ. Эти выводы значительно измѣнили прежній взглядъ на культуру и полеводство. Оказалось, что для поддержанія плодородія нужно не столько удобрять почву азотомъ искусственно, сколько сохранить или утилизировать азотъ уже

находящійся или доставляемый ей корнями предшествующихъ растеній и микроорганизмами. Прямымъ средствомъ для этого служитъ промежуточная или долгосрочная культура бобовыхъ, успѣшно скопляющихъ и задерживающихъ азотъ въ своихъ корняхъ, горохъ, вики, лупинусъ, клеверъ, люцерна, эспарцетъ. Для того, чтобы воспользоваться всѣми этими растеніями, скопляющими такимъ способомъ азотъ, слѣдуетъ обильно питать растенія другими способствующими ихъ росту продуктами, какъ то фосфоритами. Это ихъ заставитъ собрать соотвѣтствующее количество азота. Но все это, замѣтитъ читатель, пока только оправдываетъ тѣ способы, которые примѣняли и до сихъ поръ: во-первыхъ плодоперемѣна, во-вторыхъ разсчетъ удобренія не по азоту, а по фосфорной кислотѣ, который практиковался давно, до послѣднихъ опытовъ. Однако тѣ же опыты установили еще новый фактъ, что почва тѣмъ болѣе теряетъ азота, чѣмъ она имъ богаче; что, если скопляющійся въ ней азотъ, благодаря микроорганизмамъ, не утилизировать, то онъ вымывается водами въ подпочву и теряется навсегда для урожая. Поэтому болѣе всего истощаютъ почву дурныя жатвы; а еще болѣе отсутствіе растительности, или вопреки всему, что практиковалось до сихъ поръ. такъ называемый *паръ*.

Паровое поле осуждено на смерть; тогда какъ ранѣе безъ него не могло почти существовать земледѣліе.

Въ этомъ отношеніи всего убѣдительнѣе опыты произведенныя Дегереномъ. Голая земля не удобренная и не занятая растеніями, потеряла отъ 12 Марта до Ноября количество азота, соотвѣтствующее 8¾ пуда съ десятины. Принимая въ 1.000 пудахъ навоза 5 пудовъ азота, которые равны 1.750 пудамъ навоза. Если бы земля была занята растеніями, то они выбирали бы часть воды изъ почвы, помимо азотистыхъ соединеній, а меньшее количество воды уносило бы и меньшее количество послѣднихъ въ подпочву.

Почва, занятая луговой растительностью, потеряла только черезъ сточную воду 20% того количества азота, 80% котораго получено было въ урожаѣ травы. Почвы,

занятыя клеверомъ и овсомъ, дали потерю въ 35% черезъ стокъ воды, то есть, большую потерю и сравнительно менѣе черпали азота, чѣмъ лугъ. На поляхъ, удобренныхъ навозомъ въ размѣрѣ 30.000 кил. на гектаръ (почти 2.000 пудовъ на десятину), потеря азота черезъ вымываніе равнялась собранному въ урожаѣ, причемъ 80% внесенныхъ навозомъ потерялось и для растительности. Удобреніе, сверхъ навоза, селитрой принесло мало пользы урожаю и увеличило только потерю на вымываніи. Исключительно искусственное удобреніе селитрой и фосфатами (625 кил. чилійской селитры на гектаръ) дало меньшую потерю, чѣмъ при удобреніи навозомъ и селитрой. На основаніи этихъ опытовъ, Дегеренъ считаетъ вправѣ вывести то общее положеніе, что потеря азота тѣмъ больше, чѣмъ хуже урожай или бѣднѣе растительностью. Но это правило ничего не говоритъ новаго; никто никогда не совѣтывалъ дурныхъ урожаевъ или небрежнаго отношенія къ почвѣ; точно также, давно знали, что плодоперемѣнная система даетъ больше хлѣба съ того же пространства. Но не худшіе, а иногда и лучшіе урожаи могутъ дать другія болѣе простыя системы, при надлежащемъ удобреніи. Для насъ, въ вышеупомянутыхъ опытахъ, представляется болѣе важнымъ и новымъ заключающееся въ нихъ указаніе на тѣ потери для растительности, которыя происходятъ въ удобреніи. Оказывается, что слабая сторона дѣла не въ недостаткѣ азота въ почвѣ, а то, что если бы утилизировать его безъ пониженія черезъ простую вещь—вымываніе, то должна была бы получиться двойная растительность. И такъ, самая совершенная изъ системъ полеводства плодоперемѣнная оказывается вовсе несовершенной, расточающей половину удобренія даромъ.

Для земледѣлія открывается новый горизонтъ, новое направленіе, въ которомъ оно можетъ стремиться къ увеличенію сборовъ, или черезъ уменьшеніе вымыванія, или утилизируя просачивающуяся подпочвенную воду и собирая ея азотъ. Этимъ способомъ теряющаяся нынѣ часть удобренія возвращалась бы снова на поля, слѣдовательно, количество производимаго въ хозяйствѣ навоза могло

уменьшиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество скота и кормовыхъ полей, на счетъ которыхъ могло бы увеличиться пространство посѣвовъ. До чего можетъ дойти въ этомъ направленіи сельское хозяйство, предвидѣть трудно. Достаточно важенъ тотъ фактъ, что въ дренажной водѣ имѣется новый запасъ удобренія, который, до сихъ поръ, пропадаетъ для нашихъ хлѣбныхъ полей безъ пользы. Подобное же значеніе имѣютъ опыты, произведенные въ то же время надъ потерями безъ пользы азота въ самомъ удобреніи или навозѣ, вслѣдствіе нелѣпаго къ нему отношенія. Нужно только удивляться, какъ аккуратнѣйшіе германскіе ученые, вычислившіе давно сколько корова теряетъ какихъ веществъ черезъ переспирацію, до послѣдняго времени не позаботились узнать, сколько пропадаетъ безъ пользы для полей производимаго въ хозяйствѣ удобренія.

	Сухого вещества Пуды
Лошади доставляютъ въ годъ .	19,3
Рогатый скотъ	31,3
Овца	19,4
Свинья	19,6

Въ среднемъ, каждый пудъ живого вѣса животнаго даетъ въ годъ 22 пуда свѣжаго навоза или 0,005 пуда азота. При храненіи его на свѣжемъ воздухѣ, теряется въ теченіе 7 мѣсяцевъ 23,4% азота, что составитъ потерю равную 1 пуда азота на каждую голову рогатаго скота. Если же хранить навозъ на скотныхъ дворахъ подъ животными, то потеря исчисляется до 12—15%. Труды И. В. Эк. об. 1893.

Потеря одного пуда азота, равноцѣнна 6,5 пуд. чилійской селитры или равняется 15 р. Вотъ что теряетъ въ настоящее время хозяинъ на каждой штукѣ рогатаго скота, вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ навозу. Но можно достичь еще большихъ результатовъ. Опыты Гольдефленса показали, что, при защитѣ навоза въ кучахъ на воздухѣ слоемъ земли въ 5 вершковъ, потеря понижалась до 26,2%, а азота до 2%, причемъ 18% перешло въ селитру. Подоб-

нымъ же образомъ дѣйствуютъ на навозъ посыпки извѣстными веществами: гипсомъ, фосфоритами, суперфосфатами и т. д. Всѣ эти способы не препятствуютъ разложенію навоза, но только способствуютъ связыванію освобождающагося при этомъ азота и переводу его въ селитру. Можно избѣжать потери азота, препятствуя разложенію навоза. Это достигается сдабриваніемъ навоза калійными солями, причемъ навозъ сохраняется въ свѣжемъ видѣ. Итакъ, въ болѣе раціональномъ отношеніи къ навозу, земледѣліе найдетъ еще новое средство уменьшить расходы удобренія и долю кормовой земли. Оно будетъ достигать тѣхъ же результатовъ количествомъ навоза равнаго ¾ того, какое употребляетъ въ настоящее время. Оно можетъ уменьшать вслѣдствіе этого и долю кормовыхъ земель на ¼. Такую же приблизительно выгоду можетъ ему доставить устраненіе потери черезъ вымываніе азота въ подпочву, такъ что, благодаря такимъ мѣрамъ, земледѣліе можетъ достичь уменьшенія кормовой земли на половину и, слѣдовательно, занятія подъ хлѣбъ уже не 50%, а 75% пашни.

Но вотъ оказывается нѣчто еще болѣе замѣчательное: агрономія, за своими интересными научными опытами, какъ будто не замѣтила слона. Въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства существуетъ неисчерпанный источникъ связаннаго азота, а слѣдовательно удобренія, въ видѣ громадныхъ залежей торфа, покрывающихъ самыя неудобныя для земледѣлія пространства. Утверждаютъ, что торфъ, безъ всякихъ примѣсей, можетъ замѣнить навозъ средняго качества, пополамъ же съ навозомъ онъ даетъ возможность удобрить двойную площадь. Такимъ образомъ оказывается, что можно еще уменьшить производство навоза на половину, занявъ подъ хлѣбъ половину четверти культурной земли или пашни, послѣ чего останется подъ кормовыми всего 12,50% пашни, а 87,50% будетъ занято пищевыми хлѣбами. Такой результатъ равносиленъ всему сбору, получаемому Западной Европой съ своихъ полей. Поэтому европейское земледѣліе могло бы еще разсчитывать на будущность и увидѣть болѣе свѣтлые дни, если бы только оказалось, что эти

самыя выгоды не должны обойтись слишкомъ дорого и увеличеніе сбора можетъ быть достигнуто безъ несоразмѣрнаго увеличенія расхода на работу.

Мы должны поэтому разсмотрѣть этотъ вопросъ. Но прежде всетаки необходимо дополнить только что сказанное нѣсколькими замѣчаніями.

Прежде чѣмъ принять на вѣру возможность означенныхъ улучшеній, желательно было бы дать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ процессахъ, на которыхъ основаны приведенные выше результаты.

Въ нашемъ распоряженіи есть одинъ несомнѣнный фактъ: растенія могутъ усваивать азотъ въ достаточномъ количествѣ только изъ почвы и, при томъ, только въ видѣ селитры. Непосредственно усваивать газообразный азотъ способны только микроорганизмы и притомъ извѣстные микроорганизмы, называемые поэтому нитрификиторами. Такіе нитрификиторы, между прочимъ, и образуютъ клубни на корняхъ бобовыхъ, въ которыхъ и скопляютъ азотъ, въ видѣ бѣлковаго содержанія, которымъ и пользуется бобовое растеніе. Понятно, что бактеріи этого рода связываютъ азотъ, какъ находящійся въ воздухѣ, такъ и освобождающійся въ почвѣ, при гніеніи органическихъ остатковъ. Понятно, что, при ихъ наличности, должно происходить и то и другое и, происходить притомъ испоконъ вѣковъ. Микробъ-интрификаторъ объяснилъ намъ, откуда могла развиться растительная жизнь на землѣ въ тѣхъ ея крупныхъ формахъ, которыя сами не способны доставить себѣ необходимое количество азота изъ воздуха. Они же объяснили еще больше: это, что азотъ, освобождающійся въ почвѣ при гніеніи органическихъ остатковъ, не распредѣляется только между двумя членами—селитрой и частью уносимой водой въ подпочву, а что часть его еще улетучивается и возвращается въ воздухъ. Другая часть задерживается микробами, по Виноградскому, которому принадлежитъ ихъ открытіе. Бактеріи, проникая во внутрь корня, превращаются внутри образуемыхъ ими клубеньковъ въ особую форму бактероидовъ, которые, будучи уже не

способны къ распложенію, образуютъ сѣтчатообразный клубокъ, поглащающій съ своей поверхности азотъ (подобно тому, какъ жабры рыбъ поглощаютъ кислородъ) и образуютъ на его счетъ бѣлокъ.

Пользуясь этимъ открытіемъ, стали производить чистыя культуры азотныхъ бактерій; заражали ими желатину и продавали въ бутылкахъ подъ именемъ *нитрогена* бактеріальное удобреніе. Для удобренія разогрѣтая до жидкаго состоянія желатина смѣшивается съ водой, которой и смачиваются сѣмена до посѣва. Одна бутылка годится для удобренія ¼ гектара.

Кромѣ этого вида бактерій, образующихъ клубни, найдены и другіе ихъ виды (Виноградскій и др.), не образующіе клубенковъ, а образующія органическое вещество на счетъ газообразнаго азота воздуха, самостоятельно или въ симбіозѣ съ другими бактеріями. Наконецъ, особые виды бактерій производятъ задержаніе азота въ видѣ селитры, почему и называются селитрообразователями. Этотъ видъ бактерій открытъ также Виноградскимъ. На ряду съ такими видами бактерій въ почвѣ существуетъ рядъ бактерій другого рода— бактерій возстановителей, разлагающихъ болѣе сложныя соединенія, они вызываютъ такъ называемое тлѣніе или гніеніе органическихъ остатковъ, наступающихъ за прекращеніемъ жизни индивидуума, они производятъ разложеніе растительныхъ остатковъ и навоза на углекислоту и аміакъ, они же разлагаютъ селитру на болѣе летучія соединенія, почему и называются денитрифакиторами.

Какъ видите, одинъ рядъ микроорганизмовъ работаетъ надъ поглощеніемъ азота изъ воздуха, другой надъ возвращеніемъ ему позаимствованія; оба вида организмовъ вызываютъ постоянный круговоротъ азота, подобно тому, какъ животныя, поглощая кислородъ, отдаютъ углекислоту, поглощаемую растеніями; послѣднія возвращаютъ воздуху кислородъ, а низшіе организмы, то отнимаютъ у воздуха азотъ, то возвращаютъ его ему. Безъ этой двойственной работы, воздухъ долженъ былъ только бѣднѣть, какъ кислородомъ, такъ и азотомъ и органическая жизнь должна бы

была скоро прекратиться; теперь она продолжается, благодаря постоянному возврату позаимствованій. Однако, возвраты эти всетаки не полные, а каждый разъ съ учетомъ; такъ все количество азота, какое вода уноситъ въ подпочву тѣмъ глубже, чѣмъ меньше встрѣчается бактерій, а потому тѣмъ менѣе задержки долженъ встрѣтить уносимый водами азотъ. Какая его дальнѣйшая судьба въ подземныхъ пространствахъ,—это не выяснено. Да и для земледѣлія важнѣе найти способъ отводить его обратно на поверхность. Если онъ пропадаетъ навсегда для наземной жизни, то, въ концѣ концовъ, этимъ путемъ можетъ перейти въ подпочву и весь азотъ воздуха, благодаря растительности и, возвращая его на поверхность, земледѣліе продлитъ срокъ существованія на землѣ человѣчества; говорю продлитъ, потомучто возвращать его полностью, едва ли окажется возможнымъ. Но возвращать его и бороться съ его вымываніемъ всетаки нужно. Потомучто, если бы даже человѣчеству удалось ранѣе или позже приготовить искусственно бѣлковую пищу, заимствуя азотъ непосредственно изъ воздуха или селитры и упразднить культуру злаковъ, навозъ и производящій его домашній скотъ, то, для охраненія его запасовъ въ воздухѣ, оно должно будетъ не допускать точно также его вымыванія изъ своихъ отбросовъ, какъ и теперь. Конечно, мы находимся въ такомъ положеніи, что одно какое-либо открытіе можетъ вдругъ перевернуть или измѣнить настоящую картину пищепроизводства, но пока такого открытія еще не сдѣлано, да и природа болѣе любитъ постепенность, она ужасный медлитель, поэтому и вѣроятно, что новый вѣкъ еще будетъ продолжать пахать землю и ему придется считаться пока еще съ тѣми, болѣе скромными, улучшеніями въ земледѣліи, которые мы только что указали. Вопросъ только въ томъ, еще, какъ они должны отозваться на производительности труда.

Тюненъ, рядомъ разсчетовъ, показалъ, что чѣмъ интенсивнѣе система, тѣмъ дороже обходится въ ней производство единицы хлѣба, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ. Онъ первый поэтому обратилъ вниманіе хозяевъ на необходи-

мость воздерживаться отъ увлеченія высшими системами полеводства и придерживаться, въ данномъ случаѣ, той изъ системъ, которая наиболѣе отвѣчаетъ мѣстнымъ условіямъ. Чѣмъ ближе земля отъ рынка; тѣмъ дешевле ей обходится провозъ сбора къ мѣсту продажи; чѣмъ богаче почва то также, ибо, въ послѣднемъ случаѣ, та же работа даетъ больше сбора и т. д., а потому такого рода хозяйства и могутъ выдерживать болѣе дорогіе способы производства.

Если хлѣбъ можетъ доставляться изъ за 500 верстъ по существующей на рынкѣ цѣнѣ, по 7 руб. за четверть, причемъ провозъ четверти обходится 7 рублей и слѣдовательно производство на такомъ разстояніи отъ рынка обходится 7 (1—a) рублей, то хозяйство, находящееся на разстояніи отъ рынка, равномъ 250 верстамъ, сбережетъ на производство а $^7/_2\,a$ рублей, которые и можетъ потребить на высокую систему полеводства и будетъ въ выгодѣ, ибо, благодаря высшей системѣ, получится, съ того же пространства, болѣе хлѣба. Но, хотя высшая система и даетъ еще больше хлѣба, однако количество его, какъ показалъ Тюненъ, растетъ не пропорціонально расходамъ, а медленнѣе. Иначе, производительность труда представляетъ величину понижающуюся, съ увеличеніемъ труда. Несомнѣнно, что, въ концѣ концовъ, это и должно быть такъ, ибо этого требуетъ, такъ называемый, второй законъ механической теоріи теплоты. Но что тутъ возможны временныя отступленія, временные подъемы производительности, колебанія и наконецъ подъемъ въ общемъ направленіи до извѣстнаго предѣла, за которымъ должно будетъ наступить окончательное паденіе, до котораго еще очень много можетъ уйти времени,—это также вѣроятно.

Законъ Тюнена требуетъ прежде всего оговорки: законъ этотъ ставитъ все въ зависимость отъ рыночной цѣны, которая опредѣляетъ стоимость производства по послѣдней или самой дорогой единицѣ товара, какая будетъ спрошена (по самой дорогой, а не какой то средней, изобрѣтенной Марксомъ). Поэтому онъ, прежде всего, касается хозяйствъ, работающихъ на продажу. Земледѣлецъ,

который производитъ только для собственнаго потребленія, можетъ, затративъ на тотъ же участокъ больше труда для полученія *большаго* количества хлѣба, хотя бы и не пропорціонально, ибо онъ будетъ лучше ѣсть, получая съ той же земли больше хлѣба. Затратить же больше труда онъ можетъ, ибо въ его распоряженіи дни. Въ Россіи, напримѣръ, около 100 праздниковъ въ годъ, значительная часть коихъ падаетъ на земледѣльческое время. Трудъ его представляетъ поэтому величину очень эластичную. Въ то время какъ земледѣлецъ, производящій хлѣбъ на продажу, принимая въ разсчетъ стоимость доставки, будетъ производить по трехпольной системѣ, онъ, въ виду того, что ему ничего не придется возить, можетъ производить по травяной, а можетъ быть и плодоперемѣнной. Торгующіе хлѣбомъ будутъ употреблять лишній трудъ на провозъ, производящій его на себя будетъ его употреблять на производство лишняго хлѣба. По этому одному видно, что производство хлѣба на продажу должно понижать культуру. Курскій помѣщикъ, который хочетъ продать свой хлѣбъ въ Либавѣ, не можетъ такъ обработывать своихъ полей какъ не только остзейскій, но и курскій крестьянинъ и, если послѣдній этого не дѣлаетъ, то на это должны быть другія причины, но и тому и другому единица хлѣба будетъ обходиться одинаково. Приблизительно въ томъ же положеніи находится и помѣщикъ, продающій на ближайшемъ рынкѣ.

Американскій хлѣбъ, съ доставкой въ Германію, обходится дороже американскому фермеру, чѣмъ прусскій прусскому и потому, при той же цѣнѣ, культура въ Германіи можетъ быть выше, чѣмъ къ Америкѣ. Но общая сумма труда, затраченная во всѣхъ выше нами приведенныхъ случаяхъ, будетъ таже; и крестьянину, который производитъ хлѣбъ для себя и тому, кто производитъ для продажи, единица хлѣба на всѣхъ разстояніяхъ будетъ стоить тоже количество труда. Стало быть, производство на продажу, какъ будто дѣйствительно понижаетъ культуру. Однако это не всегда: крестьянину не будетъ разсчета повышать культуру, пока у него достаточно земли, ибо онъ

съ большаго пространства можетъ получить тоже количество хлѣба при низшей культурѣ, какъ и при высшей съ меньшаго; но только затрачивая меньше труда. Точно также и прусскій хозяинъ, при низшей системѣ, получитъ тоже количество хлѣба, тратя меньше на обработку болѣе экстенсивную. Всѣ будутъ держаться возможно низшей системы, какъ наиболѣе дешевой, пока для этого будетъ достаточно земли, то есть, пока цѣна земли будетъ дѣлать это возможнымъ.

Если величина участка, прокармливающаго крестьянина при высшей культурѣ X гектаровъ, а при низшей X 1,5 гек. (при чемъ въ обоихъ случаяхъ производится тоже количество хлѣба), то для крестьянина выгоднѣе держаться низшей культуры, пока цѣна земли не повысится настолько, чтобы уничтожить эту выгоду или за лишнюю землю онъ долженъ будетъ уплатить такую ренту, какая будетъ равна лишнему расходу при высшей культурѣ. Тогда онъ предпочтетъ уменьшить свой участокъ, продать его часть и завести высшую культуру.

Кто же опредѣляетъ цѣну земли? я говорю именно *кто* не безъ основанія. Вообще принято было думать, что цѣну эту опредѣляетъ чистый доходъ отъ земли или рента; а между тѣмъ мы вотъ пришли къ такому положенію въ концѣ XIX вѣка, что рента падаетъ, а цѣна земли повышается и этого противорѣчія объяснить нельзя иначе, какъ принявъ, что цѣну земли опредѣляетъ (при нашихъ условіяхъ) густота населенія и густота или спросъ того населенія, которое производитъ не на продажу, а на себя. Всѣ другія объясненія не выдерживаютъ критики, Производитель на продажу, не станетъ покупать землю для того, чтобы нести убытокъ. Помѣщеніе ради прихоти или сохраненія капитала имѣетъ мѣсто какъ исключеніе. Одинъ производитель на себя, покупающій изъ нужды и во что бы то ни стало, не несетъ убытка, платя за землю дороже того, что она стоитъ; ибо, если она при этомъ не окупаетъ его труда, то этотъ трудъ онъ употребитъ иначе, онъ пойдетъ работать на чужую землю или фабрику. Поэтому то

ему даже выгоднѣе приложить лишній трудъ и остаться хозяиномъ, чѣмъ отдать тотъ же трудъ за положеніе поденщика. Поэтому то, всего выгоднѣе распродавать землю крестьянамъ.

Но опять это можетъ продолжаться только до извѣстной степени. Если наемная плата повысится отъ недостатка рукъ на столько, что станетъ выгоднѣе идти на фабрику, то крестьяне станутъ бросать землю и уходить въ городъ и предпочтутъ тогда уже покупать хлѣбъ, что теперь и наблюдается на западѣ Европы. Во всякомъ случаѣ, крестьянинъ есть послѣдній и самый стойкій покупатель на землю и, если онъ ее бросаетъ, то стало быть заокеанскій хлѣбъ уже долженъ былъ произвести порядочный переворотъ къ континентальномъ хозяйствѣ.

Все это доказываетъ только однако двѣ вещи: Первое то, что производитель на себя можетъ долѣе держаться за свое земледѣліе, чѣмъ производящій на продажу и во вторыхъ, что, въ виду земледѣльческой механики. есть способы, съ одной стороны удешевить производство удобренія, съ другой увеличить урожайность; но именно только въ виду. Весьма возможно, что они и будутъ осуществлены на дѣлѣ, но пока они только составляютъ достояніе науки и разработаны слишкомъ недостаточно, чтобы на нихъ строить какіе либо соображенія относительно насущныхъ затрудненій. Лучшее храненіе и пользованіе удобреніемъ и уходъ за почвой даетъ возможность увеличить пространства хлѣбныхъ засѣвовъ; но это еще не удешевитъ единицы хлѣба. Оно должно, въ тоже время, поднять урожаи. Положимъ, оно сдѣлаетъ и это; но во что обойдется послѣднее и лучшій уходъ за почвой, сохраненіе почвеннаго азота и пр.:—это вопросы, которыми, прежде всего, должна бы была заняться дѣйствительно агрономическая наука и на которые у нея нѣтъ опредѣленнаго отвѣта, потомучто, какъ видѣли, самыя улучшенія въ разсматриваемомъ направленіи не опредѣлились еще съ достаточной точностью.

Если же обратимся къ практикѣ, то здѣсь большимъ вниманіемъ пользуются улучшенія чисто механическаго

характера. Оно и понятно, потомучто результаты ихъ гораздо опредѣленнѣе и осязательнѣе.

Во всякомъ случаѣ, тѣ улучшенія, которые возможны собственно въ практикѣ полеводства и удобренія, едва ли сами по собѣ могутъ вывести европейское земледѣліе изъ настоящаго затрудненія, а только, развѣ, въ связи съ удешевленіемъ самой работы.

Мы должны поэтому разсмотрѣть, что могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи механическія улучшенія. Ни въ какой отрасли производства они не примѣнялись такъ мало, какъ здѣсь. Причиной тому было прежде всего недостаточность исполнительныхъ механизмовъ для извѣстнаго рода работъ, Есть работы, съ которыми механика справилась давно и легко, какъ то: молотьба, вѣяніе; орудія пашни не ушли отъ стариннаго типа. Но всего несовершеннѣе были машины жатвенныя. Сложность работы, частая порча, недостатокъ мастеровъ на мѣстѣ для починки, были главными причинами, по которымъ эти механизмы совершенствовались и распространялись крайне медленно. Въ настоящее время онѣ доведены покрайней мѣрѣ до такого вида, который удовлетворяетъ болѣе или менѣе требованіе орудій практичныхъ. Земледѣлецъ можетъ пахать, боронить, сѣять, жать, косить, вязать, молотить, вѣять и сортировать— словомъ производить почти всѣ работы механическими исполнителями. Это значительно ускоряетъ работу, но и сберегаетъ еще зерно, ибо даетъ возможность тутъ же, на полѣ, вслѣдъ за жатвой, кончать всѣ остальныя работы до наполненія зерномъ мѣшковъ, безъ всякаго промедленія и потери зерна отъ разгрузки и другихъ причинъ.

Другое сбереженіе труда даютъ двигатели, предназначенные замѣнять работу животныхъ, паръ и электричество. Но паровая машина или локомобиль представляютъ, съ одной стороны, то же неудобство, какъ и всѣ сложные механизмы,—недостатокъ надлежащихъ средствъ для производства починокъ, съ другой, онъ стоитъ очень дорого и поэтому примѣнимъ только къ очень крупнымъ запашкамъ. Все это, однако, препятствія несущественныя. Ло-

комобиль и исполинскіе механизмы могутъ быть легко сдѣланы доступными и примѣняться въ болѣе мелкихъ хозяйствахъ. Для этого стоитъ только правительству или мѣстнымъ обществамъ принять на себя устройство мѣстныхъ станцій земледѣльческихъ орудій, которыя отпускали бы послѣднія мѣстнымъ хозяйствамъ, по найму, временно, для исполненія извѣстныхъ работъ, и которыя бы имѣли на мѣстѣ мастерскія для ихъ починки и персоналъ выученныхъ лицъ для руководства.

Не только частное хозяйство, но и общинное могло бы въ такомъ случаѣ пользоваться услугами машинъ, а крупныя селенія могли бы даже пріобрѣтать машины въ собственность и производить всѣ работы не врозь, какъ теперь, а сообща, т. е. производить одновременно вспашку всѣхъ клиньевъ и точно также жатву и всѣ остальныя работы. Этимъ способомъ даже община можетъ пользоваться, не разрушаясь, всѣми преимуществами болѣе крупнаго хозяйства.

Наконецъ, болѣе удобства, чѣмъ паръ, обѣщаетъ земледѣльческимъ работамъ электричество. Можно предвидѣть поэтому, что не такъ далеко время, когда рабочее животное исчезнетъ почти вовсе изъ употребленія болѣе цивилизованныхъ странъ и даже паровые двигатели замѣнятся болѣе совершенными и удобными электрическими, получающими энергію изъ центральной станціи и потому допускающіе всякій размѣръ, отъ простого одиночнаго велосипеда до цѣлыхъ вагоновъ. Вопросъ только въ томъ, насколько работа такихъ механизмовъ будетъ выгоднѣе работы животныхъ и человѣческихъ рукъ.

Грубый отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ американскихъ цѣнахъ. Р. Мейеръ вычисляетъ, что Сѣверная Америка могла въ 80-хъ годахъ доставлять въ Англію пшеницы по 32 — 35 шил. за квартеръ; въ 90-хъ — по 23—31 шил. Въ Ливерпулѣ же, — говоритъ онъ, — пшеница стоитъ 26 шил. и мѣстные фермеры не жалуются. Америка представляетъ намъ образецъ страны, болѣе всего работающей машинами.

Цѣна 31—23 шил. за квартеръ составляетъ отъ 9,72 до 7,22 руб. за четверть. Если этой цѣной довольствуется, работая машинами и при дорогой рабочей платѣ, американскій фермеръ и, тѣмъ болѣе, ею довольствуется ливерпульскій фермеръ, работающій также машинами и также при болѣе высокой рабочей платѣ, то, конечно, съ ней тѣмъ болѣе долженъ быть въ состояніи справиться прусскій хозяинъ, если онъ прибѣгнетъ къ столь же совершенной обработкѣ и такому же примѣненію машинъ, какое имѣетъ мѣсто въ Англіи и Америкѣ. Если же онъ въ этомъ не успѣваетъ, то или потому, что не пользуется тѣми болѣе совершенными способами обработки въ надлежащей степени, въ чемъ не виноваты американскія цѣны, или же, что означенная цѣна, оплачивая стоимость производства, не оплачиваетъ той ренты, какую онъ хочетъ получить, иными словами, что цѣна земли оказывается слишкомъ дорогою для этой цѣны хлѣба. И что же тутъ удивительнаго. Если хлѣбъ дешевѣетъ, то неизбѣжно должна падать и рента, ибо она является только слѣдствіемъ вздорожанія хлѣба. Искать средствъ противъ такого явленія совершенно излишне, потому что эти средства давно испытаны и общество отъ нихъ, слава Богу, только что удалилось. Средства эти: крѣпостное право и рабство, при которыхъ трудъ обработки землевладѣльцу еще дешевле, чѣмъ теперь. Вотъ, если бы прусскому юнкерству вернуть блаженныя времена права первой ночи, тогда оно, можетъ быть, и могло бы поспорить съ американскимъ хлѣбомъ. Но пока въ этомъ оно еще не успѣло, какъ стоятъ вещи, теперь, очевидно, есть разница между возможностью вести этотъ споръ для прусскаго земледѣлія и для прусскаго юнкерства.

Ренты земля можетъ не выносить при настоящихъ цѣнахъ, но это не мѣшаетъ земледѣлію все-таки продолжаться, что оно и будетъ, вѣроятно, дѣлать. И что это за такое зло, что хлѣбъ дешевѣетъ. Казалось бы, этому можно только радоваться, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ только существуетъ человѣчество, главная бѣда, которую оно

слишкомъ хорошо сознавало, заключалась въ томъ, что хлѣбъ былъ для него слишкомъ дорогъ. Большаго доказательства своего права на общее признаніе цивилизація не могла уже представить, какъ дойти до удешевленія хлѣба въ XIX столѣтіи; а вотъ теперь, германскіе ученые ставятъ вопросъ, какой хлѣбъ выгоднѣе — дорогой или дешевый, и серьезно его разработываютъ. Дешевый хлѣбъ вреденъ для *ренты*, и только, но для людей онъ всегда былъ, есть и будетъ выгоднѣе.

Я уже указалъ на то, что земельная рента явилась искусственнымъ продуктомъ рабства и могла окрѣпнуть до возможности держаться, не нуждаясь въ постороннихъ искусственныхъ подпоркахъ, только благодаря постепенному удешевленію рукъ и вздорожанію хлѣба. Для того, чтобы понять это, нужно произвести безпристрастно два примѣрные разсчета. Разсчитайте, во что обратится четверть ржи или вообще опредѣлите величину расхода, въ какомъ угодно нормальномъ хозяйствѣ, оплачивая рабочіе дни, пѣшіе и конные, по существующимъ цѣнамъ. Опредѣлите доходъ съ хозяйства по цѣнамъ, какія считались возможными (до кризиса), и вы получите чистый доходъ или ренту, равную X рублямъ. Теперь сдѣлайте подсчетъ тому, во что вамъ обходится ваше существованіе въ теченіе рабочаго дня, т. е., что будетъ стоить вамъ самимъ рабочій день, что онъ стоитъ самому рабочему, что стоитъ самому рабочему конный день. Вы увидите, что онъ самому рабочему стоитъ дороже, и что рабочій не покрываетъ его стоимости. Поэтому и выходитъ, что рента получается лишь потому, что рабочему не уплачивалась дѣйствительная стоимость его содержанія. Рента представляла въ такомъ случаѣ не чистый доходъ, какъ ее несправедливо называли, а просто налогъ на рабочую плату въ пользу землевладѣльцевъ — остатокъ феодальныхъ порядковъ и крѣпостного права, державшійся послѣ уничтоженія послѣдняго.

Освобожденный рабочій, во всей Европѣ, работалъ лучше крѣпостного и вознаграждался такъ же, но все-таки

вознаграждался впроголодь. Самая его работа была поэтому, если не полуработа, то нѣчто вродѣ этого. Во всякомъ случаѣ онъ не могъ равняться американскому рабочему, получающему значительно высшую плату. Такой порядокъ не могъ назваться нормальнымъ и потому, что же удивительнаго, если онъ сталъ измѣняться. Можно было даже навѣрно предсказать, что, рано или поздно, это должно было случиться. Между тѣмъ, возвышеніе рабочей платы, не смотря на увеличившееся населеніе, сперва въ Англіи, а потомъ на континентѣ, указывается, какъ одна изъ причинъ кризиса. Если его вызвало развитіе промышленности, то тѣмъ болѣе чести послѣдней; но можно думать, что тому причиной могло быть развитіе самаго рабочаго; что Тюненъ былъ правъ, когда писалъ, что рабочая плата повысится, когда рабочій станетъ образованнѣе. Но есть и еще одна причина, и самая главная, почему, рано или поздно, долженъ былъ совершиться переломъ въ этомъ направленіи. Рабочая плата должна была подняться, потомучто наемный рабочій выгоднѣе полурабочаго и повышенная плата выгоднѣе для самаго предпринимателя.

Обработывающая промышленность это поняла и потому стала отвлекать рабочихъ отъ земледѣлія. Въ виду такого факта, юнкерское землевладѣніе безсильно. Оно должно подчиниться обстоятельствамъ или повысить также рабочую плату и отказаться отъ прежнихъ выгодъ. Оно можетъ говорить о своихъ правахъ на прибыль и ренту, но не вправѣ взимать въ свою пользу никакихъ налоговъ. Это не согласуется болѣе съ государственнымъ строемъ, гдѣ налоги взыскиваются исключительно на нужды государства. Поэтому же, насколько современный кризисъ обусловливается вздорожаніемъ рукъ, онъ долженъ былъ дать себя знать, помимо всякаго американскаго хлѣба. Помимо этого, для оцѣнки его угрожающихъ размѣровъ, слѣдовало бы поставить весьма естественный вопросъ, какое же количество ввоза хлѣба потребуется для того, чтобы болѣе или менѣе дѣлать невозможнымъ земледѣліе въ Западной Европѣ.

Профессоръ Ходскій приводитъ слѣдующій разсчетъ стоимости производства пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ Департаментомъ Земледѣлія въ 1893 году:

	Долар съ акра.	Метал. руб съ 1 дес.
Земельная рента	2,81	9,94
Удобреніе	2,16	7,64
Обработка почвы	1,87	6,62
Сѣмена	0,96	3,40
Посѣвъ	0,37	1,30
Сборъ	1,19	4,21
Молотьба	1,20	4,24
Храненіе	0,37	1,3
Расходы по сбыту . . .	0,76	2,69
	11,69	41,34

Средняя цѣна хлѣба при этомъ, въ 1893 году, не покрывала такого расхода. По этой цѣнѣ весь сборъ оцѣнивался въ 6,16 дол., при чемъ получался убытокъ 5,53 дол. съ акра или 19,56 металл. руб. съ десятины. Такой убытокъ покрывается и здѣсь, только, если исключить ренту и удобреніе и уменьшить на половину расходы по сбыту. Откуда видимъ, что въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ земледѣліе окупается только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ земля не требуетъ удобренія и не несетъ никакой ренты или крайне ничтожную; такъ что, можетъ быть, не далеко то время, когда Соединенные Штаты начнутъ сами питаться привознымъ хлѣбомъ. И въ настоящее время хлѣбъ выгодно производить только по окраинамъ. Но если не могутъ производить хлѣбъ съ выгодой американскіе фермеры, то не могутъ и прусскіе; даже, если бы они освободились отъ ренты. Все это, конечно, въ томъ случаѣ, если приведеннымъ даннымъ Департамента земледѣлія можно придавать рѣшающее значеніе.

Признаюсь, въ подобныхъ вопросахъ, средніе выводы внушаютъ мнѣ всегда нѣкоторое опасеніе. Такъ, оказы-

вается, что въ дѣйствительности тѣ же расходы колеблятся отъ 7,48 до 28,81 дол., а рента 1,5 до 5,5 дол. и расходъ по улучшенію почвы др. 1,63 — 11,84 дол. Но я полагаю, что тамъ, гдѣ рента, и расходы на улучшеніе, тамъ и сборъ другой и слѣдовательно доходъ другой, при той же цѣнѣ хлѣба. Слѣдовательно терпятъ убытокъ не всѣ фермы поголовно; а есть такія, которыя его терпятъ, а которыя нѣтъ. Тѣ, которыя его терпятъ, предпочтутъ его не терпѣть и сами покупать чужой хлѣбъ; а это уменьшитъ вывозъ хлѣба изъ Штатовъ.

По даннымъ, которыя приводитъ проф. Ходскій:

Общее количество зернового хлѣба:

	Производятъ.	Избытокъ	Потребленіе.
Россія и Польша . . .	284	+38	246
Франція	118	—12	130
Германія	121	—14	135
Австро-Венгрія	108	+ 3	105
Соединенное королев. .	55	—42	97
Италія	39	— 3	42
Румынія	24	+10	14
	749	51—71=20	769

Весь недостатокъ собственнаго хлѣба европейскихъ государствъ равняется 71 милл. четвертей, изъ которыхъ 51 милл. покрываютъ Россія, Румынія и Австро-Венгрія.

Британской Индіей	5 мил.
Соединенными Штатами . . .	24 »
Канада	3 »
Аргентина	2 »
Австрія	2 »

При относительной лишь достовѣрности этихъ данныхъ, общая сумма ввозимаго въ Европу хлѣба можетъ считаться соотвѣтствующей недостатку собственнаго. Во всякомъ случаѣ хваленый ввозъ неевропейскаго хлѣба оказывается крайне незначительнымъ и почти весь падаетъ

на Соединенные Штаты. Да и весь недостатокъ Западной Европы въ собственномъ хлѣбѣ не составляетъ 10% ея производства.

Представьте же себѣ теперь, что вслѣдствіе паденія цѣнъ, Англія, Франція и Германія прекратили производство собственнаго хлѣба; вѣдь тогда придется ввезти не 70 милліонновъ, а 750 милліоновъ четвертей. — Когда же Аргентина, Канада, Австралія и Индія покроютъ этотъ спросъ, если присоединить сюда даже Сибирь, Лаплату и Бразилію. Исполненіе такой задачи, во всякомъ случаѣ, погребуетъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго европейское земледѣліе волей или неволей должно будетъ продолжаться.

Но мы видимъ, что уже и теперь вывозъ 24 милл. четвертей становится не подъ силу Соединеннымъ Штатамъ, и то же, съ еще большимъ основаніемъ, мы должны сказать о Россіи, которая вывозитъ то, чего не доѣдастъ ея собственное населеніе; такъ что, дальнѣйшее снабженіе Европы хлѣбомъ должно будетъ, по всей вѣроятности, производиться на счетъ вывоза такихъ государствъ, гдѣ эта операція начинаетъ только развиваться или даже не началась вовсе. Настоящее паденіе цѣнъ и кризисъ можетъ быть вызванъ конкурренціею такихъ странъ, которыя вывозятъ, несмотря на то, что сами голодаютъ и которыхъ благоразуміе заставляло бы воздержаться отъ подобной конкурренціи.

Я думаю поэтому, что несмотря на свое критическое положеніе не только европейское земледѣліе будетъ продолжаться, но что оно можетъ увидѣть еще болѣе веселые дни и недостатокъ предложенія, если два такіе поставщика какъ Россія и Соединенные Штаты, сократятъ свой вывозъ. Устраненіе такихъ поставщиковъ въ Европу хлѣба явнымъ образомъ отсрочитъ упадокъ европейскаго земледѣлія. Уже теперь, разсуждая о будущемъ ввозѣ, имѣютъ ввиду Канаду, Южную Америку и Азіатскую Россію вмѣсто Европейской и Соединенныхъ Штатовъ. Аргентинскій и Австралійскій хлѣбъ—это только первыя ласточки совершенно естествен-

наго процесса. Отъ Европы же зависитъ такъ регулировать свои посѣвы, чтобы не испытывать быстрыхъ колебаній цѣнъ. Вся задача—въ приспособленіи къ обстоятельствамъ.

А эти обстоятельства представляютъ замѣчательную правильность. Оказывается, что въ двухъ странахъ, являющихся главными поставщиками хлѣба въ Европу, въ Россіи и Соединенныхъ Штатахъ и урожаи и стоимость производства хлѣба почти одинаковы.

Выше мы привели стоимость производства 1 десятины пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ. Если исключить изъ нея ренту, удобреніе и накладные расходы по продажѣ и храненію, то эта стоимость опредѣлится въ 20 рубляхъ. Варзаръ считаетъ для Соединенныхъ Штатовъ 29,57 руб.. для Новороссійскихъ губерній 26,2 руб., Юго-западныхъ 23,2 и Центральныхъ земледѣльческихъ 22,38, въ среднемъ почти 24 р. Такимъ образомъ, крайности сходятся. Россія представляетъ страну съ наиболѣе первобытной формой земледѣлія; Америка—съ наиболѣе культурной; въ первой имѣется дешевизна рукъ и отсутствіе машинъ, во второй обратное. Поэтому тамъ, гдѣ машина менѣе всего устраняетъ личный трудъ, какъ-то при приготовительныхъ работахъ — вспашкахъ, бороненіи, число рабочихъ рукъ требуется тамъ и здѣсь то же; напротивъ, тамъ, гдѣ машина пріобрѣтаетъ перевѣсъ, разница въ рабочихъ дняхъ выходитъ значительнѣе.

Вотъ таблица Варзара:

	Россія.		Соед. Штаты	
	кон. день.	пѣш.	кон.	пѣш.
Запашка, бороненіе, посѣвъ	3	4	2	3
Уборка		6	½	½
Обмолотъ, очистка и пр.. .		6	1/10	1½
	3	16	2,6	5

Что касается урожаевъ, то средній для Америки 57 пудовъ, для Россіи 45 пудовъ съ десятины.

Для приготовительныхъ работъ, нѣтъ почти разницы въ дняхъ; для остальныхъ она бросается въ глаза.

Если принять въ разсчетъ, что рабочая плата въ Америкѣ составляетъ 10 дол. въ мѣсяцъ или 240 кредитныхъ рублей въ годъ, а въ Россіи 60 руб. кредитныхъ въ годъ, то умножая показанія для Америки на 4, увидимъ, что разница для уборочныхъ работъ пропадетъ, ибо получится для Россіи $6+6=12$ рабочихъ дней, для Америки $3.4=12$, приготовительныя же работы въ Россіи будутъ $3+4=7$ днямъ, въ Америкѣ $8+12=20$ днямъ; въ общей же сложности, стоимость производства 1 десятины въ Россіи 19, въ Америкѣ 32 д., то есть дороже почти на половину. Но, такъ какъ въ то же время урожаи американскіе относятся къ русскимъ какъ $\frac{57}{45}$, то стоимость 1 пуда зерна въ Россіи $\frac{19}{45}=0{,}4$ дней, въ Америкѣ $\frac{32}{57}=0{,}55$ дней.

Однако, по своду Комитета Министровъ, приготовительныя работы для Россіи выходятъ гораздо дороже, именно: 7,25 пѣшихъ и 8,5 конныхъ дней, всего 15,75 вмѣсто 7. Если принять эту норму, то и для Россіи стоимость одного пуда окажется не $\frac{19}{45}$ дня, а $\frac{27{,}75}{45}$, то есть, то же, что и для Америки. Но нормы Ком. Мин. вѣроятнѣе. Это подтверждаютъ и показанія извѣстной книги Московскаго Общества сельскихъ хоз., которая для пшеницы требуетъ 9,8 конныхъ дней, изъ коихъ 8,6 дней на приготовительныя работы и 24 пѣшихъ дней, изъ коихъ почти 23 дня на уборочныя работы. Такъ что, на приготовительныя работы приходится всего 10 дней вмѣсто 7. Кромѣ того остается вопросомъ, вѣрно ли взяты нормы приготовительныхъ работъ Варзаромъ для Америки. Не уменьшилъ ли онъ просто на просто на половину свои русскія нормы.

Поэтому сдѣлаемъ другое сравненіе: мы привели выше стоимость обработки I десятины въ Америкѣ на основаніи данныхъ Амер. Д-та Земледѣлія; она оказалась равной 41,34 руб. съ рентой и удобреніемъ. По даннымъ нашего Д-та Земледѣлія, стоимость обработки пшеничной десятины съ рентой для черноземной полосы колеблется между 32—

54 рублями, что составитъ въ среднемъ 43 рубля; для нечерноземной полосы между 39 и 47 или тоже 43 рубля. Это сравненіе также показываетъ, что серьезной разницы въ стоимости обработки въ Россіи и Америкѣ нѣтъ и что дѣйствительно, повидимому, правило Тюнена оправдывается на практикѣ съ поразительной вѣрностью. Зона производства хлѣбовъ совершенно правильно отступаетъ все далѣе и далѣе къ окраинамъ и должна будетъ перейти неизбѣжно и окончательно за предѣлы Соединенныхъ Штатовъ на западѣ, и за предѣлы Европейской Россіи на востокѣ. Начало такого перехода и дало себя знать первыми подвозами Аргентинскаго хлѣба. Дальнѣйшаго развитія этого процесса задержать нельзя никакими способами, да и было бы безсмысленно лишать населеніе болѣе дешеваго хлѣба потому только, что ничтожной его части придется поступиться прежней рентой.

Но вѣдь то же происходитъ со всѣми предпріятіями вслѣдствіе изобрѣтенія новыхъ способовъ, проведенія новыхъ путей и пр., лишающихъ прежней заработной цѣны населеніе. Повторяю, удешевленіе хлѣба есть величайшее торжество XIX вѣка, и тѣмъ болѣе, что вліяніе ввозимаго хлѣба сказывается вовсе не такъ быстро. Мы уже ясно показали, что, въ виду количества потребляемаго хлѣба, какъ бы великъ ни былъ ввозъ, о прекращеніи мѣстнаго земледѣлія смѣшно было бы думать. Очевидно, что оно можетъ лишь настолько уменьшиться, чтобы уменьшившееся предложеніе удерживало цѣну хлѣба въ границахъ, достаточныхъ для оплаты расходовъ по производству, и общей нормы прибыли на капиталъ въ различныхъ предпріятіяхъ. Если же не только хлѣбъ дешевѣетъ, но и рабочая плата возвышается, то и это какъ нельзя болѣе нормально и къ лучшему, ибо земледѣліе получитъ наконецъ не голоднаго полуработника, болѣе убыточнаго, не смотря на его дешевизну, противъ сытаго работника, а полнаго работника, что будетъ выгоднѣе и для нанимающагося, и для предпринимателя. Наконецъ, изъ вышеизложеннаго оказывается также, что затрудненія, которыя испытываетъ земледѣліе

западной Европы и преимущественно въ Германіи, берутъ свое начало не на одномъ привозѣ болѣе дешеваго хлѣба, а кроются точно также наполовину въ историческомъ прошломъ тѣхъ же западныхъ государствъ, въ болѣе дешевой рабочей платѣ, которая могла длиться, только пока развитіе фабричнаго производства тамъ, гдѣ оно явилось, не подняло цѣнъ на рабочія руки и спроса на трудъ. Для Германіи или Пруссіи это время наступило позже, чѣмъ для другихъ. Поэтому переживаемый здѣсь аграрный кризисъ находится въ такой же связи съ удешевленіемъ ввозимаго хлѣба, сколько и съ ея собственнымъ усиленнымъ промышленнымъ развитіемъ за послѣдне время. Съ этой стороны однако затрудненія, которыя вызываетъ повышеніе рабочей платы, должны быть болѣе кажущимися, ибо, съ повышеніемъ рабочей платы, улучшается самое качество работы, какъ мы указали выше. Выгода замѣны полуработника полнымъ работникомъ давно понята и Англіей, и Америкой, и ее не понимаютъ только отсталые прусскіе хозяева.

Во всякомъ случаѣ, удешевленіе хлѣба и увеличеніе ввоза чужеземнаго должно будетъ имѣть несомнѣнно еще одно полезное вліяніе. Оно должно будетъ такъ или иначе привести къ преобладанію хозяйствъ наиболѣе выгодныхъ по размѣру, то-есть, къ распространенію хозяйствъ средняго размѣра и упраздненію, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. Послѣднія прежде всего должны будутъ ощутить на себѣ угнетающее вліяніе ввозимаго хлѣба и его удешевленія.

Это заставляетъ насъ ранѣе, чѣмъ покончить съ европейскимъ земледѣліемъ, остановиться еще на одномъ мнѣніи, высказанномъ по его поводу и притомъ въ защиту крупныхъ хозяйствъ.

Мы видѣли въ послѣдней главѣ, что успѣхи, которые предствляются возможными въ земледѣльческой техникѣ, пока еще далеко не осуществлены, а только намѣчены и притомъ довольно еще неопредѣленно; что самое земледѣліе не доведено на континентѣ до степени совершенства,

возможной при извѣстныхъ уже пріемахъ, и что это объясняется двумя различными, одинаково затрудняющими совершенствованіе культуры, причинами.

Къ числу причинъ перваго рода относится удешевленіе хлѣба, вслѣдствіе ввоза его изъ мѣстъ болѣе дешеваго производства. Мы сказали, что это вліяніе можетъ продолжаться еще довольно долго, судя по пространству еще свободныхъ земель за предѣлами Европы. И пока оно будетъ продолжаться, европейское хлѣбопроизводство должно будетъ или сокращаться, или волей-неволей примѣняться къ дешевымъ цѣнамъ, изыскивая для того средства въ удешевленіи производства. Одно изъ первыхъ и главныхъ къ тому средствъ составляетъ возможный выборъ наиболѣе выгодной хозяйственной единицы. Но эта возможность и затрудняется здѣсь причинами другого рода, которыя можемъ назвать вполнѣ психическими: съ одной стороны, слѣпой привязанностью крестьянъ къ какой ни на есть земельной собственности, порождающей чрезмѣрное дробленіе хозяйствъ; съ другой, такой же слѣпой привязанностью крупныхъ владѣльцевъ къ самостоятельному хозяйству. Первая повсемѣстна; но вліяніе ея особенно сильно во Франціи, гдѣ исторически образовалось и большее число мелкихъ собственниковъ. Вторая главнымъ образомъ существуетъ въ восточной Германіи.

Во Франціи крупный собственникъ давно разочаровался въ своемъ хозяйствѣ; сталъ дробить свои земли на арендные участки, сдаваемые въ наемъ мѣстнымъ крестьянамъ. Въ Пруссіи, напротивъ, онъ выбивается изъ силъ и полагаетъ, что государство должно быть готово на всякія пожертвованія въ ущербъ потребителей, для сохраненія незыблемости крупныхъ хозяйствъ. Между тѣмъ, если обратиться къ конечнымъ результатамъ тѣхъ и другихъ привязанностей, то выходитъ всетаки, что не только германскій, но и французскій крестьянинъ начинаютъ сознавать, не смотря на всю свою привязанность къ землѣ, что при ея недостаточности, не смотря даже на арендныя дополненія, при удешевленіи просто привознаго хлѣба,

мелкое хозяйство становится слишкомъ невыгоднымъ. Крестьяне забрасываютъ свои участки на руки женщинъ и стариковъ и бѣгутъ на фабрики, гдѣ рабочая плата даетъ большее обезпеченіе. Это происходитъ и во Франціи и въ Германіи, которая выписываетъ уже сельскихъ рабочихъ изъ Польши.

Что же касается крупныхъ хозяевъ, то они все болѣе и болѣе закладываютъ свои имѣнія и притомъ повсемѣстно, такъ что, если это будетъ продолжаться впредь, то, въ концѣ концовъ, большинство земель окажется въ сущности собственностью банковъ, а владѣльцы приказчиками послѣднихъ. И потому, для избѣжанія такого конца, имъ остается, какъ бы то ни было, одно средство—это послѣдовать примѣру Англіи, отказаться отъ собственнаго хозяйства и разбить свои земли на арендные участки той величины, какой требуютъ мѣстныя условія. Этимъ вѣроятно и кончатъ прусскіе аграріи. Мало-по-малу хозяйственные расчеты сломятъ предразсудки и психологію юнкерства. Нужно прибавить однако, что то упорство, съ которымъ до сихъ поръ аграріи придерживаются своихъ хозяйствъ, поддерживаютъ отчасти въ нихъ писатели, мало повидимому имѣющіе съ ними общаго. Типическимъ представителемъ ихъ служитъ Кауцкій. Соображенія ихъ основываются впрочемъ не столько на хозяйственныхъ причинахъ, сколько на слѣпой вѣрѣ въ догму капиталистическаго процесса, который, поглотивъ обрабатывающую промышленность, долженъ какъ будто неизбѣжно поглотить и земледѣльческую. Сочинилъ такую догму еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія нѣмецкій эмигрантъ изъ евреевъ Карлъ Марксъ, и Кауцкій, его послѣдователь употребляетъ поэтому всѣ усилія, чтобы доказать преимущество и въ земледѣліи крупнаго хозяйства. Эти преимущества по его мнѣнію слѣдующія:

1) Чѣмъ больше площадь земли, тѣмъ меньше сравнительно границъ и тѣмъ менѣе теряется труда и земли на пограничныя устройства. Для того, чтобы огородить 50 участковъ въ 0,2 гектара нужно затратить въ 7 разъ больше

труда и матерьяла, чѣмъ для огороженія участка въ 10 гектаровъ. При участкѣ въ 10 гектаровъ теряется земли на межи 2,5 аръ (1/100 гект.), а на 50 участковъ состявляетъ вмѣстѣ 10 гект. 18 аръ.

2) При обработкѣ мелкихъ полей подъ пашню и засѣвъ теряется сравнительно больше труда, чѣмъ при обработкѣ крупныхъ, т. к. такая потеря происходитъ при всякомъ поворотѣ плуга или сохи, а такіе повороты будутъ чаще на мелкихъ участкахъ.

3) Статистика показываетъ, что въ мелкихъ хозяйствахъ больше молотилокъ приходится на то же пространство, чѣмъ въ крупныхъ. Въ 1883 году, на каждые 1.000 гектаровъ, было паровыхъ и другихъ молотилокъ въ хозяйствахъ отъ 2—100 гект. 13,28, болѣе 100 гект.—2,01.

Крафтъ (Landus Betriebslehre) говоритъ, что машины могутъ вполнѣ окупаться при обработкѣ слѣдующаго пространства пашни:

Конный плугъ при . . .	30 гект.
Рядовая сѣялка	70 »
Паровая молотилка . . .	250 »
Паровой плугъ.	1000 »

На 100 хозяйствъ 1894 года приходилось въ Германіи:

Хоз площ. гект	Машины вообще.	Паров. плуговъ.	Сѣялокъ.	Жатвен машинъ.	Молот. паров	Молот. друг.
до 2	2,03	0	0,46	1,01	1,08	0,49
отъ 2— 5	13,81	0	1,29	0,6	5,2	6,56
» 5— 20	45,8	0,01	4,08	6,68	10,95	31,89
» 20—100	78,79	0,1	7,69	6,93	16,6	64,69
болѣе 100	94,16	5,29	57,32	31,75	61,22	60,53

То же нужно сказать о рабочей силѣ: двухлемежный плугъ, при 1 пахарѣ и 3 лошадяхъ дѣлаетъ ту же работу какъ 2 простыхъ при, 2 лошадяхъ каждый, и 2 работникахъ. Трехлемежный, при 1 работникѣ и 4 лошадяхъ, работаетъ, какъ 3 простыхъ при 3 рабочихъ и 6 лошадяхъ.

По переписи въ Германіи въ 1883 году на 100 гектаровъ земли приходилось подъ сельскохозяйственной культурой:

Велич. хозяйства.	Лошадей.	Воловъ.	Коровъ.
2—100 гект.	111	101	451
свыше	75	60	137

Въ Великобратаніи на каждые 1000 акровъ приходилось:

Акры	Лошадей.	Рогатаго скота.
1— 5 . . .	72	395
5— 20 . . .	58	336
20— 50 . . .	54	284
50— 100 . . .	49	242
100— 300 . . .	43	196
300— 500 . . .	37	153
500—1000 . . .	32	113
свыше 1000 . . .	24	81

Только въ крупныхъ хозяйствахъ возможно вполнѣ спеціализировать трудъ. Хозяинъ и работникъ должны исполнять всѣ работы въ маленькомъ хозяйствѣ; корова должна давать молоко и работать и давать приплодъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о приспособленіи породъ и корма къ спеціальнымъ потребностямъ. Кромѣ того, совмѣстныя работы производительнѣе, чѣмъ въ одиночку во время жатвы. Употребляя разныхъ лицъ для возки, разгрузки, нагрузки и кладки въ скирды, получится вдвое больше успѣшной работы, чѣмъ, если каждый изъ того же числа лицъ занятъ всѣми этими работами.

Крупный хозяинъ всегда скорѣе мелкаго найдетъ себѣ руководителя, обладающаго научными агрономическими познаніями. Наконецъ, ему доступнѣе кредитъ, къ его услугамъ банки; тогда какъ мелкій хозяинъ долженъ занимать у мелкихъ ростовщиковъ и даже кабатчиковъ. Крупный хозяинъ все покупаетъ въ большомъ размѣрѣ у болѣе серьезныхъ торговцевъ и продаетъ такъ же, тогда какъ

мелкій покупаетъ все въ розницу и имѣетъ дѣло съ мелочными лавочниками, поэтому платитъ за все дороже, а продаетъ все дешевле, чѣмъ крупный и т. д.

Всѣ эти преимущества столь неоспоримы, что я привожу ихъ списокъ цѣликомъ. Но они принадлежатъ не однимъ только крупнымъ хозяйствамъ, а также хозяйствамъ средняго размѣра. Ими можетъ уже пользоваться хозяинъ 100 и даже менѣе гектаровъ. Далѣе, настолько же справедливыми остаются положенія, высказанныя Тюненомъ, что, по мѣрѣ возрастанія площади хозяйства, единица хлѣба обходится все дороже; такъ что, при извѣстной величинѣ хозяйственной площади, безполезная потеря работы, вслѣдствіе увеличивающагося разстоянія полей отъ усадьбы, должна поглощать всѣ выгоды, которыя представляютъ болѣе крупныя хозяйства. Откуда и выходитъ, что наиболѣе выгодными должны быть хозяйства, площадь которыхъ не превышаетъ извѣстнаго размѣра, то-есть, какъ я говорилъ съ самаго начала, и какъ это указываетъ статистика, хозяйства средняго размѣра. Но вотъ что еще важнѣе. Читая Каутскаго, можно думать, что онъ на самомъ дѣлѣ защищаетъ крупныя хозяйства. На страницѣ 85 (русское изданіе) однако узнаемъ, что интенсивное хозяйство можетъ занять все время научно образованнаго агронома и быть ведено по всѣмъ правиламъ на 80—100 гектарахъ, а менѣе интенсивное на 100—125 гектарахъ. Откуда слѣдуетъ, что преимущества крупныхъ хозяйствъ, которыя разумѣлъ Каутскій, перечисляя эти преимущества, вовсе уже не такъ велики и во всякомъ случаѣ не могутъ идти въ параллель съ акціонерными предпріятіями обрабатывающей промышленности. Еще далѣе онъ сознаетъ, что крупное крестьянское хозяйство можетъ превосходить болѣе крупное хозяйство дворянское. Но крупное крестьянское превосходитъ мелкое крестьянское и крупное дворянское мелкое дворянское. Чтобы понять эту простую истину не нужно писать книгъ, ибо никто никогда не отрицалъ ее. Только для защиты марксизма этого далеко не достаточно. Нужно доказать, что въ земле-

дѣліи, какъ въ промышленности, производство тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ оно крупнѣе. А между тѣмъ у читающаго остается то впечатлѣніе, какъ будто за крупнымъ хозяйствомъ остаются такія выгоды и преимущества, которыя обѣщаютъ имъ блестящую будущность, что вполнѣ согласуется съ желаніемъ самихъ аграріевъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказывается, выгоды перечисляемыя Кауцкимъ, относятся вовсе не къ крупному, а къ тому же среднему хозяйству. Не того совершенно требовала теорія Маркса, которой думалъ слѣдовать Кауцкій.

Конечно мысль о томъ, что капиталистическая форма должна охватить точно такъ же земледѣліе, какъ и обрабатывающую промышленность, принадлежитъ прежде всего Марксу, и Кауцкій только повторяетъ его слова. Нужно же это Марксу не для чего другого, какъ для того, чтобы работникъ на Западѣ былъ доведенъ до крайняго положенія. Но вотъ со времени такихъ проповѣдей прошло достаточно времени и на дѣлѣ не оказывается вовсе тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидалъ Марксъ, а нѣчто противное. Положеніе рабочаго не только не становится все хуже и хуже, а напротивъ все лучше и лучше на западѣ. Рабочая плата возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ рабочій становится образованнѣе—какъ этого и ожидалъ Тюненъ. Средства существованія и удобства, по мѣрѣ развитія культуры, становятся дешевле и доступнѣе. Такъ называемый эксплоататоръ начинаетъ понимать, что для него самого, полный работникъ или рабочій сытый и обезпеченный выгоднѣе полуголоднаго, полуодѣтаго полуробочаго. И всетаки положеніе рабочаго оказывается лучше всего въ Англіи и Америкѣ и хуже всего въ той же Германіи и еще хуже въ ея польской части и это, при развивающейся культурѣ, не можетъ быть иначе.

Я думаю поэтому, что въ западной Европѣ совершается медленное переустройство земледѣльческаго хозяйства примѣнительно къ раціональнымъ требованіямъ, но, что при этомъ дѣйствительность не можетъ не считаться съ воззрѣніями и предразсудками унаслѣдованными. Это переустрой-

ство направлено, въ настоящее время, къ преобладанію хозяйственныхъ единицъ средняго размѣра. Какое направленіе можетъ принять это переустройство въ будущемъ, какой величины единичное хозяйство окажется наиболѣе выгоднымъ впослѣдствіи—объ этомъ, въ настоящее время, ничего сказать нельзя. Можно только замѣтить, что при этомъ нельзя избѣжать большаго или меньшаго округленія земельныхъ владѣній, потомучто такое округленіе даетъ возможность дробить земли на мелкія арендныя или хозяйственныя единицы, какія окажутся болѣе соотвѣтствующими условіямъ времени и мѣста, при чемъ, конечно, безразлично, составляетъ ли округленное владѣніе собственность частныхъ лицъ, какъ въ Англіи, или принадлежатъ обществамъ, или наконецъ казнѣ.

Скорѣе можно опасаться совсѣмъ другого. Крупныя акціонерныя компаніи могутъ образоваться дѣйствительно; но не для заведенія крупныхъ хозяйствъ, а для скупки земель въ значительныхъ размѣрахъ для монополизаціи, такъ сказать, земельной собственности и эксплуатаціи земель черезъ ихъ сдачу по частямъ въ аренду, участками того размѣра, который окажется всего выгоднѣе. Этимъ путемъ земли настоящихъ владѣльцевъ могутъ дѣйствительно перейти въ руки сильныхъ спекулятивныхъ компаній, отъ которыхъ собственно сельскій хозяинъ и труженникъ будетъ поставленъ въ полную зависимость. Тогда должно будетъ произойти то же, что случилось въ той же Германіи съ желѣзными дорогами. Правительства должны будутъ выкупать земли отъ частныхъ компаній для освобожденія ихъ отъ чисто спекулятивныхъ рукъ, совершенноненужныхъ земледѣльческому производству. Этотъ то конецъ, кажется, слѣдовало бы теперь же имѣть въ виду.

Пока все это не даетъ себя чувствовать, потомучто и самостоятельныя хозяйства, болѣе крупнаго размѣра, могли вестись въ той же Пруссіи до послѣдняго времени, и капиталы запада находили себѣ помѣщеніе въ массѣ мѣстныхъ предпріятій и въ массѣ иностранныхъ. Но накопленіе

капиталовъ, какъ извѣстно, въ крайне бережливой Европѣ идетъ быстрѣе открытія новыхъ способовъ ихъ приложенія и вообще требованія на капиталъ: Процентъ на капиталъ падаетъ все болѣе, и наконецъ можетъ упасть до того, что помѣщеніе капитала въ земли станетъ выгоднѣе всякаго другого, въ смыслѣ не только обезпеченности, но и арендной платы или чистаго дохода. Нужно думать поэтому, что Правительства поступили бы правильно, если бы они, въ этихъ видахъ, пришли на помощь частному землевладѣнію и предупредили бы переходъ земли въ руки спекулятивныхъ компаній, пріобрѣтая таковыя, въ случаѣ ихъ продажи, за свой счетъ. Этимъ было бы достигнуто двѣ цѣли: во-первыхъ, была бы оказана поддержка нуждающимся землевладѣльцамъ, вынужденнымъ продать по какимъ либо причинамъ, накопившимся ли долгамъ, семейнымъ раздѣламъ или просто вслѣдствіе неудобства продолжать хозяйство. Во-вторыхъ, земледѣльческое производство не было бы болѣе связано хозяйственными единицами случайнаго размѣра; ибо отъ правительства зависѣло бы дробить земли на такія фермы или арендныя единицы, какія, по условіямъ мѣста и времени, были бы всего раціональнѣе и конечно измѣнять ихъ на томъ же основаніи. Кромѣ того ему только было бы вполнѣ доступно и возможно прибѣгать для рѣшенія практическихъ вопросовъ, а въ томъ числѣ и опредѣленія наиболѣе соотвѣтствующихъ единицъ размѣра хозяйствъ, устраивать въ каждомъ раіонѣ опытныя станціи или хозяйства, которыя служили бы проводниками въ частныя хозяйства всѣхъ новѣйшихъ улучшеній и вообще раціональныхъ основаній земледѣлія. Подобныя станціи, относясь прямо къ данному раіону, имѣли бы, не какъ нынѣ заводимыя, болѣе платоническій или академическій характеръ; а могли бы служить примѣромъ для частнаго веденія хозяйственнаго круговорота, кончая продажей зерна и опредѣленія чистой прибыли. Какъ на самомъ дѣлѣ разрѣшится настоящее положеніе сельскаго хозяйства на западѣ Европы,—это покажетъ конечно практика будущаго.

Глава. V.

Перехожу къ земледѣлію въ Россіи. До освобожденія крестьянъ, положеніе земледѣльческаго хозяйства въ Европейской Россіи представляло много общаго съ тѣмъ, какое мы видѣли въ Англіи въ XIII столѣтіи. Здѣсь существовало, кромѣ того же крѣпостнаго или барщиннаго способа обработки, то же общинное пользованіе землей и тотъ же передѣлъ пашни приблизительно пополамъ между крестьянами и владѣльцемъ. Разница была развѣ въ томъ, что у насъ общинное пользованіе распространялось только на великорусскія земли; въ западной же части Россіи существовало владѣніе подворное.

Въ свое время много спорили о происхожденіи общиннаго владѣнія. Одни гордились этимъ институтомъ, считая его чисто славянскимъ, хотя у болѣе чистокровныхъ славянъ его то и не оказывалось. Другіе приписывали общинѣ чисто административное и фискальное происхожденіе, связанное съ удобствомъ круговой поруки. Но вскорѣ изслѣдованія англійскихъ ученыхъ открыли ту же общину въ начальномъ быту Индіи и многихъ народностей, не исключая самой Англіи, что значительно понизило ея фонды въ глазахъ идеалистовъ; но зато установило на нее болѣе вѣрный взглядъ. Общинное владѣніе перестало быть реликвіей. Тѣмъ не менѣе законодатель, не безъ основанія, не желая производить какихъ либо насилій при освобожденіи крестьянъ, оставилъ общинную форму тамъ, гдѣ она существовала, безъ измѣненія. Такимъ образомъ и по освобожденіи крестьянъ и по настоящее время у насъ существовали и продолжаютъ существовать обѣ формы пользованія землей со стороны крестьянъ и реформа только выдѣлила изъ общаго состава земель ту ихъ часть, которой отнынѣ не могъ касаться владѣлецъ (помѣщикъ, казна и пр.), и другую, которой не могли пользоваться крестьяне безъ особаго согласія владѣльца и которая должна была составить окончательную собственность владѣльцевъ, за выкупомъ земли отведенной крестьянамъ.

Хотя самый выкупъ былъ произведенъ средствами правительства, въ принципѣ онъ считался выкупомъ, произведеннымъ за счетъ крестьянъ, которые и должны были постепенно возмѣстить издержки казнѣ. Подъ вліяніемъ гуманныхъ воззрѣній и вообще для предупрежденія развитія пролетаріата въ случаѣ безземельнаго освобожденія, полагалось самымъ правильнымъ обратить крестьянина въ собственника, чѣмъ сразу достигались двѣ вещи: крестьянинъ пріобрѣталъ извѣстную матеріальную обезпеченность и потому не могъ терпѣть той нужды и зависимости, какой подвергался безземельный рабочій, а государство пріобрѣтало въ земледѣльческомъ населеніи массу консервативно настроенныхъ производителей.

Все это однако не помѣшало, въ концѣ концовъ, вещамъ принять то общее направленіе, какое земледѣльческое хозяйство получило ранѣе на западѣ. Община и подворная форма, повидимому, не оказывали никакого вліянія на положеніе хозяйства. Какъ крестьянскія земли обрабатывались плохо до освобожденія и въ подворныхъ и въ общинныхъ мѣстахъ, такъ же одинаково было положеніе крестьянскаго земледѣлія, и въ тѣхъ, и въ другихъ и послѣ. Земельное обезпеченіе крестьянъ не вездѣ достаточное уже съ самаго начала, должно было, съ увеличеніемъ населенія, неизбѣжно утратить болѣе или менѣе реальное значеніе и нужно было ожидать, что часть крестьянъ станетъ по неволѣ сдавать въ аренду или продавать участки, не достаточные для правильнаго хозяйства; болѣе же богатые односельчане станутъ ихъ скупать и заарендовывать. Это должно было случиться тѣмъ скорѣе, что съ освобожденіемъ крестьянъ совпала усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и возникновеніе соотвѣтствующихъ заводовъ. Это должно было поднять спросъ на руки и способствовать къ переходу крестьянъ въ разрядъ простыхъ рабочихъ, за которыми, отъ прежней самостоятельности, оставалось развѣ только право на уголъ, и то только иногда. Недостаточно обезпеченный землей, крестьянинъ бѣднѣлъ и рядомъ съ нимъ нарождался болѣе счастливый кулакъ.

Что касается землевладѣльца, то онъ утраталъ не только рабочаго, которымъ могъ прежде пользоваться съ большимъ произволомъ, но главное, утратилъ съ нимъ и рабочій инвентарь, ибо прежде онъ обрабатывалъ свою землю крестьянскими лошадьми, сбруей и орудіями и возилъ на крестьянскихъ телѣгахъ, а теперь приходилось заводить все это, или платить вдвое. Для этого нуженъ былъ капиталъ, который можно было пріобрѣсти только залогомъ имѣнія или продажей выкупныхъ свидѣтельствъ.

Проще было и продать выкупныя свидѣтельства и заложить имѣнія и всетаки, не заводя инвентаря, сдать землю въ аренду тѣмъ же крестьянамъ. Это еще болѣе способствовало обогащенію болѣе счастливой части крестьянскаго населенія и окончательному обѣдненію помѣщиковъ.

Въ суммѣ, однако, долженъ былъ совершиться, мало-по-малу, тотъ же медленный процессъ переустройства, какой совершился на западѣ. Владѣльческое хозяйство, если не исчезло совершенно, то стало исчезать безостановочно. Часть крестьянъ оставляла хозяйство и обращалось въ поденщиковъ; часть богатѣла на счетъ бѣднѣйшихъ крестьянъ и владѣльцевъ и часть же крестьянъ продолжала обрабатывать землю только ради насущнаго пропитанія.

Намъ остается теперь только описать этотъ процессъ въ его подробностяхъ и выяснить самыя доли богатѣющихъ и бѣднѣющихъ и пр.

По свѣдѣніямъ извѣстнаго Свода Комитета Министровъ, общее населеніе Европейской Россіи равнялось въ 1892 г. 89,15 милліонамъ душъ обоего пола; въ томъ числѣ крестьянъ 67,7 мил.; такъ что крестьянское населеніе составило почти 80%. Изъ остальныхъ 20 мил. душъ или 20% общаго населенія, 11,5 мил. составляло уѣздное населеніе сверхъ крестьянъ. Слѣдовательно городское населеніе равнялось всего 9 мил. душамъ обоего пола и составляло 9% всего населенія.

Общее пространство территоріи 50 губерній Европейской Россіи равнялось, безъ водъ 4,24 мил. квадратныхъ верстъ или 451 мил. десятинъ. Изъ нихъ у крестьянъ земли:

Надѣльныя.	125			
Купленныя.	5			
Арендуемыя	11			
	141	милл. дес.	или	35%
У владѣльцевъ . . .	96	» »	»	26%
Казны и удѣловъ. .	130	» »	»	34%
	367			

Такъ что собственно культурная площадь составляетъ почти 80% общей территоріи безъ водъ.

Изъ надѣльной земли, у крестьянъ числилось:

Подъ пашней	74,3	милл. дес. изъ нихъ подъ посѣвомъ 47 мил д.
Усадебной. .	5	
Луговой. .	17	
Выгона . . .	14,7	
Лѣса	14	

Или пашня занимала почти $^3/_4$ надѣльной площади. Луга и выгоны 20%, а усадьбы и огороды 5%.

Подъ посѣвъ занималось около $^2/_3$ пашни, что и отвѣчало среднему трехпольному хозяйству.

У владѣльцевъ земля распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Пахатная.	29,6
Усадьбы и огороды . .	1,2
Луговъ	11,35
Выгоны	12,8
Лѣса	41
	96

Если отбросить излишекъ лѣсовъ противъ крестьянскихъ надѣловъ и принять здѣсь пространство лѣсовъ, какъ у крестьянъ, равнымъ пространству выгоновъ, то-есть, 13 мил. дес., то здѣсь будетъ: подъ пашней $\frac{30}{68} = 44\%$, лугами и выгономъ 35% и менѣе 1% подъ усадьбами. Такимъ образомъ здѣсь отношеніе между пашней, лугами и

выгонами выходитъ совершенно другое и несравненно болѣе благопріятное, чѣмъ у крестьянскихъ надѣловъ. Откуда само собой понятно, что и урожаи у помѣщиковъ должны были быть иные, чѣмъ у крестьянъ. Изъ такихъ предварительныхъ данныхъ, уже само собой становится очевидно, что для поднятія уровня крестьянскихъ хозяйствъ усматривается само собою одно прямое средство—это увеличить пространство выгоновъ. Но, такъ какъ такой передѣлъ произвести довольно затруднительно, а при общинномъ пользованіи и едва ли возможно, то естественно крестьяне прибѣгаютъ къ арендѣ ближайшихъ владѣльческихъ земель или участковъ своихъ односельчанъ, что уже конечно можетъ удаваться только болѣе зажиточнымъ и въ исключительныхъ случаяхъ.

Понятно, что, недостаточно надѣливъ крестьянъ выгонами и лѣсами, реформа вмѣстѣ съ тѣмъ лишила крестьянскія хозяйства возможности получать достаточное количество удобренія, для правильнаго хозяйства и повышенныхъ урожаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предрѣшила неизбѣжное обѣднѣніе извѣстной доли крестьянъ. Понятно, что въ исправленіи такого рода вещей и можетъ только заключаться настоящее средство поставить крестьянское хозяйство на надлежащій уровень, что и старается сдѣлать самое крестьянство, покупая и арендуя ближайшія земли.

Я разсмотрю теперь отдѣльно, съ одной стороны владѣльческія,;а съ другой, крестьянскія хозяйства. Начну съ первыхъ. Если обратиться къ географическому распредѣленію двухъ различныхъ способовъ пользованія землей со стороны землевладѣльцевъ, а именно, самостоятельному веденію хозяйствъ или сдачей земель крестьянамъ въ аренду или изполу, или изъ части урожая, то увидимъ въ этомъ отношеніи извѣстную правильность.

Весь центръ Европейской Россіи, черноземной и нечерноземной, пересталъ вести самостоятельное хозяйство. Сюда входятъ губерніи: Новгородская, Тверская, Псковская, Костромская, Владимірская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Черниговская, Тамбовская, Пензен-

ская, Симбирская, Нижегородская и часть Саратовской, Уфимской и Казанской. Самостоятельныя хозяйства встрѣчаются еще въ небольшомъ числѣ, въ двухъ наиболѣе центральныхъ губерніяхъ этого района: Московской и Ярославской, а также отчасти и Петербургской. Площадь такого района составитъ, если не считать трехъ послѣднихъ губерній, 21 мил. десятинъ изъ 96 мил., а съ губерніями сѣверными: Архангельской, Олонецкой и Вологодской 23 мил. десятинъ или почти 24% всей владѣльческой площади.

Къ этому центральному ядру примыкаетъ сравнительно меньшій районъ смѣшанныхъ способовъ пользованія, составляющій, какъ бы переходъ отъ центра къ окраинѣ, гдѣ начинаютъ преобладать самостоятельныя хозяйства. Это губерніи: Витебская, Смоленская, Могилевская, сѣверная часть Харьковской и Воронежская — всего около 8 мил. десятинъ или около 8% владѣльческой площади.

Районъ самостоятельныхъ хозяйствъ составляютъ слѣдовательно остальные 68% владѣльческой площади.

Сюда входятъ губерніи, начиная съ Петербургской, прибалтійскія; западныя: Виленская, Ковенская, Гродненская; югозападныя: Кіевская, Подольская, Волынская; южностепыя: Хорсонская, Таврическая, Екатеринославская и южные уѣзды Харьковской губерніи. Что же касается приволжскихъ губерній, то здѣсь весьма немногіе землевладѣльцы ведутъ свое собственное хозяйство, а сдаютъ свои земли участками съемщикамъ, по большей части изъ крестьянъ.

Въ частности числится въ

Губерніи.	Число владѣльцевъ тыс	Колич земли мил д.	Количество пашни мил д.
1) Прибалтійскія.	7,9	3,92	0,7
2) Западныя (Виленская, Ковенская, Гродненская Минская)	38	8,6	1,87
3) Юго-западныя (Кіевская, Подольская, Волынская). . .	22,3	6,2	2,6
4) Южныя Степныя (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская)	24,4	10,2	3,1
Всего. . .	92,66	29,92	8,27

Общее число владѣльцевъ, для Европейской Россіи, равняется 172 тысячамъ. Поэтому оказывается, что собственное хозяйство ведетъ всего 50% общаго числа владѣльцевъ или ½, остальные сдаютъ землю въ аренду. Самостоятельныя хозяйства занимаютъ 27% или немного менѣе ⅓ общей площади владѣльческихъ земель, а если исключить половину хозяйствъ западныхъ, составляющихъ хозяйства лѣсныя, то и еще менѣе. Въ нихъ не болѣе ⅓ пашни или 8 мил. десятинъ, которыя, главнымъ образомъ, и работаютъ на европейскій рынокъ. Но если изъ 29 мил. десятинъ даже исключить ¼ подъ дороги и усадьбы, то остается 22 мил. десятинъ, изъ коихъ подъ пашней только 8 мил. Слѣдовательно пашни занимаютъ 36% удобной земли, а ⅔ остается подъ выгонами и пр. Отсюда видно, что, если землевладѣльческія хозяйства даютъ недостаточные урожаи, то конечно не по недостатку кормовой земли.

Что касается обработки, то въ прибалтійскихъ губерніяхъ она производится постоянными рабочими, живущими въ имѣніяхъ. Въ западныхъ губерніяхъ хозяйства только наполовину земледѣльческія, и въ нихъ даже преобладаютъ хозяйства лѣсныя, большая же часть рабочихъ уходитъ на заработки. Въ губерніяхъ юго-западныхъ существуетъ, какъ и въ прибалтійскихъ, болѣе интенсивная культура и къ постояннымъ рабочимъ прибавляются поденщики.

Наконецъ, въ губерніяхъ южныхъ, обработка производится пришлыми рабочими.

Рабочія платы представляютъ извѣстную правильность. Онѣ выше всего въ губерніяхъ Остзейскихъ, Петербургской губерніи и Новгородской, а также въ южныхъ и Бессарабіи, гдѣ онѣ колеблются отъ 75 и до 104 руб. и составляютъ въ среднемъ для Остзейскихъ губерній около 85 руб.

Затѣмъ слѣдуютъ платы промышленнаго московскаго района—въ среднемъ 75 руб. (губ. Московская, Ярославская, Владимірская, Костромская и Тверская). А изъ земледѣльческихъ губерній волжскихъ и восточныхъ окраинъ: въ Ниже-

городской, Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, а также Воронежской, Харьковской и Полтавской, средняя рабочая плата отъ 57 до 60 руб. въ годъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ рабочая плата 52 рубля и наконецъ въ юго-западныхъ, гдѣ рабочія руки дешевле всего, она вообще ниже 50 рублей и колеблется отъ 43 до 50 рублей.

Такимъ образомъ, рабочая плата оказывается всегда ниже въ мѣстахъ болѣе ранняго и густого заселенія, то есть, въ центрѣ и западныхъ и юго-западныхъ окраинахъ. Она выше всего въ позже заселявшихся, на югѣ и востокѣ, а изъ болѣе густо заселенныхъ мѣстъ тамъ, гдѣ успѣла развиться промышленность. Эти данныя показываютъ, что, если степень заселенія и вліяетъ понижающимъ образомъ на цѣну труда, то только при томъ же видѣ культуры, и съ развитіемъ промышленности, цѣны на трудъ возрастаютъ. Это и вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ на западѣ Европы за послѣднее время.

Теперь мы видимъ, что самостоятельное хозяйство перестало вестись во всемъ центрѣ, гдѣ рабочая плата приближается къ 75 рублямъ и перестаетъ вестись наполовину тамъ, гдѣ эта плата падаетъ ниже 50 рублей и даже до 40. Это конечно не даетъ намъ еще права утверждать, чтобы въ одномъ уровнѣ рабочихъ платъ и заключалась вся причина прекращенія самостоятельныхъ хозяйствъ въ упомянутыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что самостоятельныя хозяйства существуютъ при высшихъ платахъ, не только въ районѣ южнаго чернозема еще невыпаханнаго, но даже въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 1890 году Департаментъ Земледѣлія издалъ довольно интересный сводъ стоимости производства съ 1 десятины различныхъ хлѣбовъ, составленный на основаніи записей мѣстныхъ владѣльцевъ (Сельско-хоз. свѣдѣнія вып. III). Разсмотримъ, какіе получаются результаты, если воспользоваться приведенными тамъ данными.

Стоимость обработки 1 десятины ржи, по Своду Департамента Земледѣлія, въ рубляхъ:

1) Районъ самостоятельныхъ хозяйствъ	Всѣ расходы кромѣ удобренія и общихъ.	Удобреніе.	Общіе.	Всего.	Средня заработн. плата
Прибалтійскія. .	20,17	9,5	6,08	35,75	85
Юго-Западныя. .	18,98	2,8	5,08	26,86	44
Южныя степныя	18,22	—	3,47	21,69	88
Западныя. . . .	14,03	6	3,83	23,86	42
2) Районъ гдѣ самостоятельныхъ хозяйствъ не существуетъ болѣе.					
Промышленныя .	19	7,33	2,94	29,27	75
Сѣверныя черноз.	10,76	3,63	4,17	14,39	52
Восточныя и Волжскія. . .	12,17	3,5	3,66	19,33	58

Изъ этихъ данныхъ видно, что тамъ, гдѣ существуетъ болѣе интенсивная культура, сохранились и хозяйства, несмотря на высокую стоимость обработки, которая доходитъ до 35,75 и 26,23 руб. съ десятины, тогда какъ они прекращаются въ сѣверной черноземной полосѣ, уже при расходѣ на 1 десятину въ 19 и 14,4 рублей съ десятины. Этого явленія нельзя объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ плохими сборами.

Если приведемъ предыдущія данныя къ тремъ отдѣламъ высокихъ, среднихъ и низкихъ цѣнъ на работу, тополучимъ:

Отдѣлъ высокой рабочей платы.	Рабочая плата годовая.	Обработка 1 десят.
Прибалтійскія	85	35,75
Южныя степныя	88	21,69
Промышленныя	75	29,27
Средняя. . . .	83	29
Отдѣлъ средней рабочей платы.		
Сѣверныя черноземныя .	52	14,39
Волжскія и восточныя. .	58	19,33
Средняя. . . .	55	17

*

Отдѣлъ низкой рабочей платы	Рабочая плата годовая.	Обработка 1 десят
Юго-Западныя . . .	44	26,26
Западныя	42	23,86
Средняя. . . .	43	25

Видимъ также, что хозяйства прекратились тамъ, гдѣ стоимость обработки 1 десятины составляетъ всего 17 рублей, тогда какъ продолжаются тамъ, гдѣ эта стоимость равняется 25 и даже 36 рублямъ. Объяснять это ошибочностью показаній Департамента Земледѣлія не имѣемъ основанія, ибо то же должно оказаться, если взять данныя г. Анненскаго (привед. въ изд. М. Ф., о вліяніи хлѣбн. цѣнъ), которыя немного разнятся отъ данныхъ Департамента. Если раздѣлить рабочую плату на стоимость обработки 1 десятины, то получимъ число десятинъ, которое можетъ обработать одинъ работникъ.

Въ 1-мъ отдѣлѣ, дорогихъ рабочихъ платъ. (Прибалтійскихъ и Южныхъ) $\frac{83}{29}=2{,}8$ дес.

Во 2-мъ, среднихъ рабочихъ платъ . . . . . $\frac{55}{17}=3{,}2$ »
(Сѣверныхъ черноземныхъ и Волжскихъ).

Въ 3-мъ, низкихъ рабочихъ платъ . . . . . $\frac{43}{25}=1{,}7$ »

Теперь можемъ уже видѣть, что культура всего небрежнѣе должна быть въ сѣверной черноземной полосѣ, то-есть, центрѣ оскудѣнія, гдѣ на одного рабочаго полагается болѣе всего десятинъ; даже на югѣ, гдѣ не требуется удобренія, на 1 работника полагается менѣе 3-хъ десятинъ. Въ юго-западныхъ же губерніяхъ, менѣе двухъ десятинъ. Показанія Департамента Земледѣлія многіе находятъ преувеличенными, однако г. Анненскій, въ извѣстномъ изданіи Министерства Финансовъ «о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ», приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. Замѣчая, что не всѣ земли удобряются въ размѣрѣ, показанномъ въ сводѣ Департамента Земледѣлія, онъ приходитъ къ болѣе скромнымъ стоимостямъ обработки, но, это однако не измѣняетъ сущности дѣла.

Приведемъ его данныя:

Районъ самостоятельныхъ хозяйствъ	Стоимость обработки 1 десят рубли
Петербургская	30,75
Прибалтійскія	20,25
Юго-западныя	18,72
Западныя	13,7
Южныя степныя	19,5
Районъ гдѣ самостоятельныя хозяйства отсутствуютъ.	
Промышленныя	20,86
Сѣверныя черноземныя . .	11,38
Волжскія	12,67

Если расположить эти стоимости обработки по тремъ отдѣламъ рабочей платы, получимъ также:

Отдѣлъ высокой платы	Рабочая плата рубли	Стоимость обработки рубли
Прибалтійскія	85	20,25
Южныя степныя	88	19,02
Промышленныя	75	20,86
Средняя. .	84	20

Отдѣлъ средней рабочей платы.	Рабочая плата.	Стоимость обработки 1 десятины.
Сѣверныя черноземныя .	52	11,38
Волжскія и восточныя .	58	12,67
Средняя. .	55	12
Отдѣлъ низкой рабочей платы.		
Юго-западныя	44	18,72
Западныя	42	13,7
Средняя. .	43	16,2

Опять видимъ, что хозяйство исчезаетъ тамъ, гдѣ обработка всего дешевле, то-есть, 12 рублей и существуютъ тамъ, гдѣ она обходится отъ 16—20 рублей. На 1 работ-

ника приходится въ первой полосѣ 4,2 десятины; во второй—4,6; въ третьей—2,7, то-есть больше всего въ оскудѣвшемъ центрѣ и меньше всего въ юго-западныхъ и западныхъ. Слѣдовательно и данныя Анненскаго точно также указываютъ на небрежную обработку, какъ причину бездоходности и, вслѣдствіе этого, исчезновенія самостоятельныхъ хозяйствъ въ центральной полосѣ.

Если обратиться къ урожаямъ, то, сопоставляя сводную таблицу Анненскаго изъ различныхъ оффиціальныхъ показаній (приложенную ко второму тому изд. Министерства Финансовъ: «Вліяніе урожаевъ»...) съ Сводомъ Департамента Земледѣлія, получимъ слѣдующіе сравнительные результаты урожаевъ въ четвертяхъ, съ десятины:

Губерніи, гдѣ самостоятельное хозяйство прекратилось.	По своду изъ Департамента Земледѣлія (среднее 1883—1888).	Анненскій (1883—1893).
Промышленныя	8,5	4,8
Сѣверныя черноземныя . .	7,74	4,7
Приволжскія и восточныя .	7	4,2
Губерніи, гдѣ самостоятельное хозяйство продолжается.		
Южныя степныя	7,85	4,4
Прибалтійскія	9,25	7,1
Западныя	7	4
Юго-западныя	10,2	5

Первый рядъ относится къ показаніямъ помѣщичьихъ имѣній, отъ которыхъ получены были свѣдѣнія; поэтому эти показанія естественно выше. Цифры же свода Анненскаго вѣроятно ближе подходятъ къ дѣйствительнымъ среднимъ урожая, для всѣхъ хозяйствъ. Но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, особенности отдѣльныхъ полосъ выступаютъ довольно наглядно.

Урожаи въ губерніяхъ, гдѣ ведется болѣе правильное хозяйство, то-есть, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ и Юго-западныхъ выше чѣмъ въ остальныхъ, хотя бы и въ черноземныхъ; и они вообще выше, чѣмъ въ губерніяхъ, гдѣ самостоятельное хозяйство прекратилось. Здѣсь они нигдѣ не доходятъ до нормы урожаевъ юго-западныхъ; и несмотря

на лучшую почву, приближаются скорѣе къ урожаямъ западныхъ имѣній, хозяйство которыхъ, при скудной почвѣ, на половину лѣсное и отчасти поддерживалось винокуреніемъ.

Сравнивая урожаи отдѣльныхъ черноземныхъ и нечерноземныхъ мѣстностей, получимъ слѣдующія данныя:

Юго-западныя . . .	10,2	5	Промышленныя	8,5
Южныя степныя . .	7,9	4,4	Приволжскія . .	7,4
Сѣверн. черноземныя	7,8	4,7	Западныя. . . .	7,4
Прибалтійскія . . .	9,25			

Изъ этихъ данныхъ можемъ, конечно убѣдиться въ томъ, что и безъ того несомнѣнно, что урожай выше тамъ, гдѣ сама обработка тщательнѣе. Но онѣ, въ то же время, говорятъ другое: что вообще степень удобренія земель, въ различныхъ полосахъ, весьма различна и въ однихъ хозяйство ведется болѣе тщательно и раціонально; въ другихъ менѣе или совсѣмъ небрежно и наконецъ дошло до того, что владѣльцы цѣлыхъ районовъ предпочли не вести сами хозяйствъ. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ о причинахъ такого явленія; и прежде чѣмъ искать его объясненія въ какихъ либо причинахъ побочныхъ или посторонних, не вытекающихъ изъ чисто хозяйственныхъ условій, нужно отвѣтить, на сколько издержки на болѣе интенсивное хозяйство не были бы убыточны тамъ, гдѣ оно до сихъ поръ не производится. Съ повышеніемъ урожаевъ повышаются и издержки не только по удобренію, но и по уборочнымъ работамъ. А потому, при той же цѣнѣ на хлѣбъ и руки, издержки возростаютъ быстрѣе урожаевъ. Поэтому, выгода отъ повышенія урожая имѣетъ свой предѣлъ, различный при различныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и руки. Но кромѣ того, предѣлъ, до котораго можетъ быть выгодно доводить урожаи, можетъ быть также различенъ, смотря по мѣстности. Онъ будетъ, конечно, абсолютно тѣмъ выше, чѣмъ выше цѣны на хлѣбъ и выше для тѣхъ мѣстностей, для которыхъ провозъ дешевле, или которые лежатъ ближе къ рынку. Для нашего землевладѣнія, работавшаго главнымъ образомъ на заграничную продажу, это условіе осо-

бенно важно. Можно одной тарифной ставкой уничтожить хозяйство въ любомъ краѣ, работающемъ для вывоза; точно также, какъ можно его и создать въ другомъ по произволу. То, что въ этомъ отношеніи сдѣлали желѣзныя дороги и механическія улучшенія передвиженія грузовъ, по истинѣ изумительно. Помимо всякихъ дифференціальныхъ ставокъ, улучшеніе способовъ сообщенія можетъ увеличить предложеніе хлѣба, увеличить число конкурирующихъ мѣстностей на данномъ рынкѣ и понизить цѣны. Наконецъ, цѣны могутъ понизиться и отъ другихъ причинъ. Отъ чего бы онѣ ни понизились—для хозяина безразлично, если пропорціонально не понижаются издержки производства; доходъ хозяина понижается и можетъ стать, наконецъ, отрицательнымъ. Цѣна на хлѣбъ, за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, на міровыхъ рынкахъ значительно упала; естественно, что и наши землевладѣльцы не могли получить прежнихъ доходовъ, если бы даже продолжали пользоваться крѣпостнымъ трудомъ и, что прежде всего, должны были пострадать хозяева, болѣе всего работавшіе на продажу, а изъ послѣднихъ наиболѣе отдаленные. Въ этомъ отношеніи хозяева южные и юго-западные и даже прибалтійскіе и часть западныхъ находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ хозяева центра и заволжскихъ губерній.

Очевидно, что вопросъ въ данномъ случаѣ—быть или не быть хозяйствамъ—можетъ рѣшить только чистый доходъ. Поэтому, возвращаясь къ даннымъ Департамента Земледѣлія, выпишемъ рядомъ средніе урожаи, цѣны за 1 пудъ и доходъ съ 1 десятины ржи:

	Урожаи въ четвертяхъ	Цѣна 1 п. (1885—1888)	Валовая доходность съ 1 дес., руб
Юго-западныя	10,2	48	44,16
Прибалтійскія . . .	9,2	81	81
Южныя черноземныя.	8,8	39,7	—
Промышленныя . . .	8,5	76,1	47,4
Южныя степныя . . .	7,8	49,4	44,16
Сѣверныя черноземныя .	7,7	39,93	23,84
Западныя	7	57,83	36,66
Восточныя и Волжскія .	6,2	41,56	23,24

Видимъ, что валовой доходъ всего меньше въ сѣверной черноземной полосѣ и Приволжскихъ и восточныхъ губерніяхъ, ровно какъ и цѣны на хлѣбъ. Если затѣмъ расположить тѣ же губерніи по чистому доходу, то получатся слѣдующія градаціи:

	Валовой доходъ въ рубл.	Цѣна за 1 пудъ въ копейкахъ	Расходъ на 1 десятину	Доходъ за вычетомъ издержекъ производства
Прибалтійскія . . .	81	81	35,75	45,25
Промышленныя. . .	47,40	76,1	29,27	18,13
Юго-западныя. . . .	44,16	48	26,86	17,3
Южныя степныя . .	44,16	49,4	21,69	22,47
Западныя	36,66	57,83	23,86	12,95
Сѣверн. черноземныя	23,84	39,93	14,39	9,45
Восточныя и Волжск.	23,24	41,56	19,33	3,31

Здѣсь уже совершенно ярко выступаетъ причина, почему владѣльческія хозяйства должны были прекратиться прежде всего въ центрѣ или въ губерніяхъ сѣвернаго черноземнаго района, Приволжскихъ и восточныхъ; такъ какъ здѣсь, и валовой, и чистый доходъ ниже, чѣмъ гдѣ либо.

Итакъ, главная причина оскудѣнія центра въ отношеніи землевладѣльческихъ хозяйствъ очевидна; если были другія, то онѣ могли только усилить дѣйствіе; но и безъ нихъ результатъ былъ бы тотъ же. Замѣчу, что привожу данныя Департамента Земледѣлія и считаю возможнымъ на нихъ основываться, потому что, въ данномъ случаѣ, совершенно безразлично, вѣрны ли онѣ абсолютно или нѣтъ. Легко допустить, что онѣ ошибочны, въ абсолютномъ смыслѣ. Но вѣдь, если одни показатели ошибались, то нѣтъ основанія допускать, чтобы другіе ошибались менѣе или болѣе первыхъ; если же допустить ту же степень погрѣшности или вѣроятности для всѣхъ показателей, то, сколько бы ни грѣшили, абсолютныя числа отношенія ихъ для различныхъ мѣстностей будутъ тѣ же; а слѣдовательно, степень относительной выгодности хозяйства въ различныхъ мѣстностяхъ опредѣлится вѣрно.

Вышеприведенные результаты станутъ еще ярче и нагляднѣе, если изъ приведеннаго валового дохода, кромѣ издержекъ производства, вычесть арендную плату. Получимъ:

	Доходъ за вычетомъ обработки, руб	Арендная плата съ 1 десят посѣва, руб.	Чистый доходъ, рубли
Прибалтійскія	45,25	11,6	33,65
Промышленныя . . .	19,3	6,86	12,44
Южныя степныя . . .	22,47	5,83	7,64
Юго-западныя	17,30	8,77	8,53
Западныя	12,95	3,66	8,29
Сѣверныя черноземныя	9,45	11,62	—2,17
Восточныя и Волжскія	3,31	6,66	—3,35

Видимъ, что чистый доходъ для послѣднихъ двухъ громадныхъ полосъ отрицательный и потому вполнѣ понятно, хозяйства здѣсь должны были естественно прекратиться. Но этого мало. Мы видимъ, что такое прекращеніе обусловливается, въ то же время значительной, не соотвѣтствующей доходности поземельной арендной платой; а потому владѣльцы, конечно, должны были поторопиться сдать свои земли въ аренду крестьянамъ. Это они должны были бы сдѣлать, даже, если бы арендная плата была ниже настоящей, не 11,62 рубля, а всего 9,45 руб. за десятину, ибо и тогда владѣлецъ получалъ бы безъ хлопотъ то же, что при собственномъ хозяйствѣ.

Отчего происходитъ такое ненормальное возвышеніе цѣнъ на земли въ то время, какъ поземельный доходъ собственно падаетъ и не оправдываетъ такого возвышенія— это другой вопросъ и въ данномъ случаѣ посторонній, ибо означеннаго возвышенія цѣнъ не было, хозяйство двухъ послѣднихъ мѣстностей всетаки находилось бы въ болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ остальныя и при неотвратимости пониженія на міровомъ рынкѣ цѣнъ на хлѣбъ, не могло бы, не только совершенствоваться и процвѣтать, становиться болѣе интенсивнымъ, но должно бы было всетаки прекратиться. Въ этомъ отношеніи, наше владѣльче-

ское хозяйство подмыла таже волна заокеанскаго хлѣба, которая стала угнетать и западныя. Бороться противъ этого вліянія какими либо искусственными мѣрами, совершенно наивно. Лучшее, что въ этомъ отношеніи могли сдѣлать наши землевладѣльцы, это сдать свои земли въ аренду и они это сдѣлали.

Обыкновенно, при всякомъ болѣе или менѣе общемъ затрудненіи, которое испытываетъ сельское хозяйство, начинаютъ рекомендовать общеизвѣстныя, банальныя средства: улучшеніе культуры, кредитъ и всякія льготы и пособія правительственныя; а такъ какъ эти рекомендаціи исходятъ обыкновенно изъ среды такихъ доброжелателей, которые мало знакомы съ настоящими причинами затрудненія и вообще съ сельскохозяйственной практикой, то и мѣры сплошь и рядомъ, не только не соотвѣтствуютъ цѣли, но прямо ведутъ только къ еще большимъ затрудненіямъ.

Улучшеніе культуры и кредитъ вещи хорошія, но только въ томъ случаѣ, если улучшеніе культуры полей оправдывается цѣнами на продуктъ, а слѣдовательно и заемъ денегъ на такое улучшеніе. Но, если цѣны на хлѣбъ не достаточны, то заведеніе паровыхъ плуговъ, производство дренажа и введеніе высшихъ системъ полеводства можетъ только окончательно раззорить хозяйство. Болѣе практическій изъ хозяевъ это, конечно, понимаетъ. Но разъ будетъ облегченъ кредитъ и доступъ къ различнымъ улучшеніямъ и пособіямъ; то одни воспользуются этими средствами для раззорительныхъ улучшеній; другіе просто потому, что соблазнительно легко стало полученіе денегъ. Въ результатѣ получится задолженность и раззореніе, которыхъ бы не было безъ кредита, и окончательный упадокъ хозяйства.

Сверхъ того, получится еще одно вліяніе, до сихъ поръ вовсе упускавшееся изъ вида. Разъ страна покрывается армадой земельныхъ банковъ, тогда тѣмъ самымъ облегчается покупка земель людьми безъ капитала или съ ничтожными капитальными средствами, только ради спеку-

ляціи. Спросъ на земли усиливается и усиливается, именно на заложенныя земли. Поэтому владѣлецъ, который желаетъ продать свою землю, воспользовавшись ростомъ цѣнъ, долженъ торопиться ихъ предварительно заложить. Такимъ образомъ, чѣмъ легче было закладывать земли, тѣмъ больше являлось на нихъ конкурентовъ; вслѣдствіе чего, цѣна на нихъ и могла становиться несоразмѣрно высокой, въ сравненіи съ доходностью. Кредитъ, вмѣсто улучшенія положенія хозяйствъ, способствовалъ не только увеличенію безъ всякой пользы задолженности землевладѣльцевъ, но и переходу имѣній въ руки, часто не имѣющія ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ —въ руки спекулянтовъ. Чѣмъ болѣе увеличивалось число конкурентовъ, тѣмъ становилось разсчетливѣе скупать заложенныя имѣнія, только ради перепродажи. Если спекуляторъ не перепродастъ землю въ цѣлости другому, то дѣлитъ ее на участки, которые, или продаетъ, или сдаетъ въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ. То же дѣлаютъ и задолжавшіе землевладѣльцы, которые вели ранѣе собственное хозяйство. Этимъ путемъ, положеніе земледѣлія приближается, въ концѣ концовъ, къ своей наиболѣе возможной, при данныхъ условіяхъ, формѣ хозяйственныхъ единицъ средняго размѣра, которыя ведутся самими крестьянами. Такую форму приняло и у насъ земледѣльческое хозяйство тамъ, гдѣ прекратились хозяйства владѣльческія, предварительно пройдя тѣ же мытарства въ опытѣ борьбы за существованіе, при помощи кредитныхъ и другихъ средствъ. Мы можемъ сказать поэтому, что земельные банки не принесли этимъ хозяйствамъ вовсе той пользы, которая ожидалась и развѣ помогли владѣльцамъ въ одномъ отношеніи,—это поддерживая спросъ и цѣны на земли; облегчили имъ расплату съ долгами и продажу съ выгодой тѣхъ же земель, то есть, ликвидацію хозяйствъ. Но они, въ то же время, вызывали все больше и больше задолженность частнаго землевладѣнія, на счетъ залога новыхъ имѣній.

О томъ, какъ развивалась наша земельная задолженность даютъ понятіе слѣдующія таблицы:

	Задолженность во всѣхъ учрежденіяхъ земельнаго кредита, включая дворянскій и крестьянскіи земельные банки, милл руб	Увеличеніе за 10 лѣтъ, милл руб
1867	99,6	21,9
1870	121,5	
1875	338,4	106,9
1880	461	122,6
1885	593,7	132,7
1890	928,4	334,7
1895	1.209,3	280,9
1900	1.650,4	441,1

И такъ, ипотечный долгъ на владѣльческихъ имѣніяхъ возросъ съ 1867 года, если исключить суммы, выданныя крестьянскимъ банкомъ, на: 1,650—170=1,480 милл. руб.

Это составляетъ долга на каждую десятину владѣльческихъ земель: $\frac{1480}{92}=16$ р. 10 к. Въ томъ числѣ, по Государственному Дворянскому Банку, и бывшему обществу Взаимнаго кредита приходится 600+70=670 милл. На банки: Петербургскій, Тульскій, Московскій, Ярославскій, Нижегородскій-Самарскій 135 милл. Ежегодное приращеніе все возростаетъ. Съ 7 милл. за 37 лѣтъ оно возросло собственно до 109 милл. въ годъ. Если вещи пойдутъ такъ далѣе, то понятно, что исчезнетъ не только владѣльческое хозяйство, но настоящимъ собственникомъ владѣльческихъ земель окажутся земельные банки. Землевладѣльцы же обратятся собственно въ ихъ даровыхъ приказчиковъ, собирающихъ платежи по банковымъ долгамъ. Уже теперь оно такъ и есть на половину; но пока только на поливину. Правда также, что пока земельнымъ банкамъ запрещено оставлять имѣнія за собой, но это ведетъ только къ другимъ злоупотребленіямъ и переходу имѣній, во всякомъ случаѣ, въ чисто спекулятивныя руки.

Обращаясь къ землевладѣнію крестьянскому, мы увидимъ, что здѣсь, на площади 141 милл. десятинъ, совершается свой процессъ переформировки отношеній, примѣ-

нительно къ новымъ условіямъ, всѣ частности котораго совершенно ясны. Освобожденіе надѣлило крестьянъ землей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достаточно; но, въ общемъ, вездѣ недостаточно въ отношеніи выгоновъ и лѣса; и потому можно было прямо предвидѣть, что должно было произойти, по истеченіи сорока лѣтъ. Душевые надѣлы должны были уменьшиться, пропорціонально увеличившемуся населенію. И тамъ, гдѣ они были только, что достаточны, стали недостаточными; а тамъ, гдѣ они были уже тогда малы, стали совершенно невозможными. Вслѣдствіе этого, часть крестьянскихъ хозяйствъ должна была прекратиться вовсе и ихъ земли перейти фактически, путемъ арендъ и пр., въ руки болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Поэтому, одновременно съ уничтоженіемъ мелкихъ хозяйствъ, здѣсь выдвинулись группы болѣе крупныхъ и обезпеченныхъ. Раньше болѣе обезпеченные, вслѣдствіе роста населенія, стали только, что прозябающими и едва себя прокармливающими. Такимъ образомъ, все крестьянское населеніе разбилось на три главныя группы: 1) бросившихъ хозяйство и обратившихся въ работниковъ, 2) группу только что себя прокармливающихъ и 3) группу богатѣющихъ—настоящихъ хозяевъ будущаго. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, какія могутъ быть приведены въ этомъ отношеніи, только приблизительны. Прямой опытъ распредѣленія хозяйствъ, по означеннымъ категоріямъ, былъ сдѣланъ только для нѣкоторыхъ уѣздовъ. Такъ, въ Елисаветградскомъ земствѣ получилось:

	Крестьянъ зажиточн.	Среднихъ.	Недостаточныхъ.
Бывшихъ государств. . .	8,6	27,4	64
Помѣщичьихъ	11	30,7	58,3
Военныхъ поселеній . .	11,5	37,1	51,4
	10%	32%	58%

Болѣе общія свѣдѣнія даетъ земская перепись 667 уѣздовъ 12 губерній (С.-Петербургская, Тверская, Новгородская, Вятская, Пермская, Смоленская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Тамбовская, Курская и Орловская):

	Дворовъ.	Въ %
Здѣсь найдено безлошадныхъ.	356,948	24,5
1—2 лошади	862,830	60
3 и болѣе	221,301	15

Эти данныя, съ одной стороны, прямо подтверждаютъ, что большинство хозяйствъ средняго размѣра и въ крестьянской средѣ; съ другой, что 24,5% хозяйствъ, въ дѣйствительности, не ведетъ болѣе земледѣльческаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ и сдаетъ свои земли въ аренду или обрабатываются руками сосѣдей. Это подтверждается и другими данными земской переписи, по которымъ, въ 12 губерніяхъ Европейской Россіи насчитывается 10% вовсе безхозяйственныхъ дворовъ и 23% обработывающихъ свои земли наймомъ или сдающихъ ихъ въ аренду. Наконецъ, въ изданіи Департамента торговли (О вліяніи урожаевъ и пр.), помѣщена таблица, въ которой сдѣланъ опытъ распредѣленія крестьянскихъ хозяйствъ Европейской Россіи по количеству земли, сборовъ на душу и числа душъ въ каждой категоріи. На основаніи этой таблицы, получаются слѣдующіе общіе выводы для трехъ категорій:

	Менѣе 19 пуд. на душу. мил	%	19—25,5 пуд мил	%	Болѣе мил	%
Въ черноз. полосѣ.	26,6	64	9,9	24,5	4,5	11,2
Въ нечерноземной.	19,35	81,7	3,16	13,3	1,2	5
По всей евр. Россіи	45,36	70,4	13	20,4	5,7	8,9

Въ частности тѣ же данныя для отдѣльныхъ группъ дають для полосъ:

	Менѣе 19 п. мил д.	19—25,5 п мил. д	Болѣе мил д
	Въ % общаго населенія		
Сѣверныя черноземныя . .	76	15,4	8,6
Среднія и Юго-западныя .	69	20	11
Промышленныя.	88	8,7	2,8
Западныя и Сѣверо-западн.	89	9,5	1,5
Восточныя и Юго-восточн..	60	29	11

Изъ этихъ данныхъ выходитъ, что собственно обезпечены, въ достаточномъ количествѣ, не болѣе 30% крестьянъ, если считать нормой обезпеченія 19 пудовъ, что равняется 2 четвертямъ. На самомъ дѣлѣ, русскій крестьянинъ довольствуется меньшей нормой и она дѣйствительно различна, смотря по достаткамъ. Однако за низшую норму обезпеченія, при которой возможно только существовать, самые нещедрые статистики принимаютъ все таки 13 пудовъ на душу. Если сдѣлать разсчетъ распредѣленія по этой нормѣ, то получится слѣдующій результатъ:

Полосы.	Только 13 п на душу въ %	13—21 п	Болѣе	Всего душъ въ м	Въ % общаго населенія
Сѣверныя черноз. .	38	56	5	11,93	19
Среднія черноземн. и Юго-западныя .	34	38	28	12	19
Промышленныя . .	39	57	4	6,96	10,5
Западныя и сѣверо-западныя	40	58	2	8,46	12
Восточныя, и юго-восточныя и сѣверо-восточныя	31	33	36	18,4	27,6
Южныя степныя . .	20	16	64	4,66	7
Сѣверныя	99	—	1	1,76	4,9

Итакъ, абсолютно необезпеченныхъ отъ голодовокъ по всей Россіи, отъ 30 до 40%, кромѣ южныхъ степныхъ, гдѣ всетаки не обезпечено 20%. Только, что защищенныхъ отъ голодной смерти, но всетаки не обезпеченныхъ отъ 33—58%, кромѣ отчасти Южно-степныхъ, гдѣ число послѣднихъ составляетъ 16%. Въ суммѣ, необезпеченныхъ 66—98%, смотря по мѣстностямъ; и затѣмъ вполнѣ обезпеченныхъ, съ избыткомъ, отъ 28 до 2%. Болѣе всего обезпечены крестьяне Южно-степныхъ губерній, гдѣ число обезпеченныхъ достигаетъ 64%; но они составляютъ всего 7% общаго населенія. Болѣе другихъ обезпечены крестьяне Юго-Западныхъ губерній и Среднихъ черноземныхъ, Восточныхъ и Юго-Восточныхъ губерній. Менѣе всего—кре-

стьяне Западныхъ, Промышленныхъ и Сѣверныхъ черноземныхъ губерній. Въ суммѣ, если умножимъ процентныя числа обезпеченныхъ, въ каждой полосѣ, на соотвѣтствующія же доли населенія, въ общемъ составѣ всего населенія европейской Россіи, и затѣмъ сложимъ такія произведенія, то получимъ слѣдующіе результаты:

	% обезпеченныхъ въ полос.	Населен полосъ въ % общаго	Въ общемъ населеніе обезпечен занимаетъ %
Сѣверныя черноземныя .	5	19	0,9
Юго-западныя и среднія черноземныя	28	19	5
Промышленныя	4	10,5	4,2
Западныя	2	12	0,2
Восточныя и юго-восточныя	36	27,6	9,9
Южныя степныя	64	7	4,5
Сѣверныя	1	4,9	0,05
Всего . . .			20,75

Итакъ, изъ общаго состава населенія Европейской Россіи обезпечены собственно хлѣбомъ всего 20%; остальные 80% не обезпечены. Въ томъ числѣ абсолютно необезпеченныхъ, получающихъ менѣе, чѣмъ необходимо для того, чтобы существовать:

Въ сѣверной черноземной.	38 . 19	=	7,22%
» Юго-западной и средней черноземной полосѣ .	34 . 19	=	6,46%
Промышленной » .	39 . 40,5	=	4,21%
Западной » .	40 . 12	=	4,80%
Восточной и юго-восточн. .	31 . 27,6	=	8,56%
Южной степной	64 . 7	=	4,48%
Сѣверной	99 . 4,9	=	4,96%
			40,69%

Или 41% имѣютъ менѣе, чѣмъ нужно для защиты отъ голодной смерти и потому могутъ существовать, только благодаря постороннимъ заработкамъ, и слѣдовательно,

около 39% должны существовать впроголодь и потреблять отъ 16—20 пудовъ хлѣба въ 1 годъ на душу.

И тутъ опять выступаетъ на первый планъ средній черноземный центръ, гдѣ обезпечено менѣе 1% населенія. Наблюдая здѣсь исчезновеніе владѣльческихъ хозяйствъ, нельзя было еще утверждать, что владѣльцы должны были при этомъ обѣднѣть, такъ какъ замѣна собственныхъ хозяйствъ арендными, могла точно также способствовать улучшенію ихъ положенія.

Теперь же видно, что не только владѣльцы, но крестьяне, къ которымъ стали поступать владѣльческія земли въ аренду, находятся въ очень стѣсненномъ положеніи, а потому оскудѣніе центра есть явленіе общее, какъ для мѣстныхъ землевладѣльцевъ, такъ и земледѣльцевъ и имѣетъ болѣе общую причину.

Главная изъ нихъ конечно заключается въ плохомъ хозяйствѣ, издавна небрежномъ отношеніи къ почвѣ, доведенной до невозможнаго истощенія. Это лучше всего доказывается примѣромъ хозяйствъ Юго-Западныхъ, гдѣ почва не лучше, населеніе столь же густо (около 40 душъ на квадратную версту) и гдѣ существуютъ владѣльческія хозяйства и обезпечено болѣе 28% населенія, вмѣсто 5%, какъ въ среднемъ черноземномъ краѣ. При такихъ условіяхъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ должно было рѣзче всего отразиться на хозяйствахъ этого края и пока оно продолжается, до тѣхъ поръ весьма сомнительно, чтобы можно было серьезно разговаривать о поднятіи здѣсь плодородія: такъ какъ оно возможно, только на счетъ усиленія расходовъ на удобреніе и культуру, которыхъ не покрываютъ продажныя цѣны на хлѣбъ.

Мѣстное землевладѣніе не можетъ здѣсь подняться потому, что какіе ему ни открывай кредиты, затрата капитала на улучшеніе земли оказывается невыгодной, а сдача земли въ аренду или изполу, все-таки выгоднѣе. Не можетъ подняться крестьянинъ, потомучто земель, особенно выгоновъ и лѣсу, у него недостаточно, арендная плата слишкомъ высока, потому, что легкость залога и земельные

банки подняли цѣны на землю до неестественной высоты. Заплативъ дорого за землю, требуютъ дорого и за ея наемъ. Крестьянинъ, которому нужна земля во что бы то ни стало, вездѣ согласенъ отдать за ея наемъ столько труда, что затѣмъ онъ самъ долженъ существовать впроголодь и у него ничего не остается на сбереженіе.

Не смотря на все вышеизложенное, Европейская Россія, до послѣдняго времени, считалась житницей Западной Европы. Она вывозила и продолжаетъ вывозить такое количество хлѣба, какое не доставляла Западной Европѣ никакая другая страна и этотъ вывозъ считался главной поддержкой ея земледѣлія и благополучія землевладѣльческаго класса.

Если сопоставить такой фактъ, съ только что описаннымъ положеніемъ нашего земледѣлія, то невольно рождается рядъ вопросовъ, отвѣтить на которые нельзя a priori, а только обратившись къ ближайшимъ статистическимъ даннымъ.

Россія не даромъ считается страной земледѣльческой по преимуществу, ибо она, на самомъ дѣлѣ, производитъ громадное количество всевозможныхъ хлѣбовъ.

Въ среднемъ за 1885—94 г.г., годовое производство хлѣба было слѣдующее:

	Общій сборъ	мил четвертей за вычет. сѣмянъ	Вывозъ	Остается въ странѣ.
Рожь	112,4	86,42	8	78,34
Пшеница . .	41,16	31,01	16,37	14,64
Ячмень	23,18	22,61	8,76	13,85
Гречиха	9,14	5,44	0,23	5,2
Просо	8,52	5,57	0,06	7,5
Кукуруза . .	3,64	3,39	2,67	0,72
Полба	1,66	1,54	—	1,15
Горохъ . . .	3,03	2,32	0,457	1,86
Картофель . .	60,9	44,34	0,175	44,2

Для того, чтобы уничтожить пестроту этой таблицы, выразимъ всѣ второстепенные хлѣба (гречиху, просо, ку-

курузу, полбу и горохъ), а также картофель рожью, по содержанію азота. Получимъ слѣдующіе результаты:

	Милл. четвертей. Сборъ за вычетомъ посѣва	Вывозъ.	Осталось въ странѣ
Пшеница	31	16,4	14,6
Рожь	86,4	8	78,3
Ячмень (въ ед. ржи) . .	17,6	6,6	10,39
Картофель (въ ед. ржи) .	8,42	0,03	8,39
Остальные хлѣба (въ ед. ржи)	24,28	3,61	20,67
И такъ, въ суммѣ, европейская Россія производитъ пшеницы . . .		31 мил. чет.	
Вывозитъ изъ нихъ		16,4 »	»
Остается дома		14,6 »	»

Другихъ хлѣбовъ: если ихъ выразить рожью:

Производится рожью	136	мил. чет.	пшен.	104,72	м. ч.	
Вывозится	»	18,24	»	»	»	14,04 » »
Остается дома	»	116,76	»	»	»	90,7 » »

Въ суммѣ, производится слѣдовательно количество хлѣба, равное $31 + 105 = 136$ мил. четв. пшеницы; изъ нихъ дома потребляется $14{,}6 + 90{,}7 = 105{,}3$, а вывозится 21 мил. чет. или 22%.

Какъ же согласить такой вывозъ съ необезпеченностью собственнаго населенія? Не были ли мы слишкомъ строги въ предыдущихъ разсчетахъ, принимая за необходимую норму обезпеченія двѣ четверти на душу въ годъ.

105 мил. четвертей пшеницы составятъ приблизительно $105 . 1{,}3 = 136{,}5$ четвертей ржи, которыя, будучи раздѣлены на 82 мил. ртовъ, дадутъ по $\frac{136}{82} = 1{,}65$ четвертей на душу.

Можно ли оправдать какими либо соображеніями достаточность этой послѣдней нормы. Правда Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ считаетъ достаточной еще меньшую норму.

Но его норма, 14,4 четверти на душу, есть норма для правительственныхъ пособій въ случаѣ недобора, и потому не можетъ конечно приниматься за настоящую норму пропитанія взрослаго работника.

Если обратиться къ физіологамъ, то они приведутъ насъ къ такимъ нормамъ, которыя превышаютъ даже эмпирическія. Практика же указываетъ вообще на нормальные потребленія, значительно превышающія 1,65 четверти на душу.

Согласно бюджетамъ крестьянскихъ хозяйствъ, собраннымъ Министерствомъ Земледѣлія, среднее годовое потребленіе 1 души должно составлять 20,7 пудовъ или тѣ 2,3 четверти ржи, которыя давно принимались статистиками за настоящую норму. Если обратиться къ потребленіямъ на душу въ другихъ государствахъ, то они повсемѣстно окажутся превышающими норму. Нормы эти слѣдующія:

	Гект		Гект.
Франція	6,69	Австро-Венгрія . .	5,02
Бельгія	5,89	Нидерланды . . .	4,74
Соединен. Королевства.	5,13	Норвегія	4,43
Швеція	6,5	Швейцарія	3,85
Германія	5,03	Италія	2,57

Итакъ, есть только одна страна въ Европѣ, гдѣ среднее потребленіе хлѣба на душу еще ниже нашего—это Италія. А, если принять въ соображеніе, что Италія потребляетъ всетаки пшеницу, а наши 3,3 гектолитра ржи, собственно равны 2,6 гектолитрамъ, то наше населеніе потребляетъ въ среднемъ на душу, въ своемъ болѣе суровомъ климатѣ, столько же, сколько и итальянскій работникъ и менѣе чѣмъ населеніе какой либо другой страны въ Европѣ. Даже въ Германіи потребленіе на душу составляетъ 2,5 четвертей. Во Франціи оно доходитъ до 3,34 четверти и Соединенномъ Королевствѣ до 2,5 четвертей. Съ своей стороны, физіологи требуютъ, при средней работѣ, для взрослаго человѣка 136 граммъ бѣлка, 83 грамма жира, 489 граммъ углеводовъ. Фойтъ 118 граммъ бѣлковъ, 56 граммъ жира и

500 граммъ углеводовъ, а при усиленной работѣ 145 граммъ бѣлковъ 100 граммъ жира и 500 углеводовъ. Эрисманъ, 130 граммъ бѣлковыхъ, 65 граммъ жира и 450 граммъ углеводовъ. По Вольфу, перевариваемыхъ бѣлковъ во ржи 9,9% и потому 145 граммъ или 34 золотника въ день потребуется 3,59 четвертей ржи въ годъ.

Содержаніе полурабочаго пропорціонально меньше; или $\frac{3,59 \cdot 130}{145} = 3,34$ чет. и содержаніе не рабочихъ $\frac{3,59 \cdot 125}{145} = 3,08$.

Если примемъ число взрослыхъ работниковъ равнымъ 40% населенія, а число малолѣтнихъ и стариковъ равнымъ 34% и полурабочихъ 26%, то средняя норма потребленія на душу будетъ 3,346 четвертей.

Если послушаемъ г. Анненскаго и изъ нихъ исключимъ 18%, допуская, что они покрываются животной пищей, то получимъ всетаки, для теоретической нормы, на душу 2,75 четверти.

Почему тогда г. Анненскій, работавшій подъ руководствомъ профессора Чупрова считаетъ достаточнымъ ограничить норму 18 пудами или 2 четвертями, остается совершенно непонятнымъ. Двухъ четвертей, по теоріи, недостаточно даже для малолѣтнихъ или не производящихъ никакой работы. Для нихъ, даже по теоріи, требуется, если исключить 18% на счетъ животной пищи, не менѣе 2,53 четвертей на душу.

Въ Воронежской губерніи семья, имѣющая 50 рублей на душу, потребляетъ 19,7 пудовъ муки; имѣющая 29 рублей на душу—12,6 пудовъ. Почти та же норма существуетъ и въ Московской губерніи. Этими данными, кажется, и объясняется все дѣло. Средняя между 19,7 и 12,6 составитъ 16,1 пуда или 1,8 четверти, которую проф. Чупровъ и г. Анненскій снисходительно повышаютъ до 2 четвертей. Но вѣдь то обстоятельство, что семья получаетъ только 29 рублей на душу и довольствуется поневолѣ 1,4 четвертями на душу, не даетъ еще права заключать, что другіе, получающіе 2,2 пуда, имѣютъ избытокъ, и отсюда считать настоящую норму ниже послѣдней, тогда какъ она, на самомъ дѣлѣ, должна быть выше, по всѣмъ соображе-

ніямъ. Норма же въ 2 четверти равняется голоданію. Слѣдовательно, процентъ необезпеченной собственнымъ хлѣбомъ части населенія, какой мы вывели выше, не только не былъ преувеличенъ, но даже долженъ быть меньше дѣйствительности. Но вѣдь изъ остающагося дома хлѣба мы еще ничего не вычли на винокуреніе и пивовареніе, а вѣдь это нужно собственно сдѣлать прежде, чѣмъ выводить средній остатокъ потребленія на душу. Тогда этотъ остатокъ 1,65 четверти, не достигая и нормы г. Анненскаго— въ 2 четверти, станетъ еще меньше и приблизится къ казенной порціи, при недоборѣ. Допустимъ всетаки, что теоретическая норма преувеличена, что можно довольствоваться нормою въ 2 четверти, по которой нами разсчитана выше обезпеченность населенія, и слѣдовательно принимаемъ, что процентъ вовсе не обезпеченныхъ не превышаетъ 40% полуобезпеченныхъ 39% и слѣдовательно % обезпеченныхъ не ниже 21.

Какія мы отсюда должны сдѣлать заключенія, оставляя въ сторонѣ всякіе вопросы человѣколюбія и гуманности, собственно съ чисто практической или хозяйственной точки зрѣнія? Очевидно голодный работникъ не можетъ работать такъ же какъ сытый или доставить то количество энергіи, какое доставляетъ питающійся въ надлежащей мѣрѣ. Прямой выводъ отсюда тотъ, что у насъ полныхъ работниковъ можетъ быть столько, сколько ихъ заключается въ 21% населенія, а если считать кругомъ, въ общемъ составѣ взрослыхъ 40% и подростковъ или полурабочихъ 26%, то получимъ вполнѣ обезпеченныхъ: 21% . (40 + 13) % = 11% взрослыхъ рабочихъ.

Отъ полуобезпеченныхъ: 39% . 53% = 10,7% работниковъ.

Итого, на все населеніе 21% взрослыхъ работниковъ дѣйствительныхъ вмѣсто физически взрослыхъ 40% и подростковъ 39%, или 59% полныхъ работниковъ. Въ суммѣ наше хозяйство, преувеличеннымъ вывозомъ на счетъ недостаточнаго питанія собственнаго населенія, достигаетъ того, что вмѣсто 59% полныхъ работниковъ, какое могло бы доставлять его населеніе, имѣетъ только 21%.

Иными словами, у насъ полныхъ работниковъ нѣтъ; а нашъ работникъ равенъ $^{21}/_{59}$ или приблизительно $^{1}/_{3}$ настоящаго работника. Мы сокращаемъ наши производительныя силы вслѣдствіе вывоза на $^{2}/_{3}$ и производимъ лишь $^{1}/_{3}$ того, что могли бы производить. Допустимъ, что изъ числа не обезпеченныхъ извѣстная доля находитъ свое обезпеченіе другимъ путемъ, я не считаю возможнымъ, ибо весь хлѣбъ, который остается за вывозомъ, для внутренняго потребленія, уже принятъ въ разсчетъ; для удѣленія необезпеченнымъ не остается ничего ровно, за вывозомъ. Если же они на самомъ дѣлѣ работаютъ по найму въ земледѣліи или на фабрикахъ и получаютъ тамъ свои дополнительныя порціи къ голодному пайку, то это уже на счетъ того же общаго итога, который оставляетъ вывозъ для внутренняго потребленія, или который, какъ видѣли, достаточенъ вообще для содержанія всего 21% дѣйствительныхъ работниковъ. На этомъ основаніи, при населеніи въ 82 милліона, мы можемъ приравнять нашу рабочую силу къ 17, 21 милліонамъ работниковъ. Эти послѣдніе доставляютъ такое количество хлѣба (136 милл. четвертей пшеницы или 179 милл. ржи), которое, при надлежащемъ питаніи по 2,3 четверти на душу, могли бы прокормить 79 мил. ртовъ или почти все наличное 82 милліоновъ населенія и тогда доставить не 17 милл., а гораздо большее число работниковъ, которые бы произвели и большее количество того же хлѣба. 179 милл. пудовъ на 82 милл. ртовъ составятъ почти 2,3 четверти на душу, то-есть, все-таки менѣе, чѣмъ потребляется во всѣхъ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы.

Тутъ собственно вывозить нечего. Мы очевидно содержимъ (вывозя 16,4 милл. пшеницы и 18 милл. ржи) по крайней мѣрѣ 17 милл. чужихъ рабочихъ въ разныхъ государствахъ Европы, которыхъ, по меньшей мѣрѣ, могли бы содержать у себя дома. Вывозя, мы вывозимъ въ то же время наши отбросы, на которыхъ могъ кормиться скотъ вывозимъ наше удобреніе, нашу почву и т. д.

Если принять средній урожай на владѣльческихъ земляхъ въ 5 четвертей съ десятины, а безъ посѣва 4, то 39 милл. четвертей получимъ съ $^{39}/_{5}$=7,8 милл. десят. или кругомъ 8 милл. озимыхъ десятинъ. По своду Комитета Министровъ показано у владѣльцевъ 30 милл. десятинъ пахаты; изъ нихъ озимыхъ, при трехпольѣ, причитается 10. Поэтому весь вывозъ покрывается владѣльческимъ хлѣбомъ

Для землевладѣльца представляется безразличнымъ, какой работникъ доставляетъ ему тѣ удобства, какія онъ получаетъ на счетъ своего хлѣба, чужой или собственный; но для работающаго населенія, это не безразлично. Мѣстный работникъ предпочтетъ работать лучше, но не впроголодь. Того же мнѣнія должно быть и государство. Но вѣдь и для владѣльца это безразличіе только кажущееся. На самомъ дѣлѣ, для него не безразлично, производитъ ли физически работникъ, котораго онъ нанимаетъ или которому отдаетъ землю въ аренду изъ части урожая, только половину того, что выработалъ бы, если бы былъ сытъ, если онъ на половину дешевле сытаго. Сдѣлаемъ небольшой разсчетъ. Если для поддержанія существованія нужно только 1,6 четверти, при чемъ вся пища идетъ только для поддержанія работы внутреннихъ органовъ и пластики, не оставляя ничего для внѣшней работы, а для превращенія такого тунеядца въ полнаго работника нужно вмѣсто 1,6 четверти 2,3 четверти въ годъ, то, для внѣшней работы, требуется собственно 2,3—1, 6=0,7 четверти и, что приблизительно увеличитъ расходы на одну треть. Иными словами: при рабочей платѣ 1,6 четверти, производитель получаетъ 0 работы; при увеличеніи ее на одну треть—полнаго 1 работника. Итакъ, въ то время, какъ расходъ возрастаетъ на $^{1}/_{3}$, работа возрастаетъ на 1, или быстрѣе расхода. Для самаго производителя выгоднѣе прибавить къ необходимому расходу что-нибудь и получить зато какую-либо работу, чѣмъ истратить 1,6 четверти и не получить ничего. Но этого мало: ему выгоднѣе увеличивать расходъ на работу, пока, благодаря этому, получаемая работа не достигнетъ наибольшей величины; а это наступитъ тогда,

когда физическій работникъ въ состояніи будетъ доставить полное количество работы, какое свойственно полному взрослому работнику, то-есть, когда онъ получаетъ соотвѣтствующее этой работѣ количество пищи. Въ этомъ случаѣ, можно, сказать. что его работа равна 1 или работѣ одного полнаго нормальнаго работника. До этого, она меньше. Отсюда слѣдуетъ, что для всякаго предпринимателя, разъ онъ пользуется чужимъ трудомъ, менѣе всего выгоденъ работникъ голодный, что работникъ для него тѣмъ болѣе выгоденъ, чѣмъ онъ болѣе сытъ и всего выгоднѣе вполнѣ сытый. При сытыхъ работникахъ онъ производилъ бы то же количество хлѣба, какъ и теперь, меньшимъ числомъ работниковъ. Правда, онъ платилъ бы имъ дороже; но платя 1,6 четверти, онъ не получилъ бы никакой работы. Увеличивая плату до 2,3 или увеличиваярасходъ на одну треть, онъ получаетъ 1 работы. Слѣдовательно, работа, имъ получаемая, возрастаетъ быстрѣе расхода, пока она не станетъ равна единицѣ: а потому расходъ на нее, безусловно, выгоденъ для всѣхъ, не исключая предпринимателя и землевладѣльца.

Наши землевладѣльцы, при сытыхъ работникахъ, могли бы производить вывозимое ими теперь количество хлѣба на столько меньшимъ числомъ рукъ, что общій расходъ на работу оказался меньше настоящаго. Поэтому, тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ полуголоднымъ работникомъ, нельзя говорить о невыгодности и невозможности хозяйствъ потому только, что цѣны на хлѣбъ не покрываютъ рабочей платы. Ибо, какъ бы ни была мала рабочая плата, она можетъ быть убыточна или слишкомъ высока для дурного или голоднаго работника. Можно судить объ этомъ положительно только тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ полнымъ работникомъ. Поэтому, при нашемъ положеніи вещей, даже нельзя говорить съ полной увѣренностью о безусловной невыгодности хозяйства, при настоящихъ цѣнахъ. Это доказываютъ, между прочимъ, остзейскія хозяйства, которыя оказываются выгоднѣе, несмотря на то, что здѣсь рабочая плата выше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европейской Россіи и которыя продолжаются, несмотря на паденіе цѣнъ.

Мы ежечасно должны считаться съ психологіей; если сельскій хозяинъ исторически воспитанъ въ томъ убѣжденіи, что для него тѣмъ выгоднѣе работникъ, чѣмъ онъ дешевле, то настоящее поколѣніе хозяевъ будетъ безполезно разувѣрять въ противномъ. Иной взглядъ можетъ утвердиться только въ будущемъ. Это показываетъ уже теперь примѣръ болѣе развитыхъ государствъ, какъ Англія и Америка.

Можно думать, что тамъ, гдѣ въ настоящее время наши земледѣльческія хозяева стараго закала (воспитанные въ томъ сознаніи, что для нихъ тѣмъ выгоднѣе хозяйство, чѣмъ ниже рабочая плата) считаютъ невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе самостоятельныхъ хозяйствъ земледѣлія, это найдутъ возможнымъ новые труженики на почвѣ, выросшіе при другихъ условіяхъ, менѣе зараженные разсчетами на даровой или дурно оплачиваемый трудъ и лучше подготовленные по своимъ агрономическимъ знаніямъ.

Естественный исходъ для нашего земледѣлія изъ его настоящаго затруднительнаго положенія, повидимому, и можетъ заключаться въ образованіи новаго разряда хозяевъ арендаторовъ и въ обращеніи помѣстныхъ владѣльческихъ хозяйствъ въ арендныя хозяйства средняго размѣра. Поощрять образованіе такого класса болѣе и менѣе крупныхъ фермеровъ, прямая выгода и владѣльцевъ, и правительства. Разъ владѣльцы находятъ для себя невыгоднымъ дальнѣйшее веденіе хозяйствъ, то помочь ихъ положенію, улучшить его, есть одно прямое средство, — помочь имъ скорѣе освободиться отъ своихъ хозяйствъ наиболѣе выгоднымъ образомъ. Теперь имъ ничего не остается, кромѣ сдачи земель въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ. Появленіе же новаго класса болѣе крупныхъ арендаторовъ, только можетъ поднять спросъ на ихъ земли. Этотъ классъ, по всей вѣроятности, вырастетъ самъ собою, мало-по-малу, изъ состава мелкихъ владѣльцевъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ. Но отъ правительства зависитъ ускорить этотъ процессъ болѣе прямыми мѣрами. Вмѣсто того, чтобы предоставлять на волю случая имѣнія, продаваемыя земельными

банками ихъ безнадежныхъ должниковъ, оно можетъ выкупать эти имѣнія за свой счетъ; дробить ихъ на фермы средняго размѣра и эксплуатировать арендным способомъ. Это будетъ прямая поддержка для владѣльцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заслуга передъ народнымъ хозяйствомъ, которое, такимъ путемъ, пріобрѣтетъ болѣе раціональный видъ. Расходъ на эту мѣру долженъ быть вовсе не такъ великъ, такъ какъ выкупъ будетъ идти исподволь и распространяться ежегодно, только на незначительный процентъ заложенныхъ имѣній; во-вторыхъ это будетъ для правительства расходъ оборотный, ибо оно будетъ сдавать непосредственно тѣ же земли въ аренду. О всѣхъ другихъ средствахъ, въ видѣ всякихъ кредитовъ и пособій, говорить безполезно уже потому, что всѣ они были испытаны и всѣ оказались болѣе вредны, чѣмъ полезны для самихъ владѣльцевъ.

Но, если для улучшенія нашего земледѣлія долженъ измѣниться или переродиться хозяинъ, то на столько же долженъ измѣниться и работникъ. Наивно было бы думать, что стоитъ только повысить рабочую плату, чтобы получить настоящаго работника. Послѣдствіемъ этого будетъ только то, что настоящій работникъ станетъ работать менѣе: прибавится еще нѣсколько прогульныхъ и праздничныхъ дней; если работа его, какъ болѣе сытаго, станетъ нѣсколько лучше, то общее количество труда едва ли много увеличится. Нужно, чтобы у этого неразвитого класса обывателей явились болѣе разнообразныя и человѣческія потребности; чтобы онъ понялъ нужду въ болѣе опрятныхъ жилищахъ, обстановкѣ и пр.: Иначе онъ будетъ до скончанія міра играть свои свадьбы, ковырять кое-какъ землю и топить въ пьянствѣ незанятое время.

Но какія культурныя потребности могутъ народиться у населенія, болѣе 70% котораго существуетъ впроголодь! Но вѣдь кромѣ того, что крестьянство получитъ отъ своихъ хозяйствъ, оно что нибудь зарабатываетъ въ отхожихъ промыслахъ, на фабрикахъ, заводахъ и пр. Сколько же изъ этихъ заработковъ идетъ на лучшее пропитаніе? — Ничего ровно, ибо въ среднемъ внутреннее потребленіе

равняется 1,6 четверти на душу. И вотъ, оказывается, что прежде чѣмъ говорить о другихъ потребностяхъ, нужно, чтобы онъ выучился ѣсть.

Можетъ быть на сторонѣ, во время заработковъ, онъ питается нѣсколько лучше; но, по возвращеніи домой, довольствуется тѣми же голодными разносоломи; деньги же, которыя онъ приноситъ домой, идутъ на другія украшенія жизни.

Но иначе и не можетъ быть, при тѣхъ не нормальныхъ условіяхъ, въ такихъ оказывается крестьянское земледѣльческое хозяйство по истеченіи 40 лѣтъ со времени освобожденія. Съ одной стороны выкупные платежи за землю, которой нельзя распорядиться по своему усмотрѣнію; съ другой—безусловный недостатокъ той же земли для существованія—такова дилема, которую создала принятая въ свое время система освобожденія: Выкупъ надѣловъ за счетъ крестьянъ былъ съ самаго начала ошибкой, которая привела къ настоящимъ затрудненіямъ.

Если бы выкупъ надѣловъ былъ произведенъ за счетъ казны, то этихъ затрудненій не было бы. Казна была бы хозяиномъ и отъ нея бы зависѣло бы устраивать здѣсь тѣ хозяйственныя единицы, и которыя имѣютъ смыслъ, а не значенія реликвій дикаго періода, вродѣ нашихъ общинныхъ хозяйствъ, осложненныхъ наслѣдственностью передѣловъ надѣловъ. Какъ хотите, а тамъ, гдѣ наростаетъ населеніе, весъ приростъ не можетъ безъ конца оставаться въ земледѣльческомъ классѣ. Часть прироста должна ежегодно отходить къ другимъ спеціальностямъ, переходить въ промышленную среду, 80 милліоновъ земледѣльцевъ и 2 милліона промышленныхъ работниковъ! — гдѣ, въ какомъ цивилизованномъ государствѣ существуетъ такая пропорція! Одно это отношеніе указываетъ на нѣчто ненормальное, на недостатокъ внутренняго рынка, на который бы могли работать силы, лишнія для земледѣлія. Возьмемъ производство прославленнаго промышленаго Московскаго раіона и вы увидите, что одинъ Петроковскій уѣздъ въ царствѣ Польскомъ производитъ немного менѣе.

Очевидно, для упорядоченія крестьянскихъ хозяйствъ, нужно, прежде всего, освободить крестьянское земледѣліе отъ лишнихъ угнетающихъ его рукъ. Нигдѣ, въ самую страдную пору, не существуетъ столько праздниковъ и такого малаго количества будничныхъ дней, какъ въ Россіи. Очевидно, что у насъ или слишкомъ много земледѣльцевъ, или наши работники слишкомъ слабы въ сравненіи съ европейскими; а можетъ быть и то и другое.

Не даромъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ работаетъ цѣлый переселенческій отдѣлъ. Но какъ бы ни были успѣшны его дѣйствія, они не могутъ устранить коренныхъ недостатковъ системы. Эмиграція и разселеніе издавна были обыкновенными средствами противъ избытка населенія. Но европейская эмиграція не только устраняла лишніе рты; она и устраивала ихъ въ другомъ мѣстѣ; она въ то же время колонизировала новыя мѣста, создавая здѣсь новые рынки, на которые могли работать метрополіи; она переносила на новыя мѣста не только руки, но и капиталы и болѣе или менѣе развитую культуру. Она перевозила сюда не только сохи и бороны, но создавала рядомъ съ селами и фермами города, банки, школы и вообще учрежденія; на нихъ и создавались торговыя связи колоніи, съ метрополіею; между тѣмъ какъ наши колонизаторы ничего не могутъ дать новымъ мѣстамъ, кромѣ того же безнадежнаго ковырянія земли, какое она производитъ у себя дома. Если этой земли на первое время у нихъ станетъ на новыхъ мѣстахъ достаточнѣе, то черезъ два, три десятка лѣтъ будетъ опять недостаточно и т. д. По таблицѣ г. Щербины (прилож. къ ст. Кр. бюджетъ въ Изд. Д. Т. «О вліяніи урожая») весь сборъ хлѣбовъ, съ крестьянскихъ земель, безъ высѣва, въ среднемъ за пятилѣтіе 1883—1887 составляетъ, для Европейской Россіи, 404 милл. пуд. Если изъ нихъ овесъ исключить вовсе, а для привода всѣхъ хлѣбовъ къ единицѣ ржи, повысить сборъ пшеницы въ отношеніи $^{100}/_{70}$, а четверть картофеля приравнять 0,20 четверти ржи и остальные второстепенные хлѣба принять за рожь, то получимъ слѣдующіе результаты для двухъ главныхъ раіоновъ:

	Милл четв	Населен об сбор	Четв ржи на 1 душу
Южныя черноз. губ. Южн. Степн. Юго-зап., средн. черн., юго-вост. Сѣверныя нечерноземныя	73	52,2	2,1
(Западныя, Промышлен., Восточн., Балтійскія и Сѣверныя губ.). .	44,5	34,3	1,4

къ этому слѣдуетъ прибавить сборъ съ владѣльческихъ земель.

Здѣсь сборъ хлѣбовъ равенъ, приблизительно, половинѣ сбора съ крестьянскихъ земель. Урожаи ржи на крестьянскихъ земляхъ относятся къ урожаямъ на владѣльческихъ, въ черноземномъ раіонѣ какъ 33 : 39, въ нечерноземной полосѣ какъ 32 : 42; а посѣвъ, какъ 28,7 : 12,4, а въ нечерноземной полосѣ, какъ 15,3 : 3,35.

Пользуясь этими данными Свода Ком. Мин., найдемъ сборъ съ владѣльческихъ земель:

въ Южн. черн. полосѣ 12,4×39=483,6 милл. пуд. или 53,7 милл. чет. И сѣв. нечерноз. полосѣ 42+3,35=140,7 милл. пуд. или 15,5 милл. четвертей.

Прибавляя ихъ къ сбору съ крестьянскихъ земель, получимъ:

	Общій сборъ м. ч	Населеніе общ сел. д	Четв на душу четв.
Южная черноз. полоса	126	52.2	2,41
Сѣверная нечерноземн. полоса.	59,5	34,3	1,71

Очевидно, что при такихъ условіяхъ, собственно южная полоса должна кормить сѣверную; что хлѣба послѣдней по 2,3 четверти на душу достаточно только для прокормленія 15 милл. душъ, и здѣсь есть 19 душъ населенія лишнихъ. Фактически, какъ говорится, они живутъ на сторонѣ заработками, то есть, кормятся частью хлѣбомъ южной полосы.

Но, если изъ ея производства исключить 30 милл. вывоза, то и здѣсь остаются на душу 96:52,2 = 1,82 четвертей. Такъ что, въ дѣйствительности, эти 19 милл. душъ кормятся на счетъ недоѣданія остальныхъ.

Для того, чтобы избавить населеніе отъ этой напасти нужно, чтобы его сталъ кормить кто либо на сторонѣ; а для этого нужно, чтобы по крайней мѣрѣ населеніе Сѣверной полосы вышло изъ положенія земледѣльцевъ и стало промышленнымъ. Половина же эта составитъ не менѣе 15 милл., какъ видно, а не 2 милліона, который составляетъ итогъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ въ настоящее время. Но для этого нужно, чтобы сама крестьянская среда стала потребителемъ заводскаго и фабричнаго товара; а такимъ потребителемъ крестьянинъ стать не можетъ, пока будетъ существовать только впроголодь. Это можетъ имѣть мѣсто только при извѣстномъ достаткѣ и развитіи.

Но для этого нужно, чтобы было обращено болѣе серьезное вниманіе на тѣ недостатки крестьянскихъ хозяйствъ, которые прямо бросаются въ глаза. Это хозяйство не можетъ улучшиться, при недостаточномъ количествѣ выгоновъ, лѣса и скота. Оно не можетъ улучшиться, пока мы будемъ продолжать думать, что наше хозяйство не денежное какъ западно-европейское, а натуральное; тогда какъ нужда въ деньгахъ—это другая петля для этого хозяйства. Въ дни обязательныхъ денежныхъ платежей и притомъ не приноровленныхъ ко времени, крестьянинъ входитъ въ долги, продаетъ скотъ, продаетъ ежегодно хлѣбъ осенью, чтобы покупать его обратно весной по дорогой цѣнѣ. Не можетъ образоваться и промышленность, приспособленная къ крестьянскимъ потребностямъ, пока для этого не окажется въ наличности двухъ вещей: во-первыхъ, покупателя за недостаткомъ средствъ; во-вторыхъ, надлежащихъ сбереженій.

Существующіе заводы поставлены были, до сихъ поръ, въ такое положеніе, что сегодня они должны лить пушки, завтра переустраиваться для производства броней, а черезъ годъ строить паровозы; если они постоянно должны перестраиваться на разныя спеціальности, то естественно, что они и безъ того опутаны долгами. Поэтому, если имъ теперь еще сказать, довольно паровозовъ, дѣлай лопаты, гвозди и пр. и постарайся жить частными потребителями, то это было бы равносильно предложенію закрыться съ неоп-

латными долгами и открыть новыя производства на счетъ новыхъ долговъ, которыхъ заключить болѣе негдѣ. Положиться на личную предпріимчивость частныхъ капиталистовъ также наивно, пока гораздо спокойнѣе рѣзать купоны отъ ренты и закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ, чѣмъ пускаться въ неизвѣданныя предпріятія.

Для того, чтобы гдѣ либо начала развиваться частная предпріимчивость, нужно, чтобы не только образующіяся сбереженія начали напрашиваться на предпріятія, но чтобы они производили давленіе на денежный рынокъ, и это можетъ имѣть мѣсто только при наличности, не только капиталовъ, но и потребителя.

Только при подобныхъ условіяхъ развилась частная предпріимчивость и на Западѣ. Ее создаетъ, не только избытокъ денежныхъ капиталовъ на рынкѣ, но и присутствіе спроса на вещи или покупателя, а у насъ его не было и нѣтъ. Сосчитайте только одни внутренніе займы за послѣдніе годы: фискальные, земельные и пр., вы увидите, что ходячее мнѣніе, будто у насъ не достаетъ капиталовъ и сбереженій — ложь, только эти сбереженія не крестьянскія, не той марки, которая создаетъ внутренній рынокъ, и промышленность и земледѣліе отъ нихъ мало выигрываютъ. Между тѣмъ въ настоящее время одной военной силы недостаточно болѣе для поддержанія внѣшняго значенія государства. Для того же, чтобы бороться съ другими на хозяйственной почвѣ, на почвѣ промышленности, нужна своя собственная промышленность. Послѣдняя же немыслима безъ національнаго потребителя прежде всего. Національнымъ же потребителемъ можетъ стать только богатѣющій народъ. Богатѣть же масса населенія не можетъ, погрязая въ невѣжествѣ, существуя въ проголодь и умѣя только ковырять кое-какъ землю, по примѣру отцовъ.

Обстоятельства послѣдняго времени заставили обратить вниманіе на указываемую сторону дѣла, но и помимо этого, къ концу 19 вѣка, положеніе нашего земледѣлія пришло къ такому уровню, за которымъ начался рядъ

хроническихъ голодовокъ. Чуть не на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, такъ называемый аграрный вопросъ сталъ вопросомъ дня.

Во всякомъ дѣлѣ, при всякомъ преобразованіи, естественно, прежде всего, ясно установить ту цѣль или задачу, которую должна имѣть реформа. Такъ и въ данномъ случаѣ, первый вопросъ, который подлежалъ рѣшенію, долженъ былъ бы быть вопросомъ о предметѣ. Нужно спросить, что собственно мы желаемъ устраивать или разумѣемъ подъ аграрнымъ вопросамъ. Желаемъ ли мы устроить наше земледѣліе, или только обезпечить земледѣльческій классъ, или устроить земледѣльцевъ. Думать, что это одно и тоже невѣрно уже потому, что задача земледѣлія не исчерпывается нуждами и интересами одного земледѣльческаго класса, она шире послѣдней.

Земледѣліе составляетъ общегосударственную потребность и отъ его неустройства страдаютъ интересы всѣхъ классовъ, всего государства. Его устройство удовлетворитъ интересамъ всѣхъ классовъ, а потому обнимаетъ собой и устройство самаго земледѣльческаго населенія, въ тѣсномъ смыслѣ. Можно даже сказать, что настоящее обезпеченіе послѣдняго и возможно, только при устройствѣ земледѣлія и только въ этомъ случаѣ можетъ быть прочно. Но, подъ устройствомъ земледѣльческаго класса, можно разумѣть ближайшее обезпеченіе этого класса землей, что еще вовсе, само по себѣ, не обезпечиваетъ процвѣтанія земледѣлія. Всѣ реформаторы и устроители, которыхъ мнѣ пришлось до сихъ поръ читать и слышать, если не ошибаюсь, смотрятъ на нашъ аграрный вопросъ съ этой именно исключительной точки зрѣнія. Земли у крестьянъ мало, нужно дать имъ ее возможно достаточно. Отличаются реформаторы развѣ въ одномъ. Одни желаютъ въ самомъ дѣлѣ дать земли сколько нужно для того, чтобы насытить рты, другіе дать столько,—сколько нужно для того, чтобы успокоить крикуновъ. Нужно-ли доказывать, что такая постановка вопроса нисколько не отвѣчаетъ существу дѣла, съ государственной точки зрѣнія ни куда негодна, и вмѣсто устраненія коренныхъ

затрудненій, только создастъ новыя, болѣе тяжкія—въ будущемъ. Ни для кого не должно быть секретомъ, что увеличеніе настоящихъ надѣловъ будетъ только повтореніемъ того же, что было сдѣлано сорокъ лѣтъ назадъ. Какъ прежніе надѣлы теперь недостаточны, такъ новые должны оказаться тѣмъ же, по истеченіи новаго срока. Это такое естественное условіе, котораго избѣжать нельзя. Наростающее населеніе не можетъ безъ конца переполнять собой земледѣльческій классъ. Часть его должна неизбѣжно увеличивать собой классъ промышленный, что и происходитъ обыкновенно и происходило уже до сихъ поръ. Часть вновь надѣленныхъ будетъ, поэтому, какъ и ранѣе, освобождаться отъ своихъ надѣловъ и обращаться въ безземельныхъ, въ то время, какъ ихъ земли будутъ скупаться болѣе достаточными богатѣющими, крестьянами. Большая часть земледѣльческаго населенія, сначала можетъ быть и обезпеченная увеличенными надѣлами, будетъ постоянно приближаться, благодаря приросту, къ тому безнадежному ковырянію земли въ проголодь, какое мы видимъ теперь. Но богатѣющая часть населенія, на счетъ обращающейся части въ батраковъ, по своей малочисленности, не въ состояніи создать серьезнаго рынка, а слѣдовательно и промышленности. Внутренній рынокъ можетъ дать только масса населенія, образующаяся въ покупателей, а для этого нужно избѣжать образованія того большинства, которое обрекается пока на ковыряніе земли впроголодь, безъ пользы для себя, и ко вреду всѣхъ. Это же возможно только въ томъ случаѣ, если во первыхъ, наростающіе здѣсь рты будутъ находить прямой выходъ въ промышленное населеніе и во вторыхъ, земледѣльцы будутъ не только прокармливать себя, но въ состояніи будутъ содержать и отходящихъ промышленниковъ. Но какъ же этого достигнуть, если эта часть населенія и при увеличенныхъ надѣлахъ, только развѣ въ состояніи будетъ прокармливать себя при настоящемъ ея составѣ. Очевидно, что этого можно достигнуть, только улучшая культуру, а оставаясь при способѣ хозяйства, заимствованномъ у праотцевъ, — невозможно.

Здѣсь то именно приходитъ и вопросъ о хозяйственной единицѣ.

Если при настоящемъ хозяйствѣ, въ рукахъ настоящихъ надѣльныхъ владѣльцевъ, отведенная имъ земельная площадь приноситъ доходъ достаточный, только для прокармленія въ проголодь наличнаго ея населенія, давая урожаи въ 3—4 четв. съ десятины, а при другомъ способѣ хозяйства будетъ давать, какъ на западѣ, 7 и 8 четвертей, то, само собой уже указывается и выходъ изъ вопроса. Обращаясь опять къ опыту Западной Европы, знаемъ, что здѣсь, улучшеніе культуры сопровождалось одновременнымъ измѣненіемъ хозяйственной единицы и приведеніемъ ея къ среднему размѣру, какъ наиболѣе производительному. Если же это такъ, если устройство земледѣлія требуетъ высшихъ способовъ культуры, а послѣдніе и соотвѣтствующей по размѣру хозяйственной единицы, то нечего медлить и съ соотвѣтствующими мѣрами, ибо жизнь все равно приведетъ вещи къ тому же знаменателю. Я разумѣю здѣсь не прямую ломку существующихъ единицъ и, если говорилъ выше о скупкѣ казной продающихся земель и устройствѣ на нихъ долгосрочныхъ арендъ, то въ видѣ начала насажденія порядка, который могъ бы, мало-по-малу, распространяться безъ всякой ломки. Я далекъ вообще отъ вѣры въ способность государства вводить, по произволу, тѣ порядки, какіе ему вздумается. Этой ошибкой оно слишкомъ страдало въ прошедшемъ. Насиловать природу вещей оно не можетъ, какъ и медицина въ своей области, но помогать природѣ, облегчая и ускоряя естественный ходъ вещей,— его прямая задача.

Какъ бы то ни было, я считаю слишкомъ яснымъ что аграрный вопросъ долженъ ставиться, какъ вопросъ устройства земледѣлія, а не только увеличенія надѣловъ, тѣмъ болѣе, что, только при такой его постановкѣ или устройствѣ земледѣлія, возможно обезпеченіе и устройство и земледѣльческаго класса, на основаніи согласномъ съ дальнѣйшими успѣхами, какъ матеріальной, такъ и нравственной культуры. Простое уменьшеніе земельной нужды, безъ

измѣненія строя хозяйства и улучшенія культуры, будетъ временнымъ паліативомъ, который скорѣе поведетъ къ удержанію земледѣльческой культуры, на ея настоящемъ уровнѣ, чѣмъ къ ея улучшенію. Повторяю обогащеніе массы, населенія и можетъ служить только дѣйствительнымъ средствомъ поддержанія внѣшняго значенія государства и обезпечить его отъ эксплоатаціи сосѣдними, ему подобными политическими единицами.

